

Рейчел Кейн

Бог хаоса

www.megabook.do.am

Рейчел Кейн

Бог хаоса

Морганвилльские вампиры
Книга пятая

Аннотация

По-прежнему вампир Бишоп, пришедший в наш мир из прошлого, наводит страх на жителей Морганвилля — как на людей, так и на детей ночи. Ставка в его игре — воцарение на земле хаоса, и Морганвилль для него плацдарм, откуда он готовит удар по ничего не подозревающему человечеству. Но Бишоп не единственная угроза. На город надвигается жесточайший шторм, и удар природной стихии, усиленный энергией зла, не оставит от Морганвилля ни камня. Клер и ее друзья готовятся защищать город независимо от исхода схватки.

Впервые на русском новая книга знаменитого сериала «Морганвилльские вампиры», имеющего множество почитателей во всем мире!

*Теру Матиесу,
Анне Корра'ти и Шазу Флинну —
они бесстрашные воины, все до одного.
И неутомимой Пэт Флинн.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не появилась бы на свет без поддержки моего мужа Кэта, моих друзей Пэт, Джеки, Шарон и множества замечательных онлайн-овых приверженцев и поклонников.

Особая благодарность и признательность Шарон Сэме, Шазу Флинну и главным образом неустрашимым бета-тестерам текста Карин и Лауре за их неоценимый вклад.

И как всегда, спасибо Люсенне Дайвер.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ КНИГ

Клер Данверс собиралась поступать в Калтех¹. Или, может, в МТИ². В общем, перед ней открывался огромный выбор замечательных высших учебных заведений, однако ее родители предпочли отправить шестнадцатилетнюю девушку в более тихое место — Техасский технический университет в городе Морганвилле. По крайней мере на год — пока не повзрослеет.

Но вот проблема: Морганвилль — совсем не то, чем кажется. Это последнее прибежище вампиров, что делает город совсем не безопасным для приезжающих сюда на работу или учебу людей. Вампиры правят городом и всеми, кто живет в нем.

К тому же Клер, как выяснилось, обладает удивительной способностью находить себе влиятельных врагов, как среди людей, так и среди вампиров. Сейчас она живет в одном доме с Майклом Глассом (недавно ставшим вампиром), Евой Россер (готом по убеждению) и Шейном Коллинзом (чей отец, в данный момент отсутствующий, известен как непримиримый борец с кровососами). Клер — обыкновенная девушка или, точнее, была бы таковой, если бы не стала служить Основателю города, Амелии, и не испытывала дружеских чувств к одному из самых опасных и одновременно беззащитных вампиров — Мирнину, алхимику.

¹ Калтех — Калифорнийский технологический институт. (Здесь и далее прим. перев.)

² МТИ — Массачусетский технологический институт.

Сейчас в город приехал отец Амелии, Бишоп, тоже вампир, и разрушил хрупкий мир, натравив вампиров друг на друга и способствовал созданию новых опасных группировок в городе, где их и так уже слишком много.

Морганвилль оказался предоставлен самому себе. Клер и ее друзья предпочли встать на сторону Основателя, хотя это может означать сотрудничество с врагами и войну с друзьями.

1

Все разладилось, и Морганвилль горел — отдельные районы, по крайней мере.

Клер стояла у окна в Стеклянном доме и наблюдала за тусклыми, мерцающими отблесками оранжевого пламени. Здесь, в техасской глуши, по ночам особенно ярко звезды, но не сегодня. Этой ночью...

— Ты, наверно, думаешь, наступает конец света, — слышался у нее за спиной негромкий, спокойный голос.

Клер мгновенно вышла из оцепенения и обернулась. Амелия — Основатель и самый крутой, по мнению многих, вампир города — выглядела хрупкой и бледной даже для вампира. Она сменила наряд, в котором была на бале-маскараде Бишопы, — вполне разумно, учитывая, что на том платье от удара колом образовалась дыра и оно пропиталось кровью. Если Клер нуждалась в доказательстве того, насколько вынослива Амелия, то сегодня ночью она его получила. Подвергнуться нападению убийцы и уцелеть... ну, это определенно добавляет ей очков.

Амелия была вся в сером — мягкий свитер и брюки. Клер вытаращилась, поскольку Амелия никогда не носила брюк. Считала это ниже своего достоинства, может быть.

Если уж на то пошло, Клер и в сером ее никогда не видела.

И не слышала, чтобы она рассуждала о конце света.

— Я помню, как горел Чикаго, — продолжала Амелия. — И Лондон. И Рим. Но никакого конца света не наступило, Клер. Утром уцелевшие начинают все сначала. Таков порядок вещей. С человеческой точки зрения.

Клер была не в настроении выслушивать бодрые речи. Больше всего ей хотелось подняться наверх и, накрывшись одеялом с головой, свернуться калачиком в объятиях Шейна.

Все это было неосуществимо. Ее постель в данный момент занимала Миранда, совсем юная девушка-медиум, укушенная вампиром, а что касается Шейна...

Шейн должен был вот-вот покинуть дом.

— Зачем? — вырвалось у нее. — Зачем вы отправляете его туда? Вы же знаете, что может произойти.

— Я знаю о Шейне Коллинзе много такого, что тебе неизвестно, — прервала ее Амелия. — Он не ребенок и уже успел немало пережить. Переживет и это. И потом он сам хочет сменить обстановку.

Она отсылала Шейна в предрассветную тьму вместе с несколькими отборными бойцами, как вампирами, так и людьми, чтобы захватить передвижную станцию: последнее уцелевшее хранилище крови в Морганвилле.

И уж чем-чем, а этим Шейн никак не хотел заниматься. А Клер хотела этого еще меньше.

— Самому Бишопу не нужна передвижная станция, — сказала она. — Он хочет просто уничтожить ее. По Морганвиллю бродят толпы живых банков крови, и его это вполне устраивает.

— Но если вы ее лишитесь, это существенно повредит вам, поэтому он за ней и гоняется. Я права? Судя по сурово поджатым губам, Амелии не нравилось, когда разгадывают ее планы.

— Пока книга у Шейна, Бишоп не решится уничтожить станцию. Ему совсем не улыбается заодно лишиться того, что он ценит чуть ли не превыше всего.

Перевод: Шейн — приманка. Благодаря книге. Клер ненавидела эту проклятую книгу, от нее были одни неприятности. Амелия и Оливер, два самых крутых вампира в городе, из кожи вон лезли в поисках книги, а вместо этого томик совершенно случайно попал в руки Клер. Жаль, что сейчас у нее не хватит духа вырвать у Шейна книгу, выбежать наружу и бросить в ближайший горящий дом, таким образом избавившись от нее раз и навсегда. Насколько Клер могла судить, эта книга никому не принесла ничего хорошего, даже Амелии.

— Он убьет Шейна, чтобы завладеть книгой, — сказала Клер.

Амелия пожала плечами.

— Готова держать пари — убить Шейна гораздо труднее, чем кажется.

— Да, вы готовы держать пари, когда на кону жизнь Шейна.

Амелия вперила в нее взгляд холодных серых глаз.

— Ты должна понимать: на кону все наши жизни. Так что будь благодарна мне, дитя. Я могу в любой момент отказаться от этой борьбы. В этом случае отец позволит мне уйти — но только мне одной. Тогда я буду считать свои обязанности перед тобой и остальными преданными мне жителями города выполненными, — Она прищурилась, — Не вынуждай меня обдумать и этот вариант.

Клер постаралась придать лицу выражение покорности (хотя в глубине души испытывала совсем другие чувства) и кивнула. Амелия прищурилась.

— Будь наготове. Отправляемся через десять минут.

Не одного Шейна ожидала грязная работа; всем остальным тоже предстояло заняться делами, которые им не очень-то нравились. В частности, планировалось, что Клер вместе с Амелией попытается спасти еще одного вампира — Мирнина. И хотя Мирнин нравился Клер и даже во многих отношениях вызывал восхищение, ее отнюдь не радовала перспектива снова встретиться лицом к лицу с тем, кто захватил его, — ужасным мистером Бишопом.

Ева вместе с Оливером, почти таким же устрашающим вампиром и своим бывшим боссом, отправлялась в кафе «Встреча». Майклу и сыну мэра Ричарду Морреллу предстояло поехать в университет. Клер даже вообразить не могла, как они сумеют защитить несколько тысяч ничего не подозревающих студентов. Даже удерживать их в кампусе в сложившейся ситуации вряд ли возможно — как помешать им звонить домой, садиться в автомобили и убираться отсюда восвояси?

Правда, вампиры контролируют стационарные телефонные линии, сотовые телефоны, Интернет, телевидение и радио, а машины выходят из строя на окраинах города, если вампиры не хотят, чтобы кто-то уезжал. Без разрешения из Морганвилля сумели вырваться очень немногие люди. К примеру, Шейн, но потом и он вернулся.

Можно лишь представить себе, какое для этого потребовалось мужество — ведь он знал, что его здесь ожидает.

— Привет! — окликнула ее Ева.

Она стояла, держа в руках груды одежды, в основном красной и черной, в своем излюбленном готическом стиле. Сама она переделалась — в то, что в мире Евы считалось практичным боевым облачением: черные джинсы в обтяжку, плотно облегающая черная рубашка с рисунком из красных черепов и тяжелые ботинки на толстой подошве. На шее — утыканный шипами черный кожаный воротник, который дразнил вампиров: «Попробуй, укуси!»

— Привет! — ответила Клер, — Думаешь, сейчас самое время заняться стиркой?

Ева закатила глаза.

— Умница! Некоторым не нравится идея умереть в идиотских маскарадных костюмах, если ты понимаешь, о чем я. А ты? Готова избавиться от своего наряда?

Клер оглядела себя и с искренним удивлением обнаружила, что на ней все еще обтягивающее пестрое трико Арлекина.

— Ох да! — Она вздохнула, — У тебя есть что-нибудь... ну, без черепов?

— Чем тебе черепа не угодили? Ладно, вот тут их точно нет, — Ева уронила груды одежды на пол, порылась в ней, вытащила простую черную рубашку и голубые джинсы. — Между прочим, джинсы твои. Прости, но я тут собрала разбросанные вами вещички. Надеюсь, тебя устраивает то белье, что на тебе; в шкафах я не рылась.

— Боялась слишком сильно возбудиться? — спросил из-за плеча Евы Шейн, — Пожалуйста, скажи «да». — Он вытащил из груды вещей свои джинсы, — И, очень тебя прошу, держись подальше от моего шкафа.

— Если ты боишься, что я обнаружу твои порножурналы, это ни для кого не новость. К тому же они такие скучные. — Ева взяла с кушетки одеяло и кивнула на угол комнаты, — Сегодня ночью в этом доме и уединиться негде. Пошли, устроим там раздевалку.

Так они и сделали, обходя людей и вампиров, набившихся в Стекланный дом. Он стал неофициальной штаб-квартирой их сторонников, а это означало, что вокруг толклось множество людей, которым в обычных обстоятельствах они в жизни не позволили бы переступить порог.

Взять хотя бы Монику Моррелл. Дочь мэра избавилась от тяжелого костюма Марии-Антуанетты и снова стала той изящной, хорошенькой, мерзкой блондинкой, которую Клер хорошо знала и ненавидела.

— О господи! — Клер стиснула зубы, — На ней что, моя блузка? — Ее единственная приличная блузка, к тому же купленная всего на прошлой неделе! — Напомните мне потом сжечь ее. И затоптать пепел.

Моника заметила ее взгляд, расправила воротник, злорадно улыбнулась и произнесла одними губами: «Спасибо».

Ева схватила Клер за руку, потащила в пустой угол и наподобие ширмы растянула там одеяло.

Клер с облегчением стянула пропотевший костюм Арлекина и вздрогнула от прикосновения прохладного воздуха. Оставшись в одном белье, она почувствовала себя неуютно — всего лишь одеяло отделяло ее от десятка незнакомцев, а ведь некоторые из них, весьма вероятно, были не против съесть ее.

Шейн заглянул поверх одеяла.

— Закончила?

Клер взвизгнула и бросила в него маскарадный костюм. Он поймал его и отодвинулся. Она торопливо ввинтилась в джинсы и застегнула рубашку.

— Я все!

Ева опустила одеяло и наградила Шейна ядовитой улыбкой.

— Твоя очередь, кожаный мальчик, — сказала она. — Не волнуйся, я не стану смущать тебя... нечаянно.

Нет, она собиралась смутить его совершенно сознательно. И Шейн понял это — судя по сердитому взгляду, который бросил на нее, прежде чем скрыться за одеялом. Клер не хватало роста, чтобы видеть его поверх одеяла — хотя соблазн был, — но когда Ева стала потихоньку опускать одеяло, Клер схватила его за угол и потянула вверх.

— У-у, какая ты скучная, — сказала Ева.

— Оставь его в покое, хотя бы сейчас. Ему предстоит идти туда в одиночку.

Лицо Евы напряглось; может, и глаза у нее блестели вовсе не от смеха, а от страха, который ей с трудом удавалось скрывать?

— Да, — сказала она. — Понимаю. Знаешь, что мне больше всего не нравится, Клер? Что мы разделяемся.

Повинуясь порыву, Клер обняла ее. От Евы пахло пудрой, резкими цветочными духами и, совсем чуть-чуть, потом.

— Эй, вы что делаете! — Недовольные нотки в голосе Шейна заставили обеих захихикать. Одеяло опустилось в достаточной мере, чтобы видеть, как он застегивает молнию на джинсах. Очень быстро, — Серьезно, девочки, это вовсе не смешно. Так можно и пострадать.

Сейчас он больше походил на самого себя. Кожаные штаны делали его слишком эффектным, сродни фотомодели. В джинсах и старой, выцветшей тенниске с изображением группы «Marilyn Manson»³ он казался более приземленным. Тем, кого Клер могла бы поцеловать.

И как обычно, представлять себе это было ужасно приятно; даже сердце забилось чаще.

— Майкл тоже едет, — сказала Ева дрожащим от напряжения голосом. — Мне нужно поговорить с ним...

— Ну так давай, — отозвалась Клер. — Мы сразу следом за тобой.

Ева выронила одеяло и ринулась сквозь толпу на поиски своего бойфренда, неофициального главы их в высшей степени странного содружества.

Майкла — высокого, золотоволосого, с поистине ангельским лицом — не составляло труда заметить в любой группе. Увидев приближающуюся Еву, он улыбнулся, и в этой улыбке было много чего намешано: облегчение, радость, любовь и беспокойство.

Ева буквально налетела на него, так что он даже покачнулся, и они обнялись.

³ «Marilyn Manson» — американская рок-группа, известная своим вызывающим имиджем и скандальными текстами песен.

Шейн остановил Клер, прикоснувшись к ее плечу.

— Дай им минутку, — сказал он. — Им есть о чем поговорить.

Клер обернулась и взглянула на него.

— И нам тоже, — добавил он.

Она кивнула. Руки Шейна лежали на ее плечах, напряженный взгляд был прикован к ее лицу.

— Не ходи никуда, — закончил он.

Именно это она собиралась сказать ему!

— Ты заразился от меня паранойей, — усмехнулась она. — Это я хотела сказать тебе: «Не ходи никуда». Но ты ведь все равно пойдешь, что бы я ни говорила.

Он слегка отодвинулся.

— Ну да, конечно пойду, но...

— Но что? Я буду с Амелией; значит, мне ничего не грозит. А ты? Ты отправляешься с компанией реслингистов⁴ сражаться с настоящим гладиатором. Это не одно и то же.

— С каких это пор ты интересуешься реслингом?

— Заткнись. Речь не о том, и ты понимаешь это. Шейн, не ходи никуда.

Клер попыталась вложить в свои слова как можно больше чувства.

Увы.

Шейн погладил ее по волосам и поцеловал — нежнейшим, сладчайшим поцелуем, от которого расслабились напряженные мышцы шеи, плеч и спины. Обещание без слов. Оторвавшись в конце концов от Клер, Шейн провел пальцем по ее губам, как бы запечатывая свой поцелуй.

— Вообще-то я давно хочу сказать тебе кое-что, — заявил он, — Просто дожидался подходящего момента.

Морганвилль за стенами дома погружался в хаос, они находились в битком набитой людьми комнате и, весьма вероятно, могли не дожить до рассвета, но сердце Клер на мгновение остановилось, а потом застучало быстрее. Казалось, все вокруг смолкло.

«Сейчас, вот сейчас он скажет это».

Шейн наклонился так близко, что касался губами ее уха, и прошептал:

— В город возвращается мой папа.

Ох, она надеялась услышать совсем не то! Вздрогнув, Клер отстранилась, и Шейн закрыл ей рот ладонью.

— Не говори ничего. Мы не можем обсуждать это здесь. Я просто хотел, чтобы ты знала.

Они не могли обсуждать это здесь, потому что отец Шейна был в Морганвилле врагом номер один, и разговор на эту тему мог достигнуть ушей не-мертвых.

Клер и сама была не в восторге от отца Шейна, холодного, жестокого человека, который изводил и оскорблял сына. Она, может, и была бы рада увидеть его за решеткой; вот только не вызывало сомнений, что Амелия и Оливер этим не ограничатся. Если отец Шейна вернется, ему грозит смерть. Смерть через сожжение. И хотя Клер не пролила бы из-за него и слезинки, ей не хотелось, чтобы Шейн пережил еще и это горе.

— Нужно поговорить об этом, — сказала она.

Шейн фыркнул.

— В смысле, ты будешь кричать и ругаться? Поверь, я знаю все, что ты можешь сказать. И просто хочу, чтобы ты знала, на случай...

На случай, если с ним что-нибудь произойдет.

Клер постаралась сформулировать следующий вопрос таким образом, чтобы он был понятен только Шейну — даже если их подслушают.

— Когда можно ожидать его?

— Скорее всего, в ближайшие дни. Однако ты знаешь, как обстоит дело. Теперь мне ничего не сообщают.

⁴ Реслинг — театрализованная постановочная борьба, исход которой предreshен заранее. Клер хочет сказать, что Шейн со своей командой — любители, которым предстоит сражаться с профессионалом высокого класса.

Улыбка Шейна приобрела мрачный оттенок. В прошлом он посмел воспротивиться отцу из-за Клер, и это означало, что он разорвал связь с последним оставшимся в живых членом своей семьи. Вряд ли его отец забыл об этом.

— Почему сейчас? — прошептала она. — Вот уж в чем мы совсем не нуждаемся, так это...

— В помощи?

— Какая от него помощь? Он несет с собой хаос!

Шейн сделал жест в сторону горящего города.

— Разве может стать еще хуже?

«Очень даже может», — подумала она.

Шейн все еще смотрел на отца сквозь розовые очки. После его отъезда из города прошло какое-то время, и, скорее всего, Шейн убедил себя, что отец не так уж плох. Может, даже вообразил, будто он возвращается, чтобы спасти их.

Вот уж на это рассчитывать никак не приходилось. Фрэнк Коллинз представлял собой разновидность фанатика-террориста, которому плевать на то, что кто-то может пострадать.

Даже если среди пострадавших окажется его собственный сын.

— Слушай, давай просто... — Клер помялась, глядя на Шейна. — Давай просто постараемся пережить этот день, ладно? Пожалуйста, будь осторожен. Звони мне.

Вместо слов обещания он продемонстрировал Клер свой мобильник, обнял ее, и она испытала сладкое и сильное, до дрожи, чувство облегчения.

— Нужно быть наготове, нам предстоит сложный день, — сказал он.

2

Клер не была уверена, что в точности означает «быть наготове»: напустить на себя храбрый вид, почистить зубы или как следует вооружиться. Не вызывало сомнений одно: сначала следовало попрощаться с Майклом.

Он стоял в окружении группы крепких парней, в основном вампиров; многих Клер никогда прежде не видела. Им явно не нравилось выступать в роли телохранителей, пусть даже одного из своих; вдобавок у них был такой вид, словно они унюхали что-то тухлое, — до того им претила необходимость прибегать к помощи людей.

Невампиры в окружении Майкла выглядели старше, явно не студенческого возраста — крутые мужчины с накачанными мышцами. И все равно не вызывало сомнений, что они нервничают.

По сравнению с ними Шейн казался почти мелким, что не помешало ему, ринувшись к Майклу, оттолкнуть с пути вампира. Тот оскалил клыки, чего Шейн даже не заметил.

А вот Майкл заметил. И преградил дорогу обиженному вампу, зашедшему за спину Шейну; они замерли — хищники, готовые вцепиться друг в друга, — и не Майкл первым отвел взгляд.

Сейчас он излучал странную энергию; вообще-то она присутствовала в нем всегда, но, после того как он стал вампиром, этот эффект заметно усилился. Он по-прежнему сохранял ангельский вид, однако временами больше походил на павшего ангела. Правда, когда перевел взгляд на Клер и Шейна, он целиком и полностью был тем Майклом, которого она знала и любила.

Он, как это принято у мужчин, протянул Шейну руку, но тот оттолкнул ее и обнял его. Они, опять-таки по-мужски, похлопали друг друга по спине. Если взгляд Майкла на мгновение и вспыхнул алым, то Шейн этого не заметил.

— Будь осторожен, парень, — сказал он. — Эти университетские цыпочки... Они такие пыльные, знаешь ли. Не позволяй им затащить себя на какую-нибудь вечеринку. Держись!

— Ты тоже, — ответил Майкл. — И будь осторожен.

— Разъезжая в большой черной колымаге и явно играя роль обеденного блюда в городе, полном голодных вампиров? Да уж. Постараюсь держаться незаметно. Но вообще-то я серьезно.

— Я тоже.

Клер и Ева переглянулись.

— Что? — спросил Майкл.

— И это все? Такое, значит, прощание? — удивилась Ева.

— Что тебе не нравится?

Клер недоуменно посмотрела на Еву.

— По-моему, без клиффноутов⁵ мне не обойтись.

— Ну уж не так они сложны, чтобы тебе были нужны руководства.

— Чего вы ждете — цветистых стихов? — Шейн насмешливо фыркнул. — Мы обнялись. Ну и достаточно.

Улыбка Майкла угасла. Он посмотрел на Шейна, на Клер и задержал взгляд на Еве.

— Пусть с вами все будет хорошо. Я люблю вас, ребята.

— Взаимно, — сказал Шейн, что в его устах определенно звучало сентиментально.

Может, они еще поговорили бы, но один из стоящих вокруг вампиров с раздраженным и нетерпеливым видом хлопнул Майкла по плечу и прошептал что-то, приблизив бледные губы к его уху.

— Пора отправляться. — Майкл крепко обнял Еву; в конце ему пришлось буквально отдирать ее от себя, — Не доверяй Оливеру.

— Можно подумать, я сама этого не знаю. — Голос Евы снова дрожал. — Майкл...

— Я люблю тебя. — Он поцеловал ее, быстро, но страстно. — До скорой встречи.

И он исчез в мгновение ока, прихватив с собой большинство вампиров. Сын мэра, Ричард Моррелл, — все еще в полицейской форме, правда помятой и в пятнах копоти, — последовал за ними во главе группы людей, двигаясь с более нормальной для человеческого восприятия скоростью.

Ева стояла с ошеломленным видом. Наконец она снова обрела дар речи.

— Неужели он только что сказал...

— Да, — с улыбкой подтвердила Клер, — Именно так.

— Потрясающе! Полагаю, в таком случае мне лучше остаться в живых.

Толпившиеся вокруг люди — сейчас их стало заметно меньше — расступились, пропуская Оливера. Второй самый крутой в городе вампир тоже снял свой маскарадный костюм и сейчас был одет во все черное, включая длинное черное кожаное пальто. Серые волосы он стянул на затылке. Вид у него был такой грозный, будто он исполнился намерения оторвать голову любому, вставшему на пути, все равно, человеку или вампиру.

— Ты! — рявкнул он, обращаясь к Еве. — Пошли.

Развернулся на пятках и зашагал прочь — совсем не тот Оливер, которого они знали, и уж точно не дружелюбный хозяин кафе. Никогда прежде, даже проявляя свою вампирскую сущность, он не выглядел настолько исполненным энергии и решимости. Очевидно, таким образом он стремился произвести впечатление на людей.

Ева проводила его негодующим взглядом.

— Да, похоже, это будет необычайно весело. Увидимся, отважная Клер.

— Увидимся.

Они в последний раз обнялись, подбадривая друг друга, и Ева удалилась, высоко держа голову.

«Сейчас, наверное, она плачет», — подумала Клер.

В такие моменты Ева чаще всего плакала. В отличие от нее Клер не могла плакать, даже когда вроде бы следовало — вот как сейчас. Чувство было такое, словно с уходом друзей одну за другой вырывали части ее самой, однако это породило лишь холод и пустоту внутри, но не слезы.

А теперь у нее вырывали не что-нибудь, а сердце — еще одна группа стоящих у двери крутых вампиров и людей нетерпеливо подзывала к себе Шейна. Он кивнул им, взял руки Клер в свои, заглянул в глаза.

«Скажи это», — подумала она.

Нет... нет. Он просто поцеловал ей руки, повернулся и ушел, унося с собой ее истекающее кровью сердце; конечно, образно говоря.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Однажды она уже собиралась сказать ему это, по телефону, но не успела — он отключился прежде, чем она произнесла заветные слова. Потом она говорила это в больнице, но тогда Шейн

⁵ Клиффноут (CliffsNotes) — популярная серия кратких пересказов произведений. Клер шутливо намекает, что без руководства о том, как парни ведут себя при прощании, ей не обойтись.

находился под действием болеутоляющих и ничего не воспринимал. И сейчас тоже ее не услышал — ушел слишком быстро.

Ну, по крайней мере, у нее хватило мужества попытаться.

От двери он помахал ей рукой — и исчез. Внезапно она почувствовала себя ужасно одинокой и совсем юной. У тех, кто остался в Стеклянном доме, были свои дела, и, чувствуя, что мешает им, Клер села в кресло Майкла и подобрала под себя ноги. Люди и вампиры сновали вокруг, негромко переговаривались, укрепляли окна и двери, распределяли оружие.

С таким же успехом она могла быть невидимкой — учитывая, до какой степени никто не замечал ее.

Долго ждать не пришлось. Спустя несколько минут по лестнице стремительно спустилась Амелия в сопровождении внушительной группы вампиров и нескольких человек, в том числе двух полицейских в форме.

Все были вооружены — ножами, дубинками, мечами. У некоторых имелись колы, даже у полицейских; у них они свисали с пояса вместо обычных полицейских дубинок.

«Теперь кол — стандартное снаряжение в Морганвилле, — подумала Клер, с трудом сдерживая истеричный смех. — Может, вместо газовых баллончиков у них чесночные».

Амелия вручила ей две вещи: тонкий серебряный нож и деревянный кол.

— Удар деревянным колом в сердце на время выводит вампира из строя, но убить нас можно только серебряным ножом, — сказала она, — Не стальным — если только ты не собираешься отрезать голову. Сам по себе кол не убивает, разве что уж очень повезет или солнечный свет внесет свою лепту. Но даже в этом случае мы умираем тем медленнее, чем мы старше. Понимаешь?

Клер в оцепенении кивнула.

«Мне шестнадцать, — хотелось ей сказать — Яне готова к этому».

Однако ее, похоже, никто не спрашивал.

Холодное, исполненное ярости лицо Амелии смягчилось, совсем чуть-чуть.

— Я не могу доверять Мирнина никому другому. Когда мы найдем его, твоей обязанностью будет справляться с ним. Это может оказаться... — Амелия помолчала, как бы подыскивая точную формулировку, — трудно.

«Пожалуй, не самое подходящее слово», — мелькнуло у Клер в голове.

— Мне не хочется, чтобы ты сражалась, но я не смогу обойтись без тебя, — закончила Амелия.

Клер подняла нож и кол.

— Тогда зачем вы дали мне это?

— Потому что, возможно, тебе придется защищать себя или его. И, если до этого дойдет, ты не должна колебаться, дитя. Защищай себя и Мирнина любой ценой. Среди наших противников могут оказаться твои знакомые, но это не должно остановить тебя. Сейчас речь идет о выживании.

Клер кивнула. В какой-то степени ей удалось вообразить все это своего рода приключенческой видеоигрой, наподобие сражения с зомби, из тех, что так нравятся Шейну, но с уходом каждого друга это ощущение все больше размывалось. Сейчас реальность вырисовалась со всей очевидностью; реальность, в которой по-настоящему умирают люди.

И она может погибнуть.

— Я буду держаться рядом с вами, — сказала она.

Холодные пальцы Амелии скользнули по ее подбородку.

— Правильно. — Амелия переключила внимание на остальных, — Будьте готовы к встрече с моим отцом, но не ввязывайтесь с ним в схватку — именно этого он и хочет. У него есть свои люди, и их число будет увеличиваться. Держитесь вместе, охраняйте друг друга. Защищайте меня, защищайте это дитя.

— Гм... Не могли бы вы перестать называть меня так? — спросила Клер.

Льдистый взгляд Амелии с выражением почти человеческого изумления остановился на ней.

— «Дитя», я имею в виду. Я не дитя.

Амелия пристально смотрела на нее, и время, казалось, остановилось. Наверное, прошла не одна сотня лет с тех пор, как кто-то осмеливался поправлять Основателя на людях.

Ее губы еле заметно изогнулись в улыбке.

— Да, ты не дитя, — признала она. — Во всяком случае, в твоем возрасте я уже была замужем и правила королевством. Мне следовало бы понять это.

Лицо Клер вспыхнуло — как всегда, когда общее внимание оказывалось приковано к ней. Улыбка Амелии стала шире.

— Уточню, — обратилась она к остальным, — Защищайте эту молодую женщину.

Вообще-то Клер себя и таковой не чувствовала, но снова испытывать судьбу, конечно, не стоило. Другие вампиры явно злились из-за этой задержки, а люди заметно нервничали.

— Пошли, — сказала Амелия и повернулась к пустой дальней стене гостиной.

Та замерцала, словно асфальт в летнюю жару, и Амелия, казалось, прошла прямо сквозь нее. После недолгой заминки остальные вампиры справились с удивлением и двинулись следом.

— Господи, прямо не могу поверить, что мы делаем все это, — за спиной Клер прошептал один полицейский другому.

— А я могу, — тоже шепотом ответил второй. — У меня дети. Что еще остается?

Клер стиснула деревянный кол и тоже прошла сквозь портал.

В лаборатории Мирнина царил обычный беспорядок, не более того, и это удивило Клер; ей казалось, что мистер Бишоп должен был ворваться сюда в сопровождении своих сторонников с факелами и дубинками, но, по-видимому, он нашел им лучшее применение.

А может быть — только может быть, — он вообще не сумел сюда попасть. Пока.

Клер с тревогой оглядывала комнату, залитую светом лишь нескольких мерцающих ламп, как масляных, так и электрических. Несколько раз она предпринимала попытки прибраться тут, но Мирнин заявлял, что ему нравится все как есть. Поэтому она оставила в покое неустойчивые башни из книг, груды стеклянной посуды на стойках, беспорядочные кипы закручивающихся бумаг. В углу стояла сломанная железная клетка — однажды Мирнин сумел вырваться оттуда, и ее так и не стали чинить, поскольку он снова обрел разум.

Вампиры перешептывались так тихо, что Клер ничего не могла уловить. Они тоже нервничали.

По контрасту с ними Амелия, как обычно, выглядела собранной и уверенной в себе. Она щелкнула пальцами, и два крупных и сильных вампира подошли к ней.

— Вы будете охранять лестницу, — распорядилась она. — А вы... — обратилась она к полицейским, — Вы тоже оставайтесь здесь. Следите за внутренними дверями. Вряд ли кто-нибудь проникнет сюда этим путем, но мистер Бишоп уже не раз удивлял нас, и не хотелось бы, чтобы это повторилось.

Это распоряжение разбило их маленький отряд пополам — с Амелией и Клер остались два вампира и один человек. Вампиров Клер знала; они были личными телохранителями Амелии, и по крайней мере один из них вел себя с Клер вполне прилично.

И еще с ними осталась высокая и мускулистая афроамериканка со шрамом на лице, тянущимся от левого виска через нос и вниз по правой щеке.

Заметив, что Клер разглядывает ее, она улыбнулась.

— Привет! — Она протянула крупную руку. — Анна Мозес. Ремонтная мастерская «Мозес», слышала?

— Привет! — Клер неловко пожала ей руку. Женщина обладала серьезной мускулатурой, не такой, как, скажем, у Шейна, но определенно более внушительной, чем требовалось большинству женщин, — Вы механик?

— Я одна за всех, — ответила Анна, — В том числе и механик. Но раньше я была моряком.

— Ого! — удивилась Клер.

— До своей смерти мастерскую содержал мой отец. Я только что вернулась из очередной поездки в Афганистан, думала немного пожить спокойно. Но наверное, нарываться на неприятности — это у меня в крови. Послушай, если дойдет до драки, держись рядом со мной, ладно? Я тебя прикрою.

Услышать это было огромным облегчением.

— Спасибо.

— Да не за что. Тебе сколько, пятнадцать?

— Почти семнадцать.

Наверное, Клер пора обзавестись футболкой, на которой будет написан ее возраст, — это экономит массу времени; или хотя бы значок, что ли, прицепить?

— А, значит, ты примерно возраста моего племянника, сына брата. Его зовут Лео. Как-нибудь я вас познакомлю.

Анна говорила все это почти механически; ее взгляд был прикован к Амелии, которая, обходя груды книг, устремилась к двери в дальней стене.

Похоже, Анна не упускала ничего.

— Клер! — окликнула ее Амелия. Та заторопилась к ней, тоже лавируя среди книг, — Ты заперла эту дверь, когда уходила?

— Нет. Я собиралась вернуться через нее.

— Интересно. Потому что кто-то ее запер.

— Мирнин?

Амелия покачала головой.

— Его же захватил Бишоп. Он не возвращался сюда.

Не имело смысла спрашивать, как Амелия узнала об этом.

— Кто же еще мог... — начала Клер и тут же сообразила сама. — Джейсон.

Брат Евы знал о существовании порталов, через которые можно было попасть в разные места города; вряд ли он понимал всякие особенности их работы (Клер сама не могла этим похвастаться), но определенно сообразил, как их использовать. Кроме Клер, Мирнина и Амелии только Оливеру было известно об этих возможностях перемещения, а Клер знала, где он был после ее встречи с мистером Бишопом.

— Да, — подтвердила ее догадку Амелия. — Мальчик становится настоящей головной болью.

— Это еще мягко сказано, учитывая, что он... — Клер изобразила удар колом, но не в направлении Амелии — это было бы все равно что ткнуть заряженным пистолетом в Супермена; в результате плохо пришлось бы, конечно, не Супермену, — Мм... можно спросить, вы...

— Я — что? — спросила Амелия, не сводя взгляда с двери.

— Вы себя нормально чувствуете?

Не так давно в грудь Амелии вогнали кол. Кроме того, все вампиры Морганвилля страдали серьезным заболеванием: Клер воспринимала его как вампирский вариант болезни Альцгеймера.

Болезни, в конечном счете заканчивающейся смертью.

От большинства жителей города это тщательно скрывали, поскольку Амелия обоснованно опасалась того, что может произойти, если они узнают, равным образом и вампиры, и люди. Симптомы болезни проявлялись и у нее самой, но пока умеренные. Болезнь прогрессировала медленно, годами, поэтому какое-то время они были в безопасности.

По крайней мере, Клер на это надеялась.

— Нет, вряд ли можно сказать, что нормально. Тем не менее сейчас не время думать о себе. — Амелия снова посмотрела на дверь, — Чтобы открыть, нужен ключ.

А ключа не было там, где Клер обычно оставляла его, — в разбитом, покоробившемся выдвижном ящике. Чем дальше она шарила среди всякого мусора, тем сильнее ей становилось не по себе. Странные вещи, однако, хранил у себя Мирнин. Книги, конечно; ну, книги она любила. Маленькие, деформированные мертвые создания в спирту. Сляканы с отходами... по крайней мере, она надеялась, что это отходы. Некоторые выглядели слоистыми и красными; может, это кровь?

Ключ исчез. Как и некоторые другие очень важные вещи.

С неприятным ощущением пустоты внутри Клер выдвинула наполовину сломанный ящик, где держала пакет со всем тем, что требовалось для введения Мирнину транквилизаторов, в том числе и с запасом лекарств.

Все это тоже исчезло. Только отсутствие пыли в одном месте указывало на то, что здесь что-то лежало.

Это означало, что если — когда — Мирнин впадет в неистовство, у нее не будет под рукой стреляющего дротиками пистолета, чтобы ввести ему лекарство. И инъекцию она сделать не сможет — коробочка со всем необходимым для этого лежала в том же пакете. Остались только лекарства, которые она носила при себе, — всего два маленьких пузырька в кармане.

Итог: дело дрянь.

— Хватит! — приказала ей Амелия и посмотрела на телохранителя. — Знаю, это нелегко, но не мог бы ты...

Он уважительно кивнул ей, сделал шаг вперед, взялся за замок...

Его руку охватило пламя!

— О господи! — воскликнула Клер.

И тут же зажала рот рукой — ведь вампир-то молчал. Его лицо исказилось от боли, но он каким-то образом сдержался и даже продолжал дергать и крутить посеребренный замок, пока, с визгом металла, не вырвал его вместе с засовом.

И уронил на пол. Рука продолжала пылать. Клер схватила первое, что подвернулось, — грязную старую рубашку Мирнина, валявшуюся на полу, — и начала сбивать огонь. Запах горелой плоти, вид пострадавшей руки — все это вызвало у нее рвотные позывы. Телохранитель по-прежнему не кричал; зато она чуть не завопила вместо него.

— Ловушка, — заметила Амелия, — Мой отец постарался. Джерард, ты в состоянии продолжать?

Он кивнул, обматывая рубашкой обгоревшую руку. Капли розового пота выступили на еще более побледневшем лице; кровь, поняла Клер, увидев стекавшую по лицу струйку. До нее дошло это, когда она стояла прямо перед ним, и его глаза вспыхнули красным.

— Отойди. И держись позади нас, — проворчал он и после короткой паузы добавил: — Спасибо.

Анна схватила Клер за руку и оттащила назад, подальше от вампиров.

— Сейчас ему требуется еда, — негромко объяснила она, — Джерард хороший парень, но лучше не подставляться ему в качестве легкой закуски. Помни: мы для них просто ходячие торговые автоматы.

Амелия просунула руку в оставшуюся от сломанного замка дыру и открыла дверь, за которой обнаружилась... тьма.

Анна молчала, но руку Клер не выпустила.

Долгое время ничего не происходило, а потом тьма замерцала. Начала изменяться. Там что-то появлялось и исчезало, и Клер поняла, что Амелия перетасовывает места выхода через портал, пытаясь найти нужное. Это заняло довольно много времени, а потом Амелия внезапно сделала шаг назад.

— Вот, — сказала она.

Телохранители ринулись вперед и исчезли в том, что по-прежнему выглядело как сплошной мрак. Амелия оглянулась на Клер и Анну; приспособившись к темноте, ее зрачки быстро расширились, захватывая серую радужную оболочку.

— Не отставайте от меня, — сказала она. — Там опасно.

3

Амелия схватила Клер за другую руку, и не успела та сделать вдох, как ее протащили через портал. Нахлынула недолгая волна холода, потом возникло ощущение, будто ее толкают со всех сторон, после этого она оказалась в кромешной тьме. Воздух был тяжелый, спертый и промозглый — точно в пещере. Амелия так крепко держала Клер за руку, что наверняка оставила на ней синяки; по контрасту прикосновение Анны казалось почти мягким, хотя, конечно, это было не так.

Клер слышала дыхание свое и Анны, но никаких звуков со стороны вампиров не доносилось. Она попыталась заговорить, но ледяная рука накрыла ей рот. Амелия потащила ее во тьму — Клер надеялась, что это Амелия, и сосредоточилась на том, чтобы не оступиться при быстром движении.

Время от времени запахи менялись — доносился то порыв чего-то вонючего, гнилого, то вроде бы странный здесь аромат... вина? Разыгравшееся воображение рисовало ей покойника, лежащего в окружении разбитых бутылок, и Клер не могла от этого отделаться: вот мертвец извивается, ползет к ней, сейчас дотянется до нее, и тогда она закричит...

«Это всего лишь воображение; прекрати!»

Она старалась справиться с нахлынувшей паникой, но без толку.

«Шейн не стал бы паниковать. Шейн...»

Ну, если бы Шейн оказался в ее ситуации — в полной темноте, в компании вампиров, — он не позволил бы никакому мертвецу напугать себя, это уж точно.

Казалось, они шли целую вечность, наконец Амелия остановила Клер и отпустила. Лишившись ее поддержки, Клер почувствовала себя будто на краю обрыва и была очень, очень благодарна Анне, которая продолжала держать ее за руку, — хоть что-то реальное в этом мире.

«Не позволяй мне упасть».

Но потом Анна быстро, сильно сжала руку Клер и тоже отпустила.

Клер парила во мраке, полностью предоставленная самой себе. Звук собственного дыхания напоминал шум дождя, однако сердце колотилось еще громче.

«Давай же! — сказала она себе. — Сделай хоть что-нибудь!»

— Анна? — прошептала она.

Холодные руки обхватили Клер сзади, одна прижала ее руки к бокам, другая накрыла рот. Ее оторвали от земли, и она закричала, хотя звук, вырвавшийся из крепко зажатого рта, больше напоминал жужжание пчел.

Она полетела сквозь воздух и... оказалась на холодном каменном полу, лицом вниз. Здесь свет был, хотя и слабый; он размывал очертания предметов, в том числе и вход в сводчатый туннель на дальнем конце.

Она понятия не имела, куда попала.

Быстро поднявшись, Клер обернулась. Сквозь портал прошла жемчужно-бледная Амелия и с нею оба вампира. Джерард здоровой рукой поддерживал Анну Мозес.

На голове у нее зияла кровавая рана. Когда Джерард отпустил Анну, она, тяжело дыша, рухнула на колени; в глазах пустота, взгляд не сфокусирован.

Резко повернувшись, Амелия серебряным оружием нанесла удар кому-то, бросившемуся на нее из тьмы. Послышался вопль, эхом прокатившийся по туннелю. Протянулась бледная рука и вцепилась в рубашку Амелии.

В этот момент невидимый портал резко закрылся, отрезав руку на уровне локтя.

Амелия оторвала руку от своей рубашки, бросила на землю и ногой отшвырнула в сторону.

Клер почувствовала, что ее вот-вот вырвет — она не могла оторвать взгляд от извивающейся бледной руки.

— Этот путь опасный, но единственно возможный, — заявила Амелия.

— Где мы? — спросила Клер.

Амелия проигнорировала ее — ну еще бы; то, что Клер прошла через все это, не наделяло ее правом задавать вопросы — и зашагала в направлении входа в туннель. Клер решила обратиться к более отзывчивому собеседнику.

— Анна? Как ты себя чувствуешь?

Анна неопределенно помахала рукой.

— Она чувствует себя прекрасно, — ответил за нее Джерард. Конечно, он мог говорить — у него всего лишь рука прогорела до кости; наверное, он и свое состояние определил бы как «прекрасное». — Поддерживай ее, — распорядился он, подтолкнул Анну в сторону Клер и устремился вслед за Амелией.

Второй телохранитель — как его зовут? — последовал за ним; чувствовалось, что они привыкли работать вместе.

Анна, хоть и с трудом, спустя какое-то время сумела обрести равновесие и начала передвигаться самостоятельно.

— Все отлично, — пробормотала она и даже улыбнулась, — Черт! Это была далеко не прогулка.

— Вам нужно познакомиться с моим бойфрендом, — заметила Клер. — Его послушать, у него тоже всегда все отлично.

Клер думала, что Анна рассмеется, но та лишь похлопала ее по плечу.

— Смотри по сторонам, — сказала она. — Все еще только начинается.

Это оказалось нетрудно — по сторонам попросту ничего не было. В конце концов они добрались до входа в туннель. Анне, по-видимому, отводилась роль замыкающей, и она отнеслась к этому со всей ответственностью, хотя Амелия и захлопнула за ними портал.

«Надеюсь, нам не придется возвращаться тем же путем, — подумала Клер и вздрогнула, вспомнив бледную отрубленную руку. — Очень, очень надеюсь, что мы туда не пойдём».

Амелия на мгновение остановилась у входа в туннель, а потом исчезла вместе со своими телохранителями, свернув за угол. Анна и Клер торопливо последовали за ними и оказались в другом коридоре, на сей раз со стенами, обшитыми панелями из ценного темного дерева. Здесь висели картины, старинные, как показалось Клер, изображающие людей в тяжелых костюмах, в париках и с выбеленными лицами.

При виде одного портрета Клер остановилась и попятилась.

— Что такое? — проворчала Анна.

— Это же Амелия!

Это и впрямь была она, только вместо одеяний в стиле принцессы Грейс, которые она носила сейчас, на ней было изящное небесно-голубое атласное платье с глубоким вырезом, а на голове белокурый парик; а вот что не изменилось, так это выражение глаз.

— Позже будешь восхищаться, Клер. Нужно идти.

Что соответствовало действительности, вне всяких сомнений, однако Клер не могла удержаться и бросала взгляды на картины, мимо которых проходила. С одной, которой было, наверно, лет четыреста, на нее смотрел кто-то, очень похожий на Оливера. На другой, более современной, был изображен человек, напоминающий Мирнина.

«Это музей вампиров, — поняла она. — Здесь запечатлена их история».

Дальше вдоль стен тянулись ряды витрин с книгами, рукописями, драгоценностями, одеждой и музыкальными инструментами — все самые прекрасные, удивительные вещи, которые вампиры собирали на протяжении своей долгой, долгой жизни.

Шедшие впереди вампиры внезапно остановились. Анна схватила Клер за руку и оттащила к стене.

— Что такое? — прошептала Клер.

— Проверка документов.

Клер не совсем понимала, о чем речь. Рискнув слегка продвинуться вперед и посмотреть, что происходит, она увидела множество вампиров, наверно около сотни. Некоторые сидели и выглядели... не слишком хорошо. Были тут и люди; они держались вместе и явно нервничали — ничего удивительного.

Если это приверженцы Бишопа, их маленькую спасательную команду ждут большие неприятности.

Амелия тихо переговорила с вампиром, судя по всему, главным тут, после чего Джерард и его партнер заметно расслабились. По-видимому, вопрос «свой — чужой» больше не возникнет. Амелия повернулась и кивнула Клер; они с Анной осторожно выбрались из-за витрин и присоединились к остальным.

Амелия сделала жест рукой, и несколько вампиров подошли к ним.

— И что теперь? — спросила Клер, оглядываясь.

Многие вампиры все еще были в маскарадных костюмах, но некоторые уже переоделись в одежду военного образца, черную или камуфляжную.

— Это пункт сбора, — объяснила Анна, — Она обсуждает со своими командирами стратегию. Заметила, что среди них нет ни одного человека?

Да, Клер заметила. Это вызвало не слишком приятные ощущения, в душе с новой силой вспыхнули сомнения.

Амелия недолго раздавала приказы. Один за другим вампиры кивали, отходили, подзывали своих помощников — в том числе и людей — и удалялись. Когда последний отряд отбыл, осталось лишь около десяти человек, которых Клер не знала.

Вернувшись к своей команде, Амелия увидела группу стоящих особняком вампиров и людей и кивнула им.

— Клер, это Теодосий Голдмен, хотя он предпочитает, чтобы его называли Тео, — сказала она. — А это его семья.

Семья? Потрясающе — учитывая их количество. На вид Тео был средних лет, с вьющимися седыми волосами и приятным лицом — если не обращать внимания на вампирскую бледность.

— Позвольте представить мою жену, Пейтенс, — произнес он в старомодной манере, слегка склонив голову; что-то в этом роде Клер видела только в «Театре мировых шедевров»⁶. — Наши сыновья, Вирджил и Кларенс. Их жены, Ида и Минни. И их дети.

⁶ «Театр мировых шедевров» — серия японских аниме, снятых по классическим произведениям, как известным, так и не очень.

Все вампиры поклонились, только один парень, который лежал на полу, положив голову на колени женщине-вампу, помахал рукой.

Очевидно, внуки и внучки еще не заслужили, чтобы их представляли поименно. Их было четверо, два мальчика и две девочки, по виду моложе Клер; младшей, скорее всего, около двенадцати, старшему примерно пятнадцать.

Старшие мальчик и девочка сердито смотрели на нее, как будто она несла личную ответственность за все творящееся вокруг. Клер, однако, занимало другое — каким образом целую семью, включая внуков, можно было сделать вампирами.

Тео, видимо, понял ее сомнения.

— Вечными нас много лет назад сделал... — он бросил быстрый взгляд на Амелию, и та кивнула, — ее отец, Бишоп, девочка моя. Это он так пошутил — дескать, теперь мы должны быть навсегда вместе. — Тео и впрямь выглядел добрым, и в его улыбке таилась печаль, — Правда, эта шутка обернулась против него же. Мы не можем допустить, чтобы он уничтожил нас. Амелия научила нас выживать, не совершая убийств. Это позволило нам сохранить не только жизнь, но и веру.

— Веру?

— Это очень старая вера, — ответил Тео. — И сегодня у нас Шаббат⁷.

— О, вы евреи? — удивилась Клер.

Он кивнул, не сводя с нее взгляда.

— Мы нашли убежище в Морганвилле — здесь мы можем жить в мире и со своей природой, и с Богом.

— Но вы будете сражаться за это, Тео? — мягко спросила Амелия. — За город, который дал вам убежище?

Он вытянул руку, и жена сжала ее холодными белыми пальцами. Она напоминала изящную фарфоровую куклу с блестящими черными волосами, собранными в узел.

— Не сегодня.

— Уверена, Бог поймет, если в сложившихся обстоятельствах вы нарушите Шаббат.

— Конечно поймет. Бог все прощает, а иначе нас уже не было бы на этом свете. Однако, чтобы придерживаться морали, божественное всепрощение не требуется, — Он с сожалением покачал головой, — Сегодня мы не можем сражаться, Амелия. И лично я предпочел бы вообще не сражаться.

— Если ты думаешь, что вы сможете сохранить нейтралитет, то ошибаешься. Я готова уважить ваши желания. Мой отец — нет.

Лицо Тео окаменело.

— Если твой отец снова будет угрожать моей семье, мы, конечно, станем сражаться. Но пока он не нападет на нас, пока не обнажит против нас меч, мы не поднимем на него оружие.

Джерард насмешливо фыркнул, что не удивило Клер — он производил впечатление человека здравомыслящего и скептического.

— Я не могу принудить вас и не стану этого делать, — сказала Амелия. — Но будьте бдительны. У меня нет возможности выделить кого-нибудь для вашей защиты. Здесь вы будете в относительной безопасности, по крайней мере какое-то время. Если сюда пробьется кто-нибудь еще из наших сторонников, отправляйте их защищать гидроэлектростанцию и кампус, — Ее взгляд переместился на троих людей, сгрудившихся в дальнем углу комнаты, под большой картиной, — Они под твоей Защитой?

— Они сами захотели пойти с нами.

— Тео!

— Я буду защищать их, если кто-нибудь попытается причинить им вред, — ответил он и продолжил, понизив голос: — Они также могут нам пригодиться, поскольку мы не имеем доступа к «пище».

Клер похолодела. Со всей своей добротой и улыбчивостью Тео намекал на возможность использования этих людей как передвижных банков крови.

— Мне не хочется делать этого, но если ситуация для нас станет складываться неблагоприятно, я должен буду подумать о детях. Ты меня понимаешь.

⁷ Шаббат — священный день отдохновения.

— Понимаю, — Лицо Амелии снова превратилось в лишенную всякого выражения маску. — Я никогда не указывала тебе, что делать, и не собираюсь отступить от этого теперь. Однако по законам нашего города, взяв этих людей под свою защиту, ты несешь за них ответственность, и тебе это известно.

Тео беспомощным жестом вскинул руки.

— Семья на первом месте, я всегда повторял тебе это.

— Некоторым из нас не так повезло с семьей, — заметила Амелия.

Не ожидая ответа Тео, она отвернулась и без промедления ударила кулаком по стеклянной стенке ящика с надписью: «Использовать только в случае крайней необходимости».

Стекло с грохотом разлетелось. Амелия стряхнула с кожи осколки, сунула руку в ящик и достала из него...

— Это пистолет для пейнтбола? — удивилась Клер.

Амелия протянула его Анне, которая взяла пистолет жестом профессионала.

— Он стреляет шариками с серебряным порошком, — объяснила Амелия. — Очень опасно для нас. Целься тщательнее.

— Я всегда целюсь тщательно, — ответила Анна. — Дополнительные магазины есть?

Амелия достала их из того же ящика и отдала ей. Клер заметила, что, защищая себя даже от случайного прикосновения, она использовала ткань рукава.

— В каждом магазине десять зарядов. Одна обойма уже в пистолете, а здесь еще шесть.

— Ну, проблема, которую я не смогу разрешить, используя семьдесят зарядов, наверняка прикончит нас.

— Клер, возьми. — Амелия вручила ей маленький запечатанный пузырек, — Здесь серебряный порошок под большим давлением. Взрывается от удара, так что будь с ним крайне осторожна. Очень широко рассеивается по воздуху. Учитывай это, если будешь бросать его, а не то можешь причинить вред не только врагам, но и друзьям.

Серебряный порошок использовался и в чисто практических целях — скажем, им покрывали части компьютеров. Достать его было не так уж сложно, и все же Клер удивило, что вампиры оказались достаточно продвинутыми и запаслись им.

— Вы ожидали чего-нибудь в этом роде, — сказала Клер.

— Не в деталях. Однако долгая жизнь научила меня тому, что надо быть готовой ко всему. Когда-нибудь, как-нибудь мир всегда нарушается, и дело кончается схваткой.

— Аминь, — негромко заключил Тео.

4

Музей они покинули через боковую дверь. Это было рискованно, но что еще оставалось? Только возвращаться тем же путем, сквозь тьму. Ясное дело, возражений не последовало.

— Будьте осторожны, — Голос Амелии был едва различим. — Не я одна собираю силы — отец делает то же самое. Где-то тут наверняка есть патруль.

Они вышли на площадь Основателя — это был центр территории вампиров. Пожары ее не коснулись, однако площадь больше не выглядела такой, какой запомнилась Клер, — самым спокойным, упорядоченным местом в городе. Фонари не горели, многочисленные магазины и рестораны были закрыты.

Здесь ощущался страх.

Единственные признаки движения наблюдались на мраморных ступенях здания совета старейшин, того самого, где происходил праздник в честь Бишопа. Джерард негромко свистнул в знак предостережения, и все замерли, по-прежнему оставаясь во тьме. Анна железной хваткой вцепилась в руку Клер.

На ступенях, внимательно осматриваясь по сторонам, стояли три вампира.

Дозорные.

— Пошли, — по-прежнему тихо приказала Амелия, — но будьте осторожны.

Они начали выдвигаться из теней за углом здания, и Клер только-только немного расслабилась, как Амелия, Джерард и остальные вампиры внезапно и молниеносно бросились врассыпную.

На одно ужасное мгновение Клер растерялась, а потом Анна с силой толкнула ее лицом в траву. Клер пыталась отдышаться, чувствуя, как в рот набилась хрустящая почва и горькая трава; Анна всей своей тяжестью придавливала ее к земле, одновременно упираясь в спину локтями.

«Она стреляет из пистолета», — подумала Клер и слегка приподняла голову, стремясь рассмотреть, куда метит Анна.

— Опустит голову! — рывкнула Анна и одной рукой прижала голову Клер к земле, продолжая стрелять. Судя по крикам из темноты, она в кого-то попала. — Вставай! Беги!

По скорости Клер уступала и вампирам, и бывшей морячке; спустя мгновение она поняла, что ее волокут сквозь ночь. Все слилось в неясное пятно — быстро мелькающие тени, темные здания, бледные лица и оранжевое мерцание пламени в отдалении.

— Что случилось? — закричала она.

— Патруль, — На ходу Анна продолжала отстреливаться, но не беспорядочно; между выстрелами проходила секунда-другая, когда она, видимо, прицеливалась. И похоже, чаще всего попадала, судя по сопровождающим выстрелы воплям, — Амелия! Нужно уходить, немедленно!

Амелия оглянулась на них — бледное пятно лица на фоне тьмы — и кивнула.

Они взбежали по ступеням другого здания на площади Основателя, явно официального, с колоннами на фасаде и большими каменными львами, скалившимися по бокам лестницы, и остановились перед закрытой белой дверью без ручки.

Джерард явно вознамерился взломать ее, однако Амелия вскинула руку, останавливая его.

— Дверь нельзя открыть с помощью силы. Предоставь это мне.

Другой вампир, оглядываясь назад, сказал:

— У нас нет времени «уговаривать» дверь, мэм. Что мы должны делать?

Он говорил с протяжным техасским акцентом; Клер никогда прежде не слышала такого от вампира. До сих пор он вообще не произнес ни слова. В довершение всего он подмигнул ей, хотя прежде, казалось, смотрел сквозь нее.

— Секундочку, — пробормотала Амелия.

— Не думаю, что она у нас есть, — ответил техасец, кивнув вниз.

У подножия лестницы собирались тени — патрульные, в которых стреляла Анна; их было не меньше двадцати. Их возглавляла Исандра, прекрасная женщина-вамп; Клер ненавидела ее, наверное, сильнее, чем любого другого вампира на свете. Целиком и полностью преданная Бишопу; вампирская сестра Амелии — если вампиры вообще мыслят в таких категориях.

Клер ненавидела Исандру из-за Шейна и порадовалась, что та здесь, а не нападает на передвижную станцию. Во-первых, поскольку не была уверена, в состоянии ли Шейн сопротивляться чарам злой ведьмы, и во-вторых, так как хотела сама заколоть Исандру.

Лично.

— Нет! — сказала Анна, когда Клер спустилась на одну ступеньку. — Ты в своем уме? Назад!

Анна выстрелила через плечо; расстояние было на пределе досягаемости, и все же шарик угодил прямо в грудь одному из вампиров. Не Исандре, с сожалением заметила Клер. Клубы смертоносной серебряной пыли взлетели в воздух, и боевой порядок нарушился. Возможно, Исандра тоже получила ожоги; неизлечимые, между прочим.

Вампир, в которого попала Анна, упал на мраморные ступени, испуская клубы дыма и молотя конечностями.

Амелия приложила ладонь к двери и закрыла глаза; глубоко внутри что-то застонало и сдвинулось с металлическим скрипом.

— Внутрь! — распорядилась Амелия.

Клер повернулась и вслед за вампирами перешагнула порог. Анна, шедшая последней, захлопнула за ними дверь.

— И никаких замков, — сказала она.

Амелия взяла Анну за руку с пистолетом и опустила ее к бедру.

— Теперь в нем нет необходимости. Сюда они не войдут, — Говорила она уверенно, однако Анна, видимо, все еще сомневалась, поскольку продолжала смотреть на дверь, как будто желая запереть ее силой взгляда. — Вон туда, на лестницу.

Это оказалась библиотека, полная книг. Некоторые — на полу — выглядели относительно новыми, с красочными обложками и четкими названиями, которые Клер могла прочесть даже при тусклом освещении. Удивленная, она слегка задержалась у одной стопки.

— Здесь у вас истории о вампирах?

Никто не ответил. Амелия свернула вправо, прошла между стеллажами высотой в два этажа и устремилась к мраморной лестнице в конце комнаты. Книги здесь были более старыми, с пожелтевшей бумагой. Клер бросилась в глаза табличка: «Фольклор, Калифорния, 1870-1945, английский», и потом другая: «Немецкий». Далее обнаружилась французская секция, потом, судя по иероглифам, возможно, китайская.

Столько книг! И, насколько она могла судить, все они так или иначе имели отношение к вампирам. Интересно, это история или фантастика?

Разбираться времени не было. По плавно поворачивающейся лестнице они поднялись на второй этаж. Ноги горели, дыхание сбивалось от постоянного движения и адреналина. Анна одарила ее сочувственной улыбкой.

— Рассматривай это как начальную боевую подготовку. Как ты, выдержишь?

Задыхаясь, Клер кивнула.

Снова книги, старые, потрескавшиеся; пахло сухой кожей и древней бумагой. В дальнем конце стояло что-то вроде подставок для вин, причудливой крестообразной формы, которые обычно держат в винных погребах, только здесь на них лежали перевязанные ленточками бумажные свитки, очень старые. Клер надеялась пройти рядом с ними, однако Амелия свернула в другой проход между книжными стеллажами и устремилась к пустой белой стене.

Нет, не совсем пустой. Там висела маленькая картина в аляповатой золоченой раме. Спокойный идиллический пейзаж... но потом, под взглядом Амелии, изображение начало изменяться.

Оно потемнело, как будто на лужайку и апатичную овцу на картине набежала тень от облаков.

Потом оно стало совсем неразличимым — просто темный холст, — и на этом фоне вспыхнули крошечные точки света, как будто пламя свечей проступало сквозь завесу дыма...

И тут Клер увидела Мирнина.

Понурился голову, он стоял на коленях на полу, в цепях, с виду посеребренных. Он все еще был в белых панталонах от костюма Пьеро, но без рубашки. Пряди влажных волос облепили лицо и мраморно-белые плечи.

Амелия приложила руку к стене слева от картины, надавила на что-то, похожее на шляпку гвоздя, и часть стены беззвучно повернулась на смазанных маслом петлях.

Потайная дверь — похоже, вампиры питают к ним слабость.

На той стороне открылась тьма.

— Ох, черт, нет! — пробормотала Анна, — Только не это снова!

Амелия бросила на нее взгляд с легким намеком на усмешку.

— Это другая тьма, — сказала она. — И опасности совсем другие. Много может быстро изменяться. Придется приспособливаться.

Она прошла в дверь, за ней остальные вампиры, Клер и Анна.

Клер протянула руку, Анна, все еще качая головой, сжала ее, и тьма сомкнулась вокруг них, словно влажная бархатная завеса.

Послышалось шипение спички, в углу вспыхнул свет. В нем лицо Амелии казалось вырезанным из слоновой кости. Она поднесла спичку к свече, а затем, не задувая пламя, включила маленький электрический фонарик и повела лучом по комнате. Коробки. Это было что-то вроде склада, пыльного и заброшенного.

— Хорошо, — сказала она. — Джерард, будь любезен.

Он со скрипом открыл еще одну дверь.

Снова коридор. Клер уже начала уставать от их однообразия. Интересно, что это за место? Похоже на отель — тяжелые полированные двери с медными табличками на них, только вместо цифр каждая дверь помечена вампирским символом наподобие того, который украшал браслет Клер. У всех вампиров есть свои символы; ну, так она думала. Значит, за этими дверями... что? Комнаты? Склепы? За одной дверью послышался приглушенный, несмолкающий шум — удары, скрипы. На самом деле она вовсе и не хотела знать, что там происходит.

Амелия остановилась на Т-образном пересечении коридоров, совершенно неотличимых друг от друга и пустых.

«Может, имеет смысл оставлять крошки хлеба, — подумала Клер, — Или "Эм-энд-эмсы". Или капли крови».

— Мирнин в одной из комнат этого коридора, — предупредила Амелия. — Без сомнения, это ловушка; и наверняка предназначена она для меня. Я останусь позади, на случай если вам придется бежать, — Ее безжалостный взгляд остановился на Клер, — Что бы ни произошло, ты должна вывести отсюда Мирнина в безопасное место. Поняла? Нельзя допустить, чтобы Бишоп захватил его.

Она имела в виду вот что: «Все остальные — расходный материал». Клер почувствовала, как засосало под ложечкой.

Джерард пожал плечами.

— Мы солдаты.

Анна улыбнулась.

— Чертовски верно.

— Прекрасно. Значит, ты будешь выполнять мои приказы.

Анна отсалютовала ему с еле заметным оттенком иронии.

— Есть, сэр, есть, командир.

Джерард переключил внимание на Клер.

— Ты будешь держаться позади нас. Поняла?

Она кивнула; ее бросало то в холод, то в жар и слегка подташнивало. Деревянный кол в руке не казался таким уж грозным оружием — с учетом ситуации. Однако переживать по этому поводу было некогда. Джерард повернулся и устремился по коридору, за ним его напарник, и Анна поманила за собой Клер.

Холодные пальцы Амелии коснулись ее плеча.

— Будь осторожна.

Клер кивнула и отправилась вызволять безумного вампира из рук злобного.

Под ударом ноги Джерарда дверь разлетелась вдребезги. Это не было преувеличением — немного дерева осталось лишь около дверных петель, а все остальное превратилось в осколки размером с кулак, не больше. Не успели они коснуться пола, как Джерард уже был внутри; он свернул влево, его коллега — вправо. Анна ворвалась в комнату, вода пистолетом из стороны в сторону, и отрывисто кивнула Клер.

Мирнин был точно в том положении, как они видели на картине, — стоял на коленях в центре комнаты, прикованный сильно натянутыми серебряными цепями. Сложенные вдвое, цепи были продеты сквозь массивные стальные проушины болтов на каменном полу.

Вампир дрожал всем телом; кожа в тех местах, где ее касались цепи, была в рубцах и ожогах.

Джерард выругался себе под нос и принялся ногой бить по болтам на полу. Они гнулись, но не ломались.

Мирнин вскинул голову, и сквозь завесу спутанных, влажных волос Клер увидела темные, неистово сверкающие глаза; от его улыбки у нее свело живот.

— Я знал, что вы придете, — прошептал он, — Идиоты! Где она? Где Амелия?

— Позади, — ответила Клер.

— Идиоты.

— Очень мило — учитывая, что мы пришли вас спасти, — Анна явно нервничала, хотя и держала себя в руках, — Джерард? Мне это не нравится. Слишком легко.

— Сам вижу, — Он опустил на корточки, внимательно изучая цепи, — Серебряное покрытие. Я не смогу разорвать их.

— А болты на полу? — спросила Клер.

Джерард ухватился за край металлической пластины, согнул ее, словно алюминиевую фольгу, и одним движением вырвал из камня. Цепи в какой-то мере удерживали Мирнина, и он пошатнулся, когда часть их упала. Сделав коллеге знак заняться двумя другими пластинами, Джерард взялся за вторую перед ним.

— Слишком легко, слишком легко, — бормотала Анна. — Какой смысл затевать все это, если потом Бишоп позволяет ему сбежать?

Теперь все петли были вырваны. Джерард подхватил Мирнина под руку и помог встать.

Глаза Мирнина вспыхнули алым пламенем. Оттолкнув Джерарда, он устремился к Анне.

Она заметила его приближение, выставила перед собой пистолет, однако другой телохранитель ногой отбил ее руку, и заряд угодил в камень на другом конце комнаты. Серебряные пылинки взмыли в воздух, и там, где они касались кожи вампиров, возникали ожоги. Джерард с коллегой попятнулись.

Мирнин схватил Анну за шею.

— Нет! — закричала Клер и, нырнув под рукой Джерарда, вскинула кол.

Мирнин повернулся к ней и злобно улыбнулся, обнажив ужасные вампирские клыки.

— Я думал, ты здесь, чтобы спасти меня, а не убить, Клер, — проворчал он и снова склонился над своей жертвой.

Анна попыталась извернуться таким образом, чтобы суметь выстрелить. Мирнин с презрительной легкостью вырвал у нее пистолет и отбросил его.

— Я здесь, чтобы и впрямь спасти вас, — сказала Клер.

И не раздумывая вонзила кол в спину Мирнина, слева, прямо туда, где, как она думала, находится сердце.

Он издал удивленный возглас, похожий на кашель, и начал заваливаться вперед, на Анну. Его рука соскользнула с ее шеи, слепо цепляясь за одежду, и потом он упал на пол.

По-видимому, мертвый.

Джерард и второй телохранитель смотрели на Клер с таким видом, словно видели ее впервые.

— Что это ты вытворяешь? — взревел Джерард.

— Поднимите его, — сказала Клер. — Кол можно будет вынуть позже. Он старый. Он выживет.

Это прозвучало как-то... холодно, но она надеялась, что все так и будет. В конце концов, Амелия выжила, а Мирнин уж точно не моложе, даже, скорее всего, старше. Судя по взгляду, брошенному на Клер Джерардом, он полностью изменил свое мнение об этой симпатичной, хрупкой, маленькой человеческой девушке, с которой до сих пор считал своим долгом нянчиться. Плохо. Клер предпочитала, чтобы ее недооценивали.

Внешне она выглядела спокойной, но внутренне испытывала потрясение. Еще бы! Конечно, это был единственный способ успокоить Мирнина без транквилизаторов, не дать ему разорвать Анне горло, но... Что ни говори, она убила своего босса.

Не слишком удачный ход, если планировать карьерный рост.

«Амелия поможет», — в отчаянии подумала она.

Джерард перекинул Мирнина через плечо, и они бросились вон из комнаты и пустились дальше по коридору, туда, где осталась Амелия, чтобы обеспечить им возможность сбежать.

Амелия действительно ждала на углу, но в десяти футах перед ней стоял мистер Бишоп.

Они замерли неподвижно, лицом друг к другу. Амелия казалась изящной и хрупкой — по сравнению с отцом в его внушительном одеянии епископа. Он выглядел старым, очень разгневанным, и огонь в его глазах каким-то образом наводил на мысль об истории Жанны д'Арк.

Между ними явно происходила борьба, но Клер понятия не имела, что она означала.

Джерард схватил за руки ее и Анну, заставив их остановиться.

— Не приближайтесь к ним!

— Проблема в том, сэр, что они загораживают нам дорогу, — попыталась настоять на своем Анна. — И этот тип тут один.

Джерард и техасец недоверчиво уставились на нее.

— Ты так думаешь? — сказал техасец, — Эх, люди...

Амелия сделала шаг назад, совсем маленький, но все ее тело содрогнулось, и Клер поняла — отчетливо поняла, — что это плохой знак. По-настоящему плохой.

Что бы ни происходило между нею и Бишопом, оно прекратилось.

Амелия резко развернулась к ним и закричала:

— Уходите!

В ее голосе звенели ярость и страх. Джерард отпустил женщин, снял Мирнина с плеча, передал его им в руки и вместе с техасцем бросился... но не к выходу, а к Амелии.

Они подросли вовремя; еще мгновение, и Бишоп разорвал бы ей горло. Телохранители обрушились на старика, прижали его к стене, но тут коридор наполнился людьми. Сторонниками Бишопа, поняла Клер.

Их было много, очень много.

Амелия встретила первого бросившегося к ней пособника Бишопа. Клер смутно помнила его — вампир Морганвилля, по всей видимости перебежавший на другую сторону. Обнажив клыки, он устремился к Амелии.

Она свалила его на пол одним волнообразным движением, быстрым, как у змеи, и перевела взгляд на Анну, Клер и обвисшее между ними тело Мирнина.

— Уносите его отсюда! — закричала она. — Я сдержу их!

— Пошли! — Анна перекинула Мирнина через плечо. — Уходим.

Клер старалась поддержать Мирнина, чтобы облегчить Анне ношу. Он был холодным, тяжелым, как... как мертвец, кем, собственно, и являлся. С трудом сдерживая подкатившую к горлу тошноту и стиснув зубы, Клер помогала Анне тащить по коридору тело с торчащим из него колом. За их спинами не утихали звуки сражения, в основном это был стук от падающих на пол тел. И никаких криков.

Вампиры сражались молча.

— Теперь мы можем рассчитывать только на себя, — тяжело дыша, пробормотала Анна.

Скверно, конечно, — два человека, застрывшие бог знает где, с безумным вампиром, у которого в сердце кол, а рядом бушует настоящая война.

— Нужно вернуться к двери, — решила Клер.

— И как мы через нее пройдем?

— Я могу сделать это.

Анна удивленно посмотрела на нее.

— Ты?

Ну, сердиться не имело смысла — разве не думала она совсем недавно, как это хорошо, когда тебя недооценивают? Конечно, не все время и не в такой степени.

— Да, правда, я могу сделать это. Но нам лучше поторопиться.

Расклад сил явно был не в пользу Амелии. Может, она и в самом деле в состоянии продержаться, пока они будут уходить, но Клер сомневалась, что она может победить.

Они тащили Мирнина мимо помеченных символами дверей. Анна вела отсчет и наконец кивнула на ту, через которую они вошли.

Дверь была помечена символом Основателя, таким же, как на браслете Клер. Ничего удивительного.

Анна попыталась открыть ее.

— Проклятье! Заперта.

Но когда ручку повернула Клер, дверь сразу же открылась. Единственная свеча в углу давала мало света. Клер старалась восстановить дыхание, пока Анна осматривала комнату. Наконец она заявила, что там безопасно и можно войти.

Тело Мирнина положили на пол.

— Простите, — шепнула ему Клер, — Просто другого способа не было. Надеюсь, вы не слишком пострадаете.

Она понятия не имела, слышит он ее или нет. Ужасно хотелось выдернуть кол, но она помнила, что и с Амелией, и с Сэмом это делал вампир. Может, они знали что-то, ей неизвестное. Кроме того, от болезни они ослабели, и Мирнин тоже.

Она не могла идти на такой риск. К тому же если он очнется, раненый и по-прежнему безумный, а рядом не будет ни одного вампира, способного управиться с ним... Нет, это еще хуже.

Анна проверила обойму пистолета, нахмурилась и заменила ее на новую.

— И что теперь? Наверное, нужно вернуться в музей?

Клер не была уверена в этом. Подойдя к двери — собственно, сейчас это была не дверь, а просто темный участок стены, — она представила себе лабораторию Мирнина со всем ее хаосом и мусором. Свет замерцал, задрожал и обрел форму.

Никаких проблем.

— Выходит, кроме окружного существует и этот путь, — сказала Клер, — Думаю, это сделано специально, чтобы сюда не попали те, кому не следует. Но это имеет смысл — Амелия сможет быстро вернуться обратно, — Она повернулась к Анне, — Не станем ждать?

Анна открыла дверь, через которую они вошли, выглянула в коридор и, видимо не увидев ничего хорошего, покачала головой.

— Уходим, прямо сейчас.

Кряхтя от усилий, она подхватила тело Мирнина и потащила к порталу; Клер поддерживала его с другой стороны.

— Он что, дернулся? — спросила Анна, — Потому что, если он задержится, я пристрелю его.

— Нет-нет, он не дергался! — поспешила уверить ее Клер, — Готова? Раз, два...

На счет «три» они оказались в лаборатории Мирнина. Клер выскользнула из-под холодного тела, захлопнула дверь и в растерянности уставилась на сломанный замок.

— Нужно починить его... — пробормотала она.

А как же Амелия? Нет, она знает все выходы.

Ей нет необходимости приходить именно сюда.

— Девочка, тебе нужно думать о том, как бы нам поскорее убраться отсюда, — сказала Анна, — Черт, как ты это делаешь? Звонишь в ближайший Форт-Нокс?⁸ Где ты научилась этому?

— У меня был хороший учитель. — Клер не смотрела на Мирнина, просто не могла. В конце концов, она только что убила его, — Нам туда.

Из лаборатории Мирнина существовало два выхода: дверь на лестницу, выводящую на уличный уровень, что в сложившихся обстоятельствах было, наверное, хуже всего; и тщательно замаскированный пространственный портал в маленькой боковой комнате. Именно через него Амелия привела их сюда.

Как выяснилось, проблема состояла в том, что Клер никак не могла открыть его. Она вызывала в памяти Стекланный дом, портал в университете, больницу, даже музей, через который они перемещались сюда. Все без толку.

Портал ощущался просто... безжизненным, как если бы вся система внезапно отключилась.

Им еще повезло, что они успели добраться так далеко.

«Амелия в ловушке, — осознала Клер. — Там, с Бишопом. И он имеет превосходство в силе».

Клер проверила и второй портал, тот, через который они прошли.

Ничего. И дело было не в неисправности портала; вся сеть вышла из строя.

— Ну? — нетерпеливо спросила Анна.

Сейчас было не время беспокоиться об Амелии. Перед Клер стояла задача — доставить Мирнина в безопасное место. То есть, внезапно поняла она, к Оливеру — он единственный, кто точно в состоянии помочь.

— Думаю, придется идти пешком, — вздохнула она.

— Черта с два! — воскликнула Анна, — Я не потащу мертвого вампира по улицам Морганвилля! Буквально любой может убить нас.

— Мы не можем бросить его!

— И взять с собой не можем!

Клер упрямо стиснула зубы.

— Ну, прекрасно, уходи. Я его не оставлю. Просто не могу.

Наверно, больше всего Анне хотелось схватить ее за волосы и вытащить отсюда, но в конце концов она сдалась.

— Третий вариант, — сказала она. — Вызываем подмогу.

5

Сделав больше десяти звонков, они нашли того, кто мог их подвезти, хотя, конечно, это была не Третья бронетанковая дивизия⁹.

⁸ Форт-Нокс — военная база в штате Кентукки, на ее территории расположено хранилище золотых запасов США. Анна упоминает Форт-Нокс как символ всемогущества.

— Сворачиваю на улицу... Пока в поле зрения никого... — доносился голос Евы по громкой связи сотового телефона Клер. Сидя за рулем автомобиля, она подробно описывала то, что видит, и это пугало, — А вот и дом Дэй. Вы в проулке рядом с ним?

— Идем туда, — тяжело дыша, ответила Клер.

Она истекала потом, тело болело от усилий, которые требовались, чтобы вместе с Анной тащить Мирнина сначала вверх по лестнице из лаборатории, а потом по узкому, казавшемуся бесконечным темному проулку. Соседний дом Основателя, принадлежащий Кэтрин Дэй и ее внучке, — фактически копия того, в котором жили Клер и ее друзья, — был тише и тих, но Клер заметила, как дрогнула занавеска в окне наверху.

— Я внучатая племянница хозяйки этого дома, тети Кэти, — задыхаясь, сказала Анна. — Правда, все называют ее бабушкой. Всегда так было, сколько я себя помню.

Во внешности Анны и впрямь проступали черты семьи Дэй; кроме того, в ней чувствовался тот же характер. В этой семье было много сильных, умных, активных женщин.

Большая черная машина Евы стояла с включенным двигателем в конце проулка; при их приближении задняя дверца распахнулась. Ева посмотрела на Мирнина, на кол в его спине и одарила Клер взглядом, говорящим: «Это что, шутка?» После чего помогла втащить его на заднее сиденье и уложить лицом вниз.

— Шевелитесь! — Ева открыла дверцу рядом с водителем. — Черт, надеюсь, он не истечет тут кровью! Клер, я думала, ты там для того...

— Знаю. — Клер втиснулась в середину большого переднего сиденья, Анна села рядом, с внешней стороны. — Ох, не напоминай! Я там была для того, чтобы обеспечить его безопасность.

Ева тронулась с места и неуклюже развернула тяжелую машину.

— И кто же заколол его?

— Я.

Ева удивленно уставилась на нее.

— Гм. Интересное понимание безопасности. Разве ты была там не с Амелией?

Ева быстро оглянулась, будто опасаясь, что на заднем сиденье чудесным образом может возникнуть Амелия, взгромоздясь, словно королева варваров, на распростертое тело Мирнина.

— Да, мы были там с Амелией, — подтвердила Анна.

— Я даже не решаюсь спрашивать, что было дальше.

— Мы бросили ее, — с жалким видом проговорила Клер. — Бишоп устроил ловушку. Когда мы вынуждены были уйти, она сражалась.

— Вы же не одни были? Я думала, вас сопровождает целый отряд.

— Половина их осталась в... — Наконец-то Клер собралась с мыслями; она посмотрела на Анну; похоже, бывшая морячка подумала о том же. — Ох, дерьмо! Те другие парни. Они остались в лаборатории Мирнина, а когда мы вернулись, их не было...

— Сбежали, — предположила Анна.

— Класс! Ясное дело, мы победим! — с ноткой цинизма воскликнула Ева, но ее темные глаза смотрели испуганно. — Я разговаривала с Майклом. У него все в порядке. Пока в университете тихо.

— А Шейн?

Внезапно Клер осознала, с ощущением вины, что не позвонила ему. И если он сам звонил, она не могла об этом узнать, так как отключила звонок, боясь привлечь ненужное внимание.

Однако, достав телефон, она обнаружила, что никаких звонков не было.

— С ним тоже все хорошо, — ответила Ева и на большой скорости свернула за угол.

В городе было темно, очень темно; лишь в немногих домах за окнами мерцали фонари, свечи или фонарики. Большинство испуганных до смерти людей затаились в темноте.

— Какие-то вампы пытались проникнуть в его машину, наверное, в поисках «легкой закуски», но до настоящей схватки дело не дошло. Так что пока они просто разъезжают без всяких приключений. Он в порядке, — Ева взяла Клер за руку и сжала ее, — А вот ты нет. Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо. Наверное, так и должно быть.

⁹ Бронетанковая дивизия армии США, сформированная в 1941 году, участвовала в боях в Нормандии в период Второй мировой войны. Во время войны в Персидском заливе принимала участие в операциях «Щит пустыни» и «Буря в пустыне». Здесь название дивизии используется как символ мощной подмоги.

Ева отпустила ее руку и принялась крутить руль. Фары осветили стоящих на обочине людей — неестественно бледных, неестественно спокойных.

— Ох, черт! Вот и они! Держитесь, сейчас я оторвусь от них.

В это верилось мало — вампы с обочины уже выскочили на мостовую и с маниакальным упорством преследовали машину; однако даже вамп не мог долго бежать вровень с мощным автомобилем Евы. Один за другим они отставали и таяли во тьме. Последний держался дольше всех и почти ухватился за задний бампер, но потом споткнулся и тоже растаял позади в черном облаке выхлопных газов.

— Уроды проклятые! — сказала Ева. — Эй, Анна! Как твой бизнес?

— В данный момент? — Анна негромко рассмеялась, — Не то чтобы прекрасно, но сейчас меня это не волнует. Давайте подождем, доживем ли до утра, тогда и буду думать о том, как подзаработать денег.

— Доживем, не сомневайся, — заявила Ева с уверенностью, которой Клер не ощущала, — Послушайте, уже четыре утра. Еще пара часов, и все будет в порядке.

«Еще пара часов, и мы все, возможно, будем мертвы», — подумала Клер, но вслух говорить этого не стала.

А как Амелия? Они будут что-нибудь делать, чтобы спасти ее?

«Если она вообще еще жива».

Голова болела, от недосыпа в глаза словно насыпали песку. Больше всего Клер хотелось свернуться калачиком в теплой постели, натянуть на голову одеяло и... ни за что не отвечать.

Вряд ли получится.

Она не обращала внимания, куда едет Ева, но даже если бы и попыталась, снаружи было так темно и странно, что она едва ли сумела бы распознать даже знакомые места. Ева остановилась у обочины, у окон с зеркальными стеклами, за которыми мелькали огни свечей и фонарей.

Вот так-так! Они приехали в кафе «Встреча».

Ева выскочила наружу, открыла заднюю дверцу и взяла Мирнина под мышки, бормоча:

— Черт, черт, черт!

Клер кинулась помогать ей, Анна подхватила ноги Мирнина, когда они ударились о мостовую, и вместе они потащили его в кафе.

Внутри их встретили два вампира: Оливер и неизвестная Клер женщина. Оливер был мрачен; ну, это теперь не новость.

— Положите его, — распорядился Оливер. — Нет, не сюда, идиотки! Вон туда, на кушетку. Вы... прочь отсюда.

Последнее относилось к испуганным людям, сидящим на означенной кушетке; они прыснули в стороны, словно перепела. Пока Мирнина подтаскивали к кушетке, Ева продолжала твердить свою мантру: «Черт! Черт! Черт!» Наконец Мирнина свалили лицом вниз. Сейчас его кожа приобрела оттенок флуоресцентной лампы — бледно-голубая и холодная даже на вид.

Оливер присел на корточки, поглядел на торчащий из спины Мирнина кол и перевел взгляд на Клер.

— Что произошло?

Наверное, он каким-то образом догадался, что это ее кол. Замечательно.

— У меня не было выбора. Он напал на нас.

Что касается «нас», может, это и было преувеличением — напал-то он на Анну. Но в конечном счете набросился бы и на Клер, это ясно.

Мгновение Оливер сверлил ее взглядом, заставив беспокойно заерзать, а потом снова посмотрел на тело, очень похожее на труп. Кожа вокруг того места, куда вошел кол, выглядела бледнее остальной — словно край воронки, высосавшей из тела все краски.

— У тебя есть препарат, который ты давала ему? — спросил Оливер.

Клер кивнула, роясь в кармане. У нее было немного препарата в виде порошка и чуть-чуть в жидком виде, но как затолкать все это в рот Мирнину? Когда он пребывал в таком состоянии, в каком они его нашли, эта процедура могла привести в лучшем случае к тому, что она лишилась бы пальцев.

Впрочем, сейчас это, скорее всего, не проблема. Она отдала пузырьки Оливеру; тот повертел их, изучая, и вернул ей порошок.

— По-моему, тело быстрее усваивает жидкость.

— Да.

Правда, ее употребление сопровождается непредсказуемыми побочными эффектами, но сейчас вряд ли подходящее время волноваться по этому поводу.

— А как там Амелия? — спросил Оливер, продолжая вертеть пузырек в пальцах.

— Мы... Нам пришлось оставить ее. Она сражалась с Бишопом. Не знаю, что с ней сейчас.

Воцарилось полное молчание. Все вампиры уставились друг на друга — все, за исключением Оливера. Тот продолжал смотреть на Мирнина, и выражение его лица ни на йоту не изменилось.

— Ладно. Элен, Карл... следите за окнами и дверями. Вряд ли прислужники Бишопы решатся напасть на кафе. Другое дело, когда мое внимание будет отвлечено. Остальные... — Он посмотрел на людей и покачал головой. — Постарайтесь не путаться под ногами.

Он вскрыл пузырек с прозрачной жидкостью.

— Будьте готовы перевернуть его лицом вверх, — приказал он Анне и Клер.

Клер вцепилась в плечи Мирнина, Анна взяла его за ноги.

Оливер захватил кол левой рукой — в правой он держал пузырек, — одним плавным движением выдернул его и уронил на пол.

— Давайте!

Как только Мирнина перевернули на спину, Оливер, раздвинув его бескровные губы, влил лекарство ему в рот, а потом положил руку на высокий лоб.

Мирнин распахнул темные глаза. Широко. Клер вздрогнула — они казались мертвыми... точно окна во тьму. И потом он удивленно замигал.

Сделал глубокий вдох, изогнув спину от боли. Оливер не отнимал ладонь ото лба Мирнина, закрыв глаза, полностью сосредоточившись, а тот корчился в тщетной попытке вывернуться из-под его руки. Наконец Мирнин безвольно распростерся на подушках, но грудь его поднималась и опускалась. Кожа все еще напоминала мрамор, с явственно проступающими голубыми венами, однако взгляд снова стал живым.

И безумным. И голодным.

Он сглотнул, закашлялся, сглотнул снова. Постепенно безумный блеск во взгляде угас. Теперь Мирнин выглядел усталым, страдающим от боли и смятением.

Оливер испустил тяжкий вздох, попытался встать, но не смог. Зашатался и упал на колени, одной рукой вцепившись в кушетку. Голова его поникла, плечи ссутулились — он как будто дышал с трудом или плакал. Хотя Клер не могла представить себе Оливера — Оливера! — ни в том ни в другом состоянии.

Никто не двигался, никто не решался прикоснуться к нему. Вампиры смотрели друг на друга с выражением, которого Клер не понимала.

«Ему плохо», — подумала она.

Это все болезнь; из-за нее им все труднее и труднее сосредотачиваться, делать то, что они всегда считали само собой разумеющимся, — например, создавать других вампиров. Или оживлять их. Даже Оливер, который вообще не верил ни в какую болезнь, даже он начинал сдавать.

И понимал это.

— Помоги мне встать, — слабым, срывающимся голосом проговорил он.

Клер подхватила Оливера под руку и помогла подняться — это был медленный, мучительный для него процесс. Как будто он внезапно состарился на тысячу лет и каждый год давал о себе знать. Какой-то вампир подвинул кресло, и Клер помогла Оливеру сесть.

Упершись локтями в колени, он уткнулся лицом в ладони и сказал еле слышно:

— Оставь меня.

Возражать, похоже, было глупо. Клер попятилась и вернулась к Мирнину.

Тот лежал, сложив руки на животе и глядя в потолок.

— Мирнин?

— Подарок... — Казалось, его голос прозвучал откуда-то очень, очень издалека. Он негромко рассмеялся и сморщился. — Больно смеяться.

— Простите меня.

— Простить? — Его брови недоуменно сошлись, а потом снова разгладились, — Ах да. Это же ты заколола меня.

— Я... ну... да.

Несложно было представить реакцию Оливера, если бы она так обошлась с ним, — и чем бы все это закончилось. Но как поступит Мирнин? Она не знала, но на всякий случай держалась на приличном расстоянии.

Он же просто закрыл глаза — старый, усталый, прямо как Оливер.

— Может быть, не стоило вытаскивать кол, — заговорил он. — В итоге так было бы лучше для всех. Я тогда просто... угас бы. Это не так болезненно.

— Нет! — Она сделала шаг к нему, потом второй. Он выглядел таким... подавленным, — Нет, Мирнин! Вы нам нужны.

Глаз он не открыл, но на губах мелькнула еле заметная усталая улыбка.

— Уверен, ты говоришь искренне, но на самом деле теперь у вас есть то, что вам нужно, Клер. Кровь Бишоп. Пришло время отпустить меня с миром. Мне уже не станет лучше... Слишком поздно.

— Не верю!

На этот раз он распахнул большие темные глаза и с холодной напряженностью взгляделся в ее лицо.

— Вижу, что не веришь. Справедливо или нет — это совсем другой вопрос. Где она?

Он спрашивал об Амелии. Клер оглянулась на Оливера; тот сидел в прежней позе, сгорбившись и явно страдая от боли. Нет, от него помощи ждать не приходится. Она наклонилась совсем близко к Мирнину, хотя сомневалась, что это помешает вампирам услышать ее слова.

— Она... Не знаю. Мы разделились. Последнее, что я видела, — это как она сражается с Бишопом.

Мирнин сел — не тем плавным, хорошо контролируемым движением, которое вампиры, казалось, отработывали веками; он вынужден был буквально тащить себя вверх, медленно и мучительно. Смотреть на это было больно. Стремясь помочь, Клер поддержала его за спину. Тело по-прежнему ощущалось холодным, но не мертвым. Разница с трудом поддавалась определению — может, дело было в напрягающихся под кожей живых мышцах.

— Нужно найти ее, — сказал он. — Бишоп не остановится ни перед чем, чтобы схватить ее — если уже этого не сделал. Как только вы сбежали, она наверняка начала отступать. Амелия предпочитает не сражаться в открытую, а вести партизанскую войну. В особенности против своего отца.

— Никуда мы не пойдем, — заявил Оливер, не отнимая рук от лица, — И ты тоже, Мирнин.

— Ты поклялся ей в верности. Ты обязан.

— Покойнице я ничем не обязан, — отрезал Оливер. — И пока не получу доказательств того, что она жива, я не стану жертвовать ни своей жизнью, ни чьей-либо еще, предпринимая бесплодные попытки спасти ее.

Лицо Мирнина исказила презрительная гримаса.

— Ты не изменился.

— И ты тоже, глупец, — пробормотал Оливер, — А теперь заткнись. У меня голова болит.

В черном фартуке ниже колен, Ева за стойкой готовила кофе. Клер устало опустилась на табуретку у стойки.

— Здорово! — сказала она, — Прямо как в старые добрые времена.

Состроив кислую физиономию, Ева с грохотом поставила перед подругой мокко.

— Ох, не напоминай. Хотя, должна признаться, я скучала по Монстру.

— По Монстру?

Ева с нежностью похлопала по боку огромной, блестящей кофемашины.

— Монстр, познакомься с Клер. Клер, представляю тебе Монстра. Вообще-то он милый, но нужно учитывать его настроение.

Клер тоже похлопала по машине.

— Рада тебя видеть, Монстр.

— А это что, синяки? — Ева поймала ее за запястье, — Откуда?

Амелия так стискивала руку Клер, что осталась россыпь слабых голубых пятен; в целом они напоминали примитивную татуировку.

— Не заводись. Никто меня не кусал, ничего такого.

— Хочу и буду заводиться. Пока Майкла здесь нет, я вроде...

— Моей мамочки, да? — Клер тут же пожалела о вырвавшихся словах. И почувствовала укол вины, хотя и совсем по другой причине, — Я не хотела...

Ева отмахнулась от нее.

— Ты что, не можешь не вставать в позу хотя бы в такой день, как сегодня? И кстати, с твоей матерью все в порядке — знаю, это будет твой следующий вопрос. Пока придурки Бишопы не сумели отключить сотовую сеть, и я время от времени контактировала с ней — тут-то ничего особенного не происходило, не считая недовольства качеством кофе. Правда, стационарные линии связи сдохли. Как Интернет, радио и телевидение.

Клер посмотрела на часы. Пять утра. До рассвета два часа, а может, и меньше. По ощущению — целая вечность.

— Что будем делать утром? — спросила она.

— Хороший вопрос, — Ева вытирала стойку, Клер попивала сладкий мокко с успокаивающим привкусом шоколада, — Если тебе что-нибудь придет в голову, поделись с нами. А то мне кажется, сейчас ни у кого никаких идей нет.

— По счастью, ты ошибаешься, — вмешался в разговор Оливер. Возникнув как бы ниоткуда — господи, как же Клер ненавидела эту их манеру! — он уселся на соседнюю табуретку. Выглядел он почти как обычно, только сильно уставшим. И в глазах появилось выражение грусти — нечто невиданное для Оливера. — План уже готов. Тот факт, что Амелия выбыла с поля битвы, — это, конечно, удар, но не поражение. Мы продолжим ее дело, чего она, без сомнения, хотела бы.

— Да? Не поделитесь с нами? — спросила Ева, удостоившись в ответ холодного взгляда. — Видимо, нет. Вампиры не очень-то к этому склонны, разве что в расчете получить выгоду.

— Я расскажу вам то, что необходимо, и тогда, когда будет необходимо, — ответил Оливер, — Принеси-ка мне пакет из холодильной камеры.

Ева перевела взгляд на нагрудную часть своего фартука.

— Простите, где тут написано «прислуга»? Потому что, знаете ли, ко мне это не относится.

Клер затаила дыхание — такое грозное выражение появилось на лице Оливера, и глаза его полыхнули красным, словно угольки в гаснущем костре.

Потом он мигнул и сказал:

— Пожалуйста, Ева.

Чего-чего, а этого Ева никак не ожидала. Мгновение она удивленно смотрела на него, потом просто кивнула и скрылась за занавешенным дверным проемом.

— Ты задаешься вопросом, больно ли это. — Оливер не смотрел на Клер, провожая взглядом Еву, — Больно, можешь не сомневаться.

— Хорошо. Я слышала, страдание полезно для души.

— Тогда к утру с Богом у нас проблем точно не будет, — Развернув табуретку, Оливер в упор посмотрел на нее. — Следовало бы убить тебя за то, что ты натворила.

— Заколола Мирнина? — Она вздохнула. — Знаю. У меня не было выбора. Попытайся я дать ему препарат, он откусил бы мне руку, и к тому времени, когда препарат подействовал бы, от нас с Анной остались бы только косточки. Это казалось самым быстрым и самым легким способом отрубить его.

— Тем не менее, — низким, рокочущим глубоко в горле голосом произнес Оливер, — я, как старейшина, обладаю властью прямо здесь и сейчас вынести тебе смертный приговор за попытку убийства вампира. Отдаешь себе в этом отчет?

Клер вскинула руку, демонстрируя золотой браслет на запястье — браслет с символом Амелии.

— А как же это?

— Я готов заплатить компенсацию. Могу себе это позволить. Какое-то время Амелия будет дуться на меня — при условии, что она вообще еще жива, — но в итоге мы договоримся. Как всегда.

Клер молчала, не видя смысла приводить новые доводы в свою защиту.

— Ладно, — продолжал он спустя несколько мгновений, — Ты была права, поступив так. Ты была права в отношении многого, чего я не желал признавать, включая тот факт, что некоторые из нас... — Он быстро оглянулся по сторонам и почти беззвучно прошептал: — Нездоровы.

«Нездоровы. — Ну, можно сказать и так, — Или "умирают" будет точнее? И он когда-нибудь слышал слово "пандемия"?»

Оливер продолжил, не дожидаясь ответа.

— Разум Мирнина сильно... пострадал. Я не думал, что сумею вернуть его к жизни. И наверное, без этого препарата ничего не получилось бы.

— Значит, теперь вы нам верите?

Она имела в виду «в том, что касается болезни вампиров», но не решилась произнести это вслух. Даже их иносказательный разговор могли подслушать вампиры, околачивающиеся тут без дела, а узнай они о болезни, трудно предсказать, как повели бы себя. Например, могли бы сбежать в человеческий мир и бесчинствовать в нем, а потом начали бы умирать в одиночку, очень медленно. Это заняло бы годы, может, десятилетия, но в конце все погибли бы, один за другим. Казалось, Оливера болезнь пока затронула меньше многих других, процесс, похоже, зависел от возраста; он будет падать в эту пропасть долго, медленно теряя себя.

И в конце не останется ничего, кроме пустой голодной оболочки.

— Это значит то, что значит, — немного раздраженно ответил Оливер, однако Клер сомневалась, понимает ли он в полной мере ситуацию, — Я говорю о Мирнине. Кто знает, может, действие твоего лекарства скоро закончится? Значит, мы должны принять меры предосторожности.

Из-за занавеси появилась Ева с пластиковым пакетом с кровью, похожей на темно-вишневый сироп. Так Клер и говорила себе: «Это вишневый сироп». Ева положила пакет на стойку перед Оливером с таким видом, словно это была дохлая крыса.

— Вы подготовились к этому, — сказала она, — Подготовились к осаде.

Оливер медленно улыбнулся.

— Правда?

— У вас там хватит крови, чтобы в течение месяца кормить половину вампиров в городе, и хватит еды быстрого приготовления, чтобы все мы были сыты даже еще дольше. И медикаментов полно. Полный набор всего необходимого, включая генераторы, батарейки, бутылки с водой...

— Скажем так: я проявил предусмотрительность, — ответил он. — Мы научились этому во время долгих скитаний, — Взяв пакет с кровью, он сделал знак подать чашку. Ева поставила ее перед ним, он очень аккуратно надорвал пакет ногтем и вылил немного жидкости в чашку, — Убери остальное, — Он протянул пакет Еве, — И нечего смотреть с таким омерзением. В конце концов, кровь в пакетах означает, что никто не станет насильно брать ее из твоих вен.

Держа пакет на расстоянии вытянутой руки, Ева открыла небольшой холодильник за стойкой и положила туда пакет.

— Тьфу! Интересно, почему я снова за стойкой? — сказала она.

— Потому что ты надела фартук.

— Послушайте! — сказала Клер, стремясь привлечь внимание обоих. — Мирнин. Куда нам его девать?

Прежде чем Оливер успел ответить, Мирнин протолкался сквозь толпу в кафе и подошел к ним. Он снова выглядел нормально... ну, нормально для Мирнина. Он выпросил у кого-то, взял на время или попросту украл длинное черное бархатное пальто, из-под которого по-прежнему выглядывали дурацкие белые штаны от костюма Пьеро; рубашка отсутствовала, зато на ногах были черные ботинки. Все при нем — длинные черные блестящие волосы и искрящиеся глаза.

Оглядев его наряд, Оливер насмешливо вскинул бровь.

— Ну и видок у тебя! Словно сбежал из старомодного борделя. Такого... специализированного.

Мирнин закатал рукава пиджака. Рана на спине, возможно, уже зажила — или вот-вот затянется, — но ожоги на запястьях и руках оставались серовато-красными, с нездоровым серебристым оттенком.

— Не тот тип борделей, в которых я обычно бывал, если имел возможность выбирать. В отличие от тебя, конечно, всегда больше склонного к риску. — Их взгляды встретились, и Клер с трудом сдержала желание попятиться. Казалось, они вот-вот обнажат клыки... но Мирнин улыбнулся, — Наверное, я должен поблагодарить тебя.

— Это было бы в порядке вещей.

Мирнин перевел взгляд на Клер.

— Спасибо.

Похоже, Оливер ожидал не этого; она уж точно нет. Откровенно пренебрежительное отношение, характерное для многих вампиров в Морганвилле.

Оливер никак не реагировал; в глубине его глаз вспыхнуло еле заметное красное мерцание, хотя, может, это было просто отражение ламп.

— Э-э-э... За что? — спросила Клер.

— За то, что ты сделала, — ответил Мирнин, — В тот момент это был правильный выбор. Я не мог контролировать себя. Боль... Вот что оказалось тяжелее всего.

Она нервно взглянула на его запястья.

— А как сейчас?

— Терпимо. — Его тон отсекал всякую возможность дальнейших разговоров на эту тему, — Нужно выйти к какому-нибудь порталу и определить местонахождение Амелии. Ближайший в университете. Нам потребуется машина и водитель. И еще эскорт, который не подведет.

Мирнин говорил таким тоном, будто не допускал возможность неповиновения, даже в мелочах; Клер снова почувствовала напряжение между ним и Оливером.

— Возможно, ты не в курсе, — с усмешкой сказал Оливер, — Ты больше не король, не принц, или кем ты там был до того, как засел в своей грязной норе. Ты — алхимик, экзотический баловень Амелии, и не тебе отдавать мне приказы. Тем более в моем городе.

— В твоём городе, — повторил Мирнин, сверля его взглядом. Лицо его сохраняло доброжелательное выражение, но вот глаза... в них читалось нечто противоположное. Клер предусмотрительно отодвинулась. — Какой сюрприз! А я думал, это город Основателя.

Оливер оглянулся.

— Странно, ее, похоже, нет в пределах досягаемости, и, значит, теперь это мой город, ничтожество. Поэтому сиди тихо, никуда ты не поедешь. Если у нее неприятности — в чем я пока не уверен — и если ее придется спасти... Что ж, мы предварительно взвесим все риски.

— А также все преимущества бездействия? — В голосе Мирнина чувствовалось напряжение, как в пружине заведенных до отказа часов, — Скажи-ка, Железнобокий¹⁰, как ты собираешься выиграть эту кампанию? Надеюсь, не планируешь воспроизвести Дроэду?¹¹

Клер все это ни о чем не говорило, но для Оливера явно что-то значило, что-то горькое и глубокое — на мгновение его лицо исказилось.

— Это не Ирландская кампания, и какие бы ошибки я ни совершил в прошлом, я не повторю их, — ответил Оливер. — И мне не требуются советы захудалого колдуна.

— Узнаю старый пуританский дух!

Ева с силой стукнула кулаком по стойке.

— Эй! Прекращайте свои заплесневелые дразги! Мы здесь, в Соединенных Штатах, на дворе двадцать первый век, и у нас есть проблемы, не имеющие отношения к вашей древней истории!

Мирнин удивленно посмотрел на Еву, обаятельно улыбнулся и опустил густые ресницы.

— Душечка, можешь принести мне такой же восхитительный напиток, как моему другу? — Он сделал изящный жест в сторону Оливера, который только сейчас осознал, что чашка с кровью все еще стоит перед ним, и с раздраженным видом осушил ее, — И, если можно, сначала поддержи пакет в теплой воде, хорошо? Холодный, этот напиток... омерзителен.

— Конечно, — Ева вздохнула. — Может, добавить его в эспрессо?

Мирнин задумался. Клер решительно покачала головой, как бы говоря «нет». Только этого сейчас не хватало — чтобы Мирнин получил дозу кофеина.

Ева вышла. Оливер с заметным, почти физическим усилием стряхнул с себя раздражение и сделал глубокий вдох.

— До рассвета меньше двух часов. Даже если с Амелией действительно что-то произошло — в чем я по-прежнему сомневаюсь, — высылать спасательный отряд сейчас слишком рискованно. Если Бишоп захватил ее, то наверняка упрятал в такое место, которое выдержит любой штурм. Два часа — это слишком мало.

¹⁰ Железнобокий — прозвище Оливера Кромвеля.

¹¹ Дроэду — В июле 1690 г в шести километрах от Дроэды состоялась так называемая битва на реке Бойн — крупнейшее сражение за всю историю Ирландии, в результате которой стала победа протестантов над католиками.

Мирнин стрельнул взглядом в Клер.

— Кое на кого солнечный свет не оказывает дурного воздействия.

— Однако эти кое-кто слишком уязвимы, — заметил Оливер. — Я не пошлю людей сражаться с Бишопом, даже если их наберется целая армия. Разве что ты рассчитываешь выведать его местонахождение у трупов, которые он оставит позади.

Мирнин, казалось, обдумал эту ужасную идею, но потом покачал головой.

— Он спрячет тела, — с сожалением сказал он — Однако предложение толковое.

Клер не могла сказать, насмехается он над Оливером или действительно так думает. Видимо, и Оливер не понял этого — судя по его изучающему взгляду, устремленному на Мирнина.

Потом он переключил внимание на Клер.

— Расскажи мне все.

6

Через час заря занялась над горизонтом, и ночной мир приобрел феерический голубой оттенок. Вампиры по всему городу — на чьей бы стороне они ни сражались — были наготове, попрятались в укромных местах, где им предстояло оставаться на протяжении всего дня.

Тех, кто находился в кафе «Встреча», очень даже устраивало оставаться здесь, и тому были причины; и Амелия, и Оливер придавали этому заведению ключевое значение с точки зрения контроля над Морганвиллем и постарались как можно лучше обезопасить его.

Однако Клер не слишком нравилось, что некоторые из этих вампиров — в основном незнакомые ей, хотя, по словам Евы, все они были из Морганвилля — перешептывались по углам.

— Откуда нам знать, на чьей они стороне? — спросила она Еву, тоже шепотом.

Увы, от вампирского слуха ничего не укроется.

— Вам этого не определить, — тут же откликнулся Оливер. — Да это и не ваша забота. Но в данном случае можешь не волноваться — все они преданы мне и, через меня, Амелии. Вздумай кто-нибудь из них перекинуться на сторону противника, уверяю тебя, он об этом пожалеет.

Это было произнесено достаточно громко, чтобы услышали все, находящиеся в зале. Вампиры перестали шептаться.

Утренний свет уже просачивался сквозь окна.

— Итак, вы поняли, чего я от вас хочу? — спросил Оливер у Клер и Евы.

Ева кивнула и небрежно, даже чуть дерзко отсалютовала ему.

— Есть, сэр, есть, генерал!

— Ева! — Его терпение явно подходило к концу. — Повтори мои инструкции.

Ева и при лучших обстоятельствах терпеть не могла, когда ей приказывают. Клер быстро сказала:

— Мы должны развезти эти воки-токи¹² по домам Основателя, в университет и остальным по списку. И объяснить, что все приказы касательно стратегии будут поступать через них, а не по сотовым телефонам и не на полицейской частоте.

— Не забывайте сообщать код. — Каждая крошечная рация имела клавиатуру, как на сотовом телефоне, с той разницей, что для получения доступа к аварийной связи требовалось ввести специальный код. Высокая технология, ничего не скажешь; впрочем, Оливер всегда шел в ногу со временем. — Хорошо. В качестве эскорта я отправляю с вами Анну. Я послал бы кого-нибудь из своих людей, но...

— Рассвет, да, понятно, — сказала Ева, и они с Анной вскинули руки и стукнулись ладонями, — Черт, ты вылитый Рэмбо. Мне нравится.

— Рэмбо был «зеленым беретом»¹³. Мы ели этих военных мальчиков на завтрак.

Может, не стоило упоминать об этом в помещении, полном (возможно) голодных вампиров.

— Нам пора... — торопливо сказала Клер.

Анна кивнула и вручила Клер ее же рюкзак, набитый не книгами, а портативными рациями.

¹² Воки-токи — переносная рация.

¹³ «Зеленые береты» — десантно-диверсионные войска особого назначения.

— У меня обе руки должны быть свободны, — сказала она, — Ева за рулем. Ты будешь нашим снабженцем. Список внутри, помечай на нем, кому мы уже доставили рации.

Мирнин сидел тут же, подозрительно притихший. В глазах его все еще светился здравый ум, однако Клер постаралась убедить Оливера в том, что доверять ему нельзя.

— И не собираюсь, — с усмешкой ответил Оливер, — Я знаю его на протяжении многих столетий и никогда ему не доверял.

Большинство вампиров отошли в заднюю часть кафе, лучше защищенную и недосягаемую для солнечного света. Да и смотреть снаружи было почти не на что. Пожары или погасли, или их успешно тушили. Иногда мимо проносились полицейские и пожарные машины, но прохожих было совсем мало, и те торопились, держась затененных мест.

— Интересно, что они там делают? — спросила Клер, устраивая рюкзак на плече.

Она не рассчитывала, что Оливер ответит, но он удивил ее.

— Усиливают позиции, — сказал он, — Эта война не будет вестись при дневном свете, Клер. И в открытую. У нас свои позиции, у них — свои. Они высылают патрульных из числа завербованных ими людей, но сами не станут выходить. После рассвета.

— Завербованных, — повторила Анна. — По-вашему, люди так уж рвутся сражаться? А мне кажется, большинство жителей Морганвилля хотят, чтобы их просто оставили в покое.

— Не факт. В Морганвилле полно людей, которые не любят ни нас, ни созданную нами систему, — ответил Оливер. — Одни воспринимают Бишопа как решение этой проблемы. Другие готовы на многое, чтобы защитить своих близких. Бишоп достаточно умен, чтобы притягивать к себе одних и оказывать давление на других. У него хватит человеческого «пушечного мяса».

— Как и у вас, — сказала Анна.

На несколько мгновений их взгляды встретились, а потом Оливер слегка наклонил голову.

— Если угодно.

— Мне «не угодно», но я привыкла быть на передовой, — отрезала она. — Я буду настороже, другие нет. Не забывайте об этом.

Как обычно, выражение лица Оливера ни о чем Клер не говорило.

— Возможно, — ответил он, — На данный момент нужно исходить из того, что наши враги перегруппировываются. И мы должны делать то же самое.

— Я выхожу первой, — заявила Анна, — потом ты, Ева. С ключами в руке. Как черт мчишься к машине и отпираешь ее. Я подведу Клер к пассажирскому сиденью.

Явно нервничая, Ева достала из кармана ключи и, перебрав в пальцах, нашла тот, который требовался.

— Еще одно, — продолжала Анна. — Ты взяла фонарик?

Ева порылась в другом кармане, достала миниатюрный фонарик и включила его; он испускал поразительно яркий свет.

— Хорошо. Прежде чем сесть в машину, осмотри с его помощью передние и задние сиденья, всё, в том числе и коврики. Я буду прикрывать тебя.

Втроем они направились к выходу.

— Будьте осторожны, — произнес за их спинами Оливер неожиданно тепло. И тут же смазал впечатление, добавив: — Все рации должны быть доставлены по назначению.

Ну конечно, не о них же он заботился! Клер так и подмывало сделать неприличный жест в его сторону, но она сдержалась.

А вот Ева сдерживаться не стала.

Анна распахнула дверь и шагнула наружу. Не так картинно, как это показывают в кино, — просто вышла и медленно повернулась, обзревая улицу, с пистолетом в руке. И в конце концов сделала знак Еве. Та выскочила и помчалась к большому черному автомобилю. Вспыхнул фонарик, она проверила все внутри, села за руль и включила двигатель. Анна подтолкнула Клер в сторону пассажирского сиденья.

За их спинами дверь кафе захлопнули и заперли. Оглянувшись, Клер заметила, что там опустили на окна стальные жалюзи.

Полностью отгородились от рассвета.

Клер и Анна без проблем добрались до машины, но все равно сердце у Клер частило, и дышала она тяжело.

— Все хорошо? — спросила ее Ева. Клер кивнула, все еще хватая ртом воздух. — Да, понимаю. Антитеррористическая аэробика, вот что нам требуется. Подожди, скоро этому будут обучать в гимнастических залах. Это будет покруче пилатеса¹⁴.

Это замечание помогло Клер преодолеть страх; она рассмеялась и почувствовала себя лучше.

— Ты моя девочка! Запрись, — продолжала Ева — И пожалуйста, пристегнитесь. Может, придется резко остановиться. Не хочу, чтобы кто-нибудь на полной скорости «поцеловался» с мистером Ветровое Стекло.

Ехать по предрассветному Морганвиллю... Да, это производило жуткое впечатление. В городе было очень тихо. Маршрут наметили с помощью карты, стараясь избегать самых опасных районов, но в какой-то момент пришлось резко изменить направление, поскольку прямо посреди улицы были припаркованы два автомобиля. С распахнутыми дверцами и включенным внутренним освещением.

Ева замедлила движение и объехала машины справа, двумя колесами взгромоздившись на тротуар.

— Видите что-нибудь? — встревожено спросила она. — Тела там или что-то в этом роде?

Автомобили были пусты, двигатели работали, ключи в замках зажигания. Какая-то странность привлекла внимание Клер, но она никак не могла сообразить, что именно.

— Вампирские машины, — заметила Анна. — Почему их бросили вот так?

Ох! Вот она, странность, — затененные стекла.

— Может, им срочно понадобилось пописать? — предположила Ева. — Если прижмет, то...

Анна не отвечала, не сводя пристального взгляда с машин.

— Да, странно, — продолжала Ева, — Может, они вышли, чтобы помочь кому-нибудь.

Или причинить вред. Клер вздрогнула.

Они завезли первую рацию в один из домов Основателя; Клер не знала людей, которые открыли дверь, — в отличие от Евы, естественно. Быстро просветив хозяев насчет рации и кода, Клер вернулась в машину, и спустя две минуты они уже ехали дальше.

— Замечательно, — заметила Анна, — Вы, девочки, можете дать моим приятелям-морьякам не одно очко вперед.

— Анна, ты не хуже меня знаешь: жизнь в Морганвилле — самое настоящее боевое обучение.

Ева и Анна снова стукнулись ладонями вскинутых рук, на этот раз чуточку неуклюже, потому что Ева не отрывала взгляда от дороги, Анна же неотрывно смотрела в заднее окно, наполовину опущенное, и держала пистолет наготове.

— Снова машины, — сказала Клер, — Видите?

Здесь их было не две, а гораздо больше, разбросанных по обеим сторонам улицы. И снова — дверцы распахнуты, двигатели работают, освещение включено.

И снова пустые.

Они медленно проехали мимо, и Клер заметила, что окна сильно тонированы — все автомобили того же типа, как тот, на котором, став вампиром, ездил Майкл.

— Черт побери, что происходит? — взволнованно воскликнула Ева. Клер прекрасно понимала ее — она и сама испытывала тревогу, — Они никогда не выходили наружу перед самым рассветом. Оливер сказал, обе стороны перегруппировываются, но это, скорее, похоже на самую настоящую панику.

Клер была полностью согласна с ней, но и у нее объяснения не было. Она достала из рюкзака рацию, набрала код и нажала кнопку вызова.

— Оливер? Алло?

После непродолжительной паузы он ответил:

— Слушаю.

— Происходит что-то странное. Мы видим много вампирских машин, но все они брошены. Пусты. Двигатели работают. — Послышались радиопомехи. — Оливер?

— Продолжайте держать меня в курсе, — наконец ответил он, — Ведите счет машинам. Хорошо бы записать их номера.

— Больше ничего? Нам не нужно возвращаться?

¹⁴ Пилатес (*англ.* Pilates) — широко известная и популярная во всем мире система упражнений, одно из направлений фитнеса.

— Нет. Развезите рации.

И на этом все. Клер попыталась снова связаться с ним, но он отключился или просто не обращал на ее вызов внимания. Она нажала кнопку сброса кода и посмотрела на Еву. Та лишь пожала плечами. Они подъехали ко второму дому Основателя.

— Давайте просто делать свое дело, — сказала Ева, — Пусть вампы беспокоятся о вампах.

Ее замечание казалось справедливым, но Клер почему-то испытывала чувство, что это... не так.

Три дома Основателя превратились в груды дымящегося дерева и пепла; один из них пожарники все еще поливали водой. Ева промчалась мимо не останавливаясь. Небо над горизонтом светлело, а им еще предстояло заехать в два места.

— Как насчет того, чтобы заглянуть туда? — спросила Ева Анну, когда они свернули за угол и углубились в известный Клер район.

— Нормально, — ответила Анна. — Мы едем к дому Дэй?

— Ага, он следующий в списке.

— Хорошо. Я хочу поговорить с кузиной Лизой.

Ева остановила машину у большого дома Основателя; все окна в нем были освещены, составляя резкий контраст с темными, закрытыми ставнями окнами соседних зданий. Передняя дверь распахнулась, и клин лимонно-желтого света упал на безупречно чистое крыльцо. Пустые качели бабушки Дэй слегка покачивались на ветру.

В двери стояла Лиза Дэй — высокая, крепкая; сходство с Анной не вызывало сомнений — и смотрела, как они вылезают из машины. Окно наверху открылось, оттуда высунулись дула ружей.

— Все в порядке! — крикнула Лиза, не выходя наружу. — Клер, да? Привет, Анна!

— Привет! — ответила Анна Лизе, — Пойдемте внутрь. Мне не нравится эта тишина.

Как только они оказались в знакомом коридоре, Лиза заперлась на все замки и задвижки, включая недавно установленный железный засов, утопленный в щели по обеим сторонам дверной коробки. Анна с одобрением, но не без удивления наблюдала за этой процедурой.

— Ты знала о том, что надвигается?

— Я просто посчитала, что раньше или позже это произойдет, — ответила Лиза. — У меня в подвале стоит движок, оставалось только подключить его. Бабушка была не в восторге, но я все равно его установила. Она все еще ругается, что я наделала дырок в стенах.

— Да, она такая, — Анна улыбнулась, — Боже упаси устроить беспорядок в ее доме, война там или нет.

— Кстати, о войне, — сказала Лиза. — Вам всем лучше бы остаться с нами — ради собственной безопасности.

Ева и Клер обменялись быстрыми взглядами.

— По правде говоря, мы не можем. Но спасибо.

— Уверены? — Глаза Лизы блестели, взгляд перебежал по их лицам. — А то мы думаем, что на этот раз, может, вампы поубивают друг друга, и нам лучше держаться вместе. Всем людям, я имею в виду. Неважно, есть у них браслеты или нет.

— Серьезно? — удивилась Ева, — Просто отойти в сторону, и пусть сражаются между собой?

— Почему бы и нет? Если уж на то пошло, какая нам разница, кто победит? — На губах Лизы мелькнула горькая улыбка, — Мы при любом раскладе ничего не выигрываем. Может, настало время поставить во главе города человека, а вампиры пусть ищут себе другое место для жизни?

«Опасно, — подумала Клер. — По-настоящему опасно».

Анна не сводила внимательного взгляда с кузины.

— Ладно, — сказала она. — Делай что хочешь, Лиза, но будь осторожна, хорошо?

— Мы чертовски осторожны, — ответила Лиза, — Сама увидишь.

Они дошли до двери в конце коридора, за которой открывалась большая гостиная. Ева и Клер остановились как вкопанные.

— Проклятье! — пробормотала Ева.

Все люди были вооружены — пистолетами, ножами, колами... чем попало. Вампиры, назначенные охранять дом, сидели в креслах, с кляпами во рту, крепко связанные очень длинными веревками, много раз обмотанными вокруг них. Наверно, это имеет смысл, если хочешь лишить вампира возможности двигаться, но...

— Что, черт побери, происходит? — воскликнула Ева.

По крайней мере, некоторые из сидящих тут вампиров были в доме Майкла или сражались на стороне Амелии во время празднества. Кое-кто пытался высвободиться из веревок, но большинство хранили спокойствие.

А некоторые, похоже, находились в бессознательном состоянии.

— Они не пострадали, — поспешила объяснить Лиза. — Я просто хочу, чтобы они не путались под ногами, если возникнет прямая угроза.

— Ты вытворяешь черт знает что! — воскликнула Анна, — Надеюсь, ты в своем уме.

— Я защищаю людей. Тебе тоже не мешало бы.

Анна во все глаза смотрела на нее.

— Пошли, — сказала она Клер и Еве.

— А как насчет...

— Нет! — отрезала Анна. — Никаких раций здесь.

Лиза заступила им дорогу с дробовиком наперевес.

— Что за спешка?

Клер перестала дышать. Возникло тягостное ощущение... как будто в воздухе разлита тьма. Вампиры, которые были в сознании, не сводили с них взглядов. Может, надеялись на спасение?

— Ты не станешь делать этого, — тихо проговорила Анна. — Мы тебе не враги.

— Разве вы не заодно с вампами?

Вот оно, сказано открытым текстом. Клер нервно сглотнула.

— Наша задача — помочь уцелеть всем, — сказала она. — И людям, и вампирам.

Лиза не отрывала взгляда от лица кузины.

— Так не пойдет. Вы должны встать на ту или другую сторону.

Анна зашагала вперед, надвигаясь на нее, и через мгновение Лиза отступила.

— Мы уже сделали это, — заявила Анна и вскинула голову в сторону Клер и Евы, — Пошли.

В машине они несколько мгновений сидели молча. Анна выглядела мрачной и явно не склонной к разговорам.

— Нужно сообщить Оливеру, — высказалась в конце концов Ева. — Он должен знать об этом.

Клер включила рацию, набрала код.

— Оливер, алло! Это Клер! У меня есть информация. Оливер!

Шипение статики, и никакого ответа.

— Может, он просто игнорирует твой вызов, — предположила Ева, — Он, по-моему, здорово на тебя разозлился.

— Ну, попробуй ты.

Клер протянула ей рацию, но все без толку. Оливер не отвечал. Они попытались дозвониться еще до кого-нибудь в кафе. Ответил незнакомый голос.

— Алло?

Ева с видимым облегчением закрыла глаза.

— Прекрасно. Кто это?

— Квентин Варне.

— Тин-Тин! Эй, парень, как ты?

— А-а... Хорошо, — Судя по голосу, неизвестный Тин-Тин нервничал. — Оливер сейчас вроде как занят. Некоторые хотят уйти, и он пытается их удержать.

— Уйти? — Глаза у Евы стали как блюдца, — Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о вампах. Некоторые из них пытаются уйти, а ведь рассвет вот-вот наступит.

Все удивительнее и удивительнее!

— В доме Дэй возникли осложнения. Лиза связала своих вампов чтобы они не мешались. Мне кажется... Мне кажется, она вместе с некоторыми людьми пытается склотить третью сторону. Объединить всех людей.

— Черт! — Тин-Тин вздохнул. — Только убийц вампиров нам и не хватало. Ладно, я скажу Оливеру. Что-нибудь еще?

— Снова пустые машины. Может, вампов что-то вытянуло оттуда? Как тех, которые хотят покинуть кафе?

— Наверное. Слушай, позаботься о себе, ладно?

— Конечно. Конец связи.

На заднем сиденье зашевелилась Анна.

— Поехали к следующему дому.

— Мне очень жаль, — сказала Клер, — Знаю, они твои родственники.

— Лиза всегда проповедовала идею того, что люди должны объединиться и захватить город. Наверно, решила, будто сейчас момент настал, — Анна покачала головой. — Идиотка! Она добьется одного — гибели людей.

Клер к военному сословию не принадлежала, но даже ей было понятно, что сражаться на два фронта — это очень плохо.

— Нужно найти Амелию.

— Да о чем разговор! Где угодно отыщем! — фыркнула Ева, — Если она вообще еще...

— Нет, — прошептала Клер, потирая золотой браслет на запястье с такой силой, что он врезался в кожу. — Она позарез нужна нам.

Более чем когда-либо.

Последним на пути оказался их собственный дом; сейчас там находилось довольно много возбужденных людей и несколько вампиров, которых пока ничто не гнало на улицу. Рассвет уже разгорелся вовсю, небо голубело, точно море, с легкими мазками золотого и красного, подсвечивающими его, словно софиты во время представления. Клер отдала рацию, сообщила код и предостерегла людей и вампиров.

— Нужно приглядывать за вампами. Не позволяйте им выходить наружу днем.

Моника Моррелл, сжимая воки-токи пальцами с ярко-красными ногтями сердито посмотрела на нее.

— Как, интересно, это можно сделать, чокнутая? Вручить им письменное предупреждение? Ругать последними словами? Да брось!

— Если вы отпустите их, они вряд ли доберутся туда, куда их призывают, — Анна пожалла мощными плечами, — Может, я сую нос куда не следует, но они наверняка еще нам понадобятся. И тебя могут обвинить в том, что ты не вмешалась.

Моника продолжала хмуриться, но спорить с Анной явно не решалась. Никто не решался, заметила Клер. В бывшей морячке не ощущалось никакого высокомерия, но ее окружала атмосфера уверенности.

— Прекрасно! — заявила в конце концов Моника. — Только еще одной проблемы мне и не хватало. Между прочим, Клер, от твоего дома меня просто тошнит. Я его ненавижу!

Теперь настала очередь Клер улыбаться.

— Думаю, он и сам ненавидит тебя. Уверена, ты это уже почувствовала.

— Ох, отвали! Когда-нибудь, когда твоего бой-френда не будет рядом... — Моника широко распахнула глаза — Черт! Его же и нет рядом. И вряд ли он когда-нибудь вернется. Напомни мне послать цветы на его похороны.

Ева потянула Клер сзади за рубашку.

— Тпру, малышка, расслабься. Нам пора ехать. Я бы с удовольствием понаблюдала за вашей схваткой, но у нас дела.

Жаркий красный туман перед глазами Клер растаял, она сделала глубокий вдох и кивнула. Оказывается, все тело было напряжено, мышцы закаменели. Она разжала пальцы и постаралась расслабиться.

— Скоро увидимся, — сказала Моника, закрывая за ними дверь. — Хотя, скорее всего, нет, невезучая ты наша. И кстати, какая жалкая у тебя одежда!

Замки щелкнули, вставая на место.

— Пошли.

Анна потянула их вниз по ступенькам и дальше к улице, по которой шел... вампир.

— Какого черта! — вырвалось у Евы.

Вамп, похоже, не обратил на них никакого внимания, а может, вообще не заметил. Он был в полицейской форме, и Клер вспомнила его: иногда он участвовал в рейдах вместе с Ричардом Морреллом. Вроде бы неплохой парень, даром что вампир.

— Это же офицер О'Мэлли, — узнала его Ева, — Эй, офицер! Пойдите!

Он продолжал идти, словно ничего не слыша.

Клер посмотрела на восток. Золотистое мерцание быстро заливало небо. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но ждать осталось совсем недолго.

— Нужно остановить его, — сказала она. — И отвести куда-нибудь в помещение.

— А дальше что, весь день с ним нянчиться? О'Мэлли — это не Мирнин, его ты не сможешь заколоть. И он не так уж стар. Семьдесят, восемьдесят... что-то в этом роде. Он лишь чуть старше Сэма.

— Мы можем сбить его, — предложила Анна. — От этого он не умрет.

Ева вытаращила глаза.

— Прошу прощения? Моей машиной?

— Ну да, нужно что-то такое, не смертельное, и в данный момент больше ничего не приходит в голову. Иначе нам не справиться с вампиром, даже втроем.

Клер, не обращая внимания на несущиеся вслед крики, побежала к вампиру; Анна ринулась следом. Клер первой добежала до О'Мэлли и преградила ему дорогу.

Он остановился на мгновение, вперив в нее взгляд зеленых глаз, а потом просто отодвинул рукой в сторону. Мягко, но твердо.

— Вам нужно куда-нибудь в помещение! — закричала Клер и снова встала на его пути. — Сэр, это необходимо! Немедленно! Пожалуйста!

Он снова отодвинул ее, на этот раз не так бережно, но по-прежнему не произнося ни слова.

— О господи! — выдохнула Анна, — Слишком поздно.

Солнце выкатилось в небо, заливая яростным светом припаркованные машины, фигуру Евы, дома и... спину офицера О'Мэлли.

— Принеси одеяло! — закричала Клер, заметив, что от вампира повалил дым. — Делай хоть что-нибудь!

Ева бросилась к машине. Анна схватила Клер за руку и оттащила с пути офицера.

Он продолжал вышагивать. Солнце поднималось все выше, пылало все ярче; офицер сделал три-четыре шага, и его охватило пламя.

Через десять шагов он упал.

Подбежала Ева с одеялом в руках. Они набросили его на О'Мэлли, но, вместо того чтобы загасить огонь, оно вспыхнуло само.

Клер попыталась сбить пламя, но Анна оттащила ее.

— Перестань! Слишком поздно.

Клер яростно вырывалась.

— Мы еще можем...

— Ничего мы не можем, черт побери! — воскликнула Анна. — Он умирает, Клер. Несмотря на все твои усилия, он умирает. И не примет нашу помощь. Смотри, он все еще пытается ползти!

Она говорила правду, но смотреть на это было больно, и, обняв Анну, Клер отвернулась.

Когда она снова перевела взгляд на офицера О'Мэлли, от него осталась лишь кучка дымящегося пепла и клочки сгоревшего одеяла.

— Майкл... — прошептала Клер и посмотрела на солнце, — Нужно найти Майкла!

— Тогда пошли, — после секундного раздумья решительно сказала Анна.

7

Ворота университета были закрыты и заперты, рядом с ними стояли вооруженные охранники, все в черном. Ева медленно подъехала к ним и опустила окно.

— Нам нужно кое-что передать Майклу Глассу, — сказала она, — Или Ричарду Морреллу.

Здоровенный охранник, заглянувший в окно, казался очень грозным — пока не заметил на заднем сиденье Анну; тут он расплылся в улыбке, словно ребенок при виде подаренного ему щенка.

— Анна Монтана!

— Никогда не называй меня так, Джесси, не то схлопочешь.

— Вылезай и заставь меня замолчать, смешливая моя! Я слышал, что ты вернулась. Как там морячки?

— Лучше, чем проклятые рейнджеры¹⁵.

Он снова посерьезнел.

— Прости, приказ есть приказ. Кто тебя прислал? Кто с тобой?

— Меня прислал Оливер. Ты, наверное, знаешь Еву Россер... а это Клер Данверс.

— Правда? Ух ты! Я думал, она постарше. Привет, Ева! Прости, не узнал тебя сразу. Давно не виделись.

Джесси кивнул другому охраннику. Тот набрал код на панели, встроенной в каменную ограду. Большие железные ворота медленно отворились.

— Будь осторожна, Анна, — вслед им проговорил Джесси. — В данный момент граница Аф-Пака¹⁶ пролегает здесь.

Внутри, если не считать охранников, патрулирующих ограду, Техасский технический университет производил неестественно нормальное впечатление. Птицы воспевали восходящее солнце, студенты — студенты! — спешили в аудитории, болтали, смеялись, бегали трусцой. Как будто ничего необычного не происходило.

— Чепуха какая-то! — воскликнула Ева, и Клер порадовалась, что не одну ее это зрелище неприятно поразило. — Знаю, был приказ замалчивать ситуацию, но, черт побери, не до такой же степени! Это просто нелепо. Где кабинет декана?

Клер показала. Проехав по извилистой дороге мимо общежитий и учебных корпусов, Ева остановилась на почти пустой парковке перед административным зданием. Там стояли всего две полицейские машины и несколько черных джипов. Всё.

У двери замерли два охранника. Анна этих парней не знала, но назвала себя и своих спутниц. После быстрого, поверхностного обыска их пропустили внутрь.

Клер в последний раз оказалась здесь, когда решался вопрос о выборе лекций, которые она будет посещать. Тогда в здании было полно раздраженных чиновников и взволнованных студентов, передвигающихся исключительно бегом. Сейчас тут царила тишина. Некоторые клерки со скучающим или слегка нервным видом сидели за своими письменными столами, но студентов видно не было. Какая-то активность наблюдалась лишь в огромном, устланном ковром вестибюле, увешанном официальными портретами бывших университетских деканов и знаменитостей.

Клер внезапно осознала, что один-два бывших декана вполне могли быть вампирами — судя по особой бледности кожи. Или, может, это были просто бледные, старые, но обычные люди. Трудно сказать.

В дальнем конце вестибюля, в приемной декана, вместо охранника обнаружилась секретарша — но такая же крепкая с виду, как патрульные снаружи. Она сидела за дорогущим антикварным письменным столом без пятнышка пыли, на котором точно посередине лежал один-единственный листок бумаги, а справа от него — ручка и изящный черный телефон. Сначала Клер не заметила и компьютера. Хотя нет, вон он, сбоку, на выдвижной полке.

В ковре с длинным ворсом ступни Клер утопали по крайней мере на дюйм, и возникало ощущение, будто идешь по пене. Вся обстановка была умиротворяющей: окна наглухо закрыты бархатными занавесями, не пропускающими дневной свет, стены облицованы полированным деревом, на стенах картины, звучала тихая музыка — классическая, естественно. Клер даже представить себе не могла, чтобы кто-то в этом здании врубил рок.

Женщина встала и по очереди пожалала каждой из них руку, далее Еве, которая своим нарядом наводила страх на большинство незнакомых с ней людей. Высокая, худощавая секретарша была в сером английском костюме и светло-серой блузке. Выющиеся седые волосы ниспадали аккуратными волнами. Туфель Клер не видела, но готова была поспорить, что они стильные, серые и непременно практичные.

— Меня зовут мисс Нэнси, я секретарь декана Уоллес. Вам назначено?

¹⁵ Рейнджеры — бойцы десантного диверсионно-разведывательного подразделения.

¹⁶ Аф-Пак — неологизм, используемый в международной политике США для обозначения Афганистана и Пакистана как единой угрозы.

— Я должна встретиться с Майклом, сказала Ева.

— Простите? Мне неизвестно, кто это.

Лицо Евы замерло, в глазах вспыхнул ужас.

Анна заметила это.

— Хватит болтовни, мисс Нэнси. Где Майкл Гласс?

Мисс Нэнси сощурила глаза, бледно-голубые, не такие, как у Амелии, как бы выцветшие — оттенка линялых джинсов.

— Мистер Гласс беседует с деканом, — заявила она, — Простите, но вам придется...

Дверь кабинета декана распахнулась, и появился Майкл. От облегчения сердце Клер омыло теплом.

«Хоть с Майклом все в порядке».

За исключением того, что, закрыв дверь, он прошел мимо них с видом человека, полностью сосредоточенного на какой-то своей, чрезвычайно важной задаче.

Он прошел даже мимо Евы, стоящей, открыв рот, с выражением страха на лице.

— Майкл! — закричала Клер. Он никак не реагировал, — Нужно остановить его!

— Отлично! — сказала Анна.

И все втроем они бросились следом.

Помогло то, что Майкл не бежал, просто целеустремленно шел и даже остановился, заметив возникшее на пути препятствие.

— Майкл... — начала Клер и подумала: «Черт! Почему я не взяла с собой транквилизаторы? Почему?» — Майкл, тебе нельзя выходить наружу. Уже утро. Ты погибнешь.

— Он не слышит, — заметила Анна.

И она была права. Майкл попытался протолкнуться между ними. Стараясь удержать его, Ева приложила руку к его груди.

— Майкл! Это я. Ты ведь узнаешь меня?

Он посмотрел на нее абсолютно пустым взглядом, а потом решительно отодвинул в сторону.

— Иди за помощью, — велела Анна, обращаясь к Клер. — Я постараюсь удержать его.

Клер заколебалась, но Анна, без сомнения, была лучше ее приспособлена для того, чтобы справляться с потенциально враждебным Майклом. Она повернулась и побежала — мимо испуганных клерков за их столами, мимо разносящих кофе служащих — и остановилась, лишь увидев солдата в черной форме.

— Мне срочно нужен Ричард Моррелл!

Солдат тут же отстегнул с плеча рацию и произнес в нее:

— Администрация вызывает Моррелла.

— Моррелл слушает.

Солдат протянул рацию Клер. Она оказалась тяжелее воки-токи.

— Ричард? Это Клер. У нас огромная проблема. Нужно помешать выходить наружу Майклу и любому другому из тех... — Как объяснить, что речь идет о вампире, не произнося этого слова? — У кого аллергия на солнце.

— Черт побери, с какой стати они станут...

— Не знаю! Они просто делают это! — В сознании возник образ объятых пламенем офицера О'Мэлли, и Клер с трудом сдержала слезы, — Помогите! Они выходят на солнце.

— Верни рацию! — приказал он, и она протянула ее солдату, — Отправляйся с этой девушкой и помоги ей. Никаких вопросов.

— Есть, сэр. — Он выключил рацию и посмотрел на Клер. — Веди.

Она повела его обратно в приемную. В тот момент, когда они хотели войти внутрь, послышался грохот разбившегося стекла, и Анна отлетела в сторону, приземлилась на пол и удивленно заморгала.

Майкл перешагнул через нее. Ева повисла на его руке, но он стряхнул ее.

— Нельзя допустить, чтобы он вышел наружу! — воскликнула Клер и тоже попыталась удержать Майкла, но это было все равно что останавливать товарный поезд.

Она уже и забыла, насколько он силен.

— Отойти в сторону! — приказал солдат и вытащил пистолет из висящей на поясе кобуры.

— Нет, не стреляйте...

Клерки рассыпались в разные стороны, попрятались под столами, не обращая внимания на падающие на ковер чашки с кофе.

Солдат прицелился Майклу в грудь и быстро выстрелил три раза. Вместо громких хлопков, однако, слышались похожие на кашель звуки пневматики.

Три дротика вошли в грудь Майкла в районе сердца.

Все же он успел сделать еще три шага, прежде чем медленно опустился сначала на колени, а потом на пол, лицом вниз.

— Все чисто. — Солдат подхватил Майкла, перевернул его и выдернул дротики, — Он будет без сознания примерно час, не больше. Давайте отнесем его в кабинет декана.

Анна вытерла стекающую изо рта струйку крови, откашлялась и встала. Девушки подняли Майкла и понесли его мимо картин, которым теперь требовалась реставрация и починка рам, мимо расщепленных панелей и разбитого стекла.

При виде них мисс Нэнси метнулась к двери с медной табличкой, на которой было написано «Декан Уоллес», постучалась и открыла ее, пропуская их внутрь.

Деканом Уоллес оказалась женщина, это слегка удивило Клер; она-то ожидала увидеть невысокого, плотного мужчину средних лет. Декан Уоллес была высокая, изящная, стройная и намного моложе того, что могла вообразить Клер. Прямые темно-каштановые волосы ниспадали на плечи, а простой черный костюм воспринимался как негативное изображение костюма мисс Нэнси, правда, был чуть менее официальным. Он выглядел удобной повседневной одеждой.

Декан Уоллес открыла рот, но спрашивать ничего не стала, просто кивнула на кожаную кушетку в дальнем конце кабинета.

— Положите его вон туда, — сказала она с британским акцентом; определенно не из Техаса, — Что произошло?

Они уложили бесчувственное тело Майкла на кушетку.

— Что бы это ни было, все закончилось, — сказала Анна. — Они просто уходят, похоже не осознавая, что солнце встало. Или не беспокоясь об этом. Как будто у них включился датчик самонаведения.

Декан Уоллес на мгновение задумалась и нажала кнопку на письменном столе.

— Мисс Нэнси? Нужно сделать информационное сообщение через аварийную систему связи. Всех вампиров в кампусе необходимо немедленно связать или ввести им успокаивающие средства. Никаких исключений. Приоритет один, — Получив подтверждение, она с хмурым видом взглянула на собравшихся, — Разговаривая со мной, Майкл вел себя очень рационально, никаких признаков того, будто что-то может произойти. Я подумала, что ему просто пора уходить. Станным он совсем не казался.

— Сколько еще вампиров в кампусе? — спросила Анна.

— Несколько профессоров, конечно, но в данный момент их здесь нет, поскольку они читают лекции ночью. Среди студентов вампиров нет, это очевидно. Не считая тех, которые приехали с Майклом и Ричардом, их сейчас, по-моему, около пяти. Раньше было больше, но незадолго до рассвета они покинули кампус, чтобы укрыться от солнца, — Даже при всех этих весьма неординарных событиях декан Уоллес сохраняла спокойствие, — Ты Клер Данверс?

— Да, мэм, — ответила Клер и пожала протянутую деканом руку.

— Недавно у меня с твоим покровителем состоялся разговор относительно твоих успехов. Несмотря на все... проблемы, ты написала прекрасную курсовую работу.

Глупо, конечно, было чувствовать себя польщенной, но Клер ничего не могла с собой поделать. Она покраснела и покачала головой.

— Не думаю, что прямо сейчас это так уж важно.

— Напротив, очень важно, по моему мнению.

Ева стояла рядом с кушеткой, держа безвольную руку Майкла, и выглядела совершенно вымотанной. Анна прислонилась к стене.

— Не хотите объяснить мне, — спросила она, когда солдат покинул кабинет, — как вам удалось не посеять панику среди студентов, если половина армии патрулирует периметр кампуса?

— Мы сказали студентам и их родителям, что правительство проводит военные учения и университет сотрудничает с ним. И конечно, что все оружие не смертоносно. Это, кстати, соответствует

действительности. Гораздо сложнее удерживать студентов в пределах кампуса, но пока нам удастся и это связать с учениями. Хотя долго так продолжаться не может. Местные ребята уже в курсе, и это всего лишь вопрос времени, прежде чем до остальных дойдет, что мы морочим им головы, лишая возможности связаться с друзьями и родственниками. Мы, конечно, фильтруем Интернет и телефонные звонки. Но это моя проблема, не ваша; ваша гораздо более тяжелая и требует срочного решения. Невозможно усыпить всех вампиров в городе и уж точно невозможно долго держать их в таком состоянии.

— Да уж, — согласилась Анна. — Нужно либо заблокировать источник притяжения, либо упрятать их всех за решетку.

Послышался стук в дверь, и на пороге возникла мисс Нэнси.

— Ричард Моррелл, — доложила она и отступила в сторону, пропуская его.

Клер удивленно смотрела на Ричарда. Брат Моники выглядел так, словно прошагал пятьдесят миль по скверной дороге, — измотанный, бледный, глаза красные; явно перебрал с кофеином и адреналином. Впрочем, вряд ли все они выглядят лучше. Мисс Нэнси закрыла за ним дверь. Ричард посмотрел на обмякшее тело Майкла.

— Он без сознания?

Голос его звучал хрипло, словно он много кричал.

— Спит под воздействием наркотика, — ответила Анна. — Клер, рация.

Ох, а Клер и думать о ней забыла! Рюкзак так и висел у нее на плече. Она достала последнюю рацию и отдала ее Ричарду с соответствующими инструкциями.

Он подтянул к кушетке кресло и опустился в него. Клер тоже села, но Ева осталась стоять рядом с Майклом, словно не хотела расставаться с ним ни на миг. Декан Уоллес уселась за свой письменный стол и сложила пальцы домиком, с интересом наблюдая за происходящим.

— Сначала я ввожу код? — спросил он, и Клер кивнула. Прозвучал сигнал подключения к сети, — Ричард Моррелл, университет, проверка.

Спустя несколько мгновений чей-то голос ответил:

— Все в порядке, Ричард, ты последний по списку. Прослушай информационное сообщение.

Послышались щелчки, треск, а потом другой голос произнес:

— Это Оливер. Срочное распоряжение всем постам. Захватывайте и лишайте возможности передвигаться всех сотрудничающих с нами вампиров, которых сможете найти. Любыми средствами: запирайте их, закройте в цепи, введите транквилизаторы — используйте всё, имеющееся под рукой. Пока мы не выясним, как и что происходит, в дневное время необходимо принять все меры предосторожности. Похоже, некоторые из нас могут сопротивляться призыву, другие обладают иммунитетом к нему, но в любой момент это может измениться. Будьте настороже. Начиная с этого момента звоните с докладом каждый час. Университетский пост, докладывайте.

Ричард нажал кнопку «Ответ».

— Майкл Гласс и все другие вампиры в нашей группе уже обездвижены. Пока студентов удастся удерживать здесь, но долго это не продлится. Придется открыть ворота не позднее завтрашнего утра, если нам вообще удастся до тех пор удерживать ситуацию под контролем. Даже с отключенными телефонами и Интернетом слухи будут распространяться.

— Все идет по плану, — сообщил Оливер. — Через десять минут будут отключены башни сотовой связи. Телефонные линии уже перерезаны. С этого момента единственным средством связи останутся рации. Вам что-нибудь еще нужно?

— Ничего. Сейчас у нас все прекрасно. Не думаю, что кто-то попытается напасть днем — учитывая, какая у нас охрана. — Ричард нажал «Отбой», но, поразмыслив минуту, снова включил микрофон. — Оливер, я кое-что слышал. Похоже, формируются новые группировки. Человеческие. Это может усложнить ситуацию.

Оливер ответил не сразу.

— Да, понял. Будем разбираться с ними по мере необходимости.

Он вызвал следующий по списку пост, которым оказался Стекланный дом. Ответила Моника, к неудовольствию Клер. Хорошо хоть, ее отчет длился недолго. Судя по докладам из других домов Основателя, ситуация везде была одинаковая: одни вампиры реагировали на безмолвный призыв, другие нет; по крайней мере, пока.

Слушая, что говорят другие, Ричард Моррелл задумчиво смотрел в пространство. Когда с отчетами было покончено, он снова включил микрофон.

— Оливер, это Ричард. Что произойдет, если ты превратишься в такого же зомби?

— Со мной этого не произойдет.

— Я сказал «если». Доставь мне удовольствие, ответь. Кто примет на себя командование?

Оливеру явно не хотелось даже задумываться об этом, и когда он заговорил, в его голосе звучала еле сдерживаемая злость.

— Ты, — отрезал он, — И меня не заботит, как ты это организуешь. Если дойдет до того, что защиту Морганвилля придется возложить на простых людей, считай, мы уже проиграли. Конец связи. Следующая проверка через час.

И он отключился.

— Прекрасно, — заметила декан Уоллес. — Он имел в виду, что в случае апокалипсиса власть перейдет к тебе. Мои поздравления.

— Да, вот уж повышение так повышение. — Ричард встал, — Нужно найти место для Майкла.

— У нас в подвале есть складские помещения — стальные двери, никаких окон. Туда уже доставили остальных.

— Хорошо. Я хочу, чтобы он как можно быстрее оказался там же.

Клер посмотрела на Еву, на лицо спящего Майкла и представила, что он сидит один в камере, как... как Мирнин.

«Мирнин».

Интересно, задумалась Клер, воздействует ли на него это странное притяжение? И если да, смогут ли они помешать ему уйти? Скорее всего, нет, если он исполнит решимости вырваться. Мирнин — неодолимая сила, и трудно вообразить что-то, способное его удержать.

Клер вздохнула и помогла отнести Майкла во временную камеру — через вестибюль, мимо ошеломленно вззирающих на них чиновников.

Жизнь продолжалась, как ни странно, — жизнь обычных людей, во всяком случае. Многие по доброй воле выходили из домов, убирали улицы, выносили уцелевшие вещи из развалин сожженных жилищ. Полиция начала восстанавливать порядок.

Однако происходило и кое-что другое. Люди собирались группами на перекрестках, разговаривали, спорили.

Час проходил за часом. Клер не нравилось то, что она видела; Еве и Анне, по-видимому, тоже.

Они медленно разъезжали по улицам, сообщая Оливеру о группах, которые им попадались. Самое большое скопление в парке насчитывало почти сто человек. Неизвестный Клер мужчина держал в руках громкоговоритель.

— Сол Манетти, — сказала Анна. — Всегда был смутьяном. Одно время вертелся около Капитана Откровенного — пока они не рассорились. Сол хотел меньше болтать, больше убивать.

Плохо. Еще хуже то, как много людей внимательно слушали его.

Ева вернулась в кафе «Встреча», чтобы сообщить об этом; именно тогда ситуация начала ухудшаться.

Набив багажник пакетами с кровью из университетских запасов, Анна везла Клер домой, когда в кармане у той заверещала рация. Она набрала код, и на нее обрушилась волна шума.

Показалось, что звучит имя Оливера. На ее вопросы никто не отвечал, хотя она изо всех сил напрягала голос. Такое впечатление, будто кто-то нажал кнопку случайно, в разгаре схватки, и все были слишком заняты, чтобы ответить.

А потом связь отрубилась.

Клер и Анна посмотрели друг на друга.

— Может...

— Поедем во «Встречу»? Да.

Первое, что Клер увидела по прибытии, были рассыпанные повсюду осколки стекла — два передних окна оказались выдавлены изнутри. Стояла пугающая тишина.

— Ева? — закричала Клер и выскочила из машины, прежде чем Анна успела остановить ее.

С разбега она с силой врезалась в переднюю дверь, но та не открылась, и Клер заколотила по ней кулаками.

Заперто.

— Может, уймешься? — Анна схватила ее за руку, когда Клер попыталась пролезть в разбитое окно. — Так недолго и порезаться. Подожди.

С помощью пистолета она сбила самые острые края и перешагнула через низкий деревянный подоконник; Клер следом. Анна не пыталась остановить ее — видимо, понимала, что это бесполезно.

— Господи! — воскликнула Анна.

Большинство столиков были опрокинуты или сдвинуты с места, осколки посуды усыпали пол.

Среди всего этого разгрома неподвижно лежали люди. Быстро переходя от одного к другому, Анна проверяла их состояние. По крайней мере пятеро были мертвы; при виде двоих из них Анна с сожалением покачала головой. Оставшиеся трое были живы, хотя и ранены.

Никаких признаков вампиров и... Евы.

Клер прошла за занавеску. Новые признаки борьбы, но никаких тел, ни живых, ни мертвых. Она сделала глубокий вдох и открыла большой холодильник.

Он был набит пакетами с кровью, но снова никаких тел.

— Что там? — спросила Анна из-за занавески.

— Здесь никого, — ответила Клер, — Правда, кровь они оставили.

— Странно. Они нуждаются в ней больше, чем во всем прочем. Зачем нападать на кафе, если не уносишь такую ценную вещь? — Анна рассеянно оглядывалась, — Стекло разбито изнутри, не снаружи. Никаких признаков того, что кто-то проник через дверь, переднюю или заднюю. Вряд ли это было нападение извне, Клер.

Чувствуя, как внутри скапливается тяжелый черный ком, Клер захлопнула дверцу холодильника.

— Ты считаешь, вампиры сражались, прорываясь наружу?

— Да, именно так.

— И Оливер тоже.

— Оливер, Мирнин, все они. Сигнал, который выманил их отсюда, включили на полную мощность.

— Тогда где Ева? — спросила Клер.

Анна покачала головой.

— Нам ничего толком не известно, это все гадание на кофейной гуще. Давай-ка пораскинем мозгами, — Она выглянула наружу, — Допустим, они сами ушли отсюда. Многие, конечно, какое-то время были в состоянии продержаться на солнце, хотя и пострадали. Другие не могли сделать больше десятка шагов.

Вроде того полицейского, который сгорел прямо у них на глазах.

— Думаешь, это дело рук мистера Бишопа? — еле шевеля губами, спросила Клер.

— Надеюсь.

Клер удивленно посмотрела на Анну.

— Почему?

— Потому что если это не он, все гораздо хуже.

8

Три часа спустя информации у них почти не прибавилось. Помешать вампирам откликаться на призыв удавалось, лишь вколов им транквилизаторы или надежно заперев в камере. Отследить, куда именно направляются ушедшие, тоже, как правило, не получалось. Наконец Клер и Анна добрались до Стеклянного дома, очень удачно расположенного, чтобы стать пунктом сбора, — почти в центре и совсем недалеко от городской ратуши.

Приехал Ричард Моррелл и с ним еще несколько человек, все собрались на кухне. Клер ломала голову над тем, как накормить всех, когда послышался стук в дверь.

Это оказалась бабушка Дэй. Старая женщина, с горделивой осанкой и прямой спиной, опираясь на трость, устремила взгляд выцветших голубых глаз на Клер.

— Я не осталась с дочерью, — заявила она. — Не хочу участвовать во всем этом.

— Как вы добрались сюда? — спросила удивленная Клер и быстро отступила в сторону, впуская старую женщину.

— Пешком. Ноги пока работают. Никто меня не побеспокоил. — («Никто и не осмелился бы», — подумала Клер.) — Юный мистер Ричард! Ты тоже здесь?

— Мэм? — Ричард вышел из кухни, и у него сделался на диво мальчишеский вид — такое воздействие на людей оказывала бабушка Дэй, — Что происходит?

— Моя глупая дочь совсем ума лишилась, — ответила бабушка, — Я к этому не имею отношения. Прочь с дороги, мальчик, я приготовлю вам что-нибудь перекусить.

И она, стуча клюкой, прошла мимо него и закудаhtала, возмущаясь тем, в каком состоянии кухня. Клер смотрела, не зная, что делать — плакать или смеяться. У бабушки была всего пара рук, но она успешно раздавала приказы, и в итоге каким-то чудом возникло блюдо с сэндвичами и большой кувшин ледяного чая, и все расселись вокруг стола, за исключением самой бабушки, которая отправилась в соседнюю комнату отдохнуть. Клер села в кресло. Детективы Джо Хесс и Трейвис Лоув тоже присутствовали здесь, с благодарностью поглощая еду и питье. Клер чувствовала сильную усталость, но они выглядели гораздо хуже. У высокого, худощавого Джо Хесса левая рука висела на перевязи — сломанная, по-видимому, судя по скобе на ней. Он и его коллега были в синяках и порезах; надо полагать, тоже сражались.

— Ну, — заговорил Хесс, — известно что-нибудь о том, куда идут вампиры, выходя наружу?

— Пока нет, — ответил Ричард. — Какое-то время нам удавалось отслеживать их, но потом они отрывались от нас.

— Разве солнечный свет им не вредил? — спросила Клер, — В смысле...

— Они начинали дымиться, да... но несильно, типа сигаретного дыма, а потом кожа подгорала, покрываясь корочкой, — сообщил Трейвис Лоув, набив полный рот индейкой и сыром, — Старые... Они могли справиться с этим и, по крайней мере, не шли бездумно, точно автоматы. Прикрывались шляпами, пальто и одеялами. Верите ли, я видел, как один завернулся в детский коврик с Губкой Бобом. Молодым, конечно, приходилось хуже. Не уверен, что все они добрались до затененного места, где бы оно ни находилось.

Клер подумала о Майкле, и ей стало не по себе. Заметив выражение ее лица, Ричард покачал головой.

— С Майклом все в порядке, — сказал он. — Я сам видел. Он сидит в симпатичной такой, надежной камере вместе с другими вампирами, которых мы успели поймать. Он не так силен, как кое-кто из остальных, — не может гнуть сталь голыми руками. Пока, по крайней мере.

— А есть какие-то известия о...

— Никаких признаков Евы, — Ричард опять угадал причину тревоги Клер. — И от нее тоже ничего. У меня была мысль с помощью GPS отследить ее телефон, но для этого пришлось бы разблокировать сотовую сеть, а сейчас это слишком опасно. Я попросил ребят на улицах посматривать, не объявится ли она, но у нас много других дел, Клер.

— Понимаю, но...

Ощущение, которое она испытывала, трудно было выразить словами; абсолютная уверенность, что Ева попала в переделку и нужно найти ее.

Джо Хесс подошел к висящей на стене крупномасштабной карте Морганвилля, покрытой россыпью разноцветных точек: голубые обозначали те места, где сосредоточились сторонники Амелии; красные — где засели сподвижники Бишопы; черные — здания, которые сгорели или другим способом были выведены из строя. В этот последний разряд попали три дома Основателя, больница и банк крови.

— Это соответствует нынешней ситуации?

— В большой степени, — ответил Ричард. — Мы не знаем, уходили ли куда-нибудь люди Бишопы, по нам точно известно, что они входили внутрь. Мы контролируем только те точки, где находятся люди Амелии, и почти из всех этих помеченных голубым мест кто-то уходил.

— И где их видели в последний раз?

Ричард просмотрел свои записки и начал наносить на карту желтые точки. Клер почти сразу поняла, какая вырисовывается картина.

— Порталы, — сказала она, — Видимо, Мирнин восстановил работу порталов. Их они и используют.

Хесс и Лоув непонимающе смотрели на нее, а Ричард кивнул.

— Да, мне известно об этом. Но куда они направляются?

Клер беспомощно пожала плечами.

— Они могут оказаться где угодно. Я знаю не все места, куда выводят порталы. Думаю, кроме Амелии и Мирнина это никому не известно.

Однако ее радовала сама идея того, что вампиры не разгуливают при дневном свете, иногда вспыхивая, точно факелы. Не хотелось, чтобы такое происходило с ними... даже с Оливером.

Ну, может, с Оливером еще ладно. Немножко. Только не сегодня.

Трое мужчин какое-то время вглядывались в ее лицо, ожидая продолжения, а потом вернулись к изучению карты и обсуждению тем, не очень интересных и даже не очень понятных Клер, — периметры, стратегия патрулирования и все такое прочее. Она доела сэндвич и пошла в гостиную. Там в огромном кресле сидела крошечная, иссохшая бабушка Дэй, забросив ноги на скамеечку и разговаривая с Анной.

— Привет, малышка, — сказала она. — Усаживайся.

Клер так и сделала. В гостиной не осталось вампиров — они либо были надежно заперты, либо их просто не сумели удержать. Снедаемая тревогой, Клер никак не могла перестать нервно потирать руки. Шейн. По словам Ричарда, на передвижной станции водители сменяют друг друга, Шейн уже отработал свое и, значит, вот-вот должен был появиться здесь.

Как же он нужен ей!

Бабушка устремила на нее сочувственный взгляд выцветших глаз.

— Волнуешься? — спросила она. — Да, есть основания, я считаю.

— Правда? — удивилась Клер.

Взрослые по большей части притворялись, будто верят, что все будет хорошо.

— Не сомневайся, моя сладкая. Вампиры долгое время правили Морганвиллем и далеко не всегда обращались с народом мягко. Некоторые люди пострадали, другие были убиты без причины. Накапливалось чувство возмущения и обиды, — Бабушка кивнула на книжный шкаф. — Достань-ка мне вон ту красную книгу, которая начинается с Н.

Это оказалась энциклопедия. Клер положила книгу бабушке на колени. Та полистала ее жилистыми, морщинистыми пальцами и вернула Клер. Заголовок гласил: «Нью-йоркские бунты против призыва на военную службу, 1863».

На фотографиях царил хаос — толпы, дома в огне. И всякое другое, гораздо хуже.

— Люди склонны забывать, — продолжала бабушка, — Они забывают и то, чем все может обернуться, если гнев возобладает. Жители Нью-Йорка были в ярости, потому что их мужчин забирали для участия в Гражданской войне. Догадайся, кому доставалось чаще других. Чернокожим, ясное дело. И тем, кто не мог дать отпор. Даже сиротам! Их безжалостно убивали, если удавалось поймать, — Бабушка с видом отвращения прищелкнула языком, — То же самое происходило в Талсе¹⁷ в тысяча девятьсот двадцать первом. Называлось это «Гринвудский мятеж на расовой почве», там тоже убивали чернокожих. Еще во Франции произошла революция, где перехватили всех этих разряженных аристократов и отрубили им головы. Может, они были виноваты, а может, и нет. Везде одно и то же: вы приходите в ярость, вините в этом кого-то и заставляете их расплачиваться, виновны они или нет. Такое случается все время.

Клер пробрал озноб.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать вот что: подумай о Франции. Вампиры долгое время держали нас в подчинении, прямо как те аристократы. По крайней мере, так здешние люди думают. Злоба нарастала на протяжении многих поколений, а сейчас городом практически никто не правит. Как думаешь, это не может плохо обернуться для нас?

Клер вспомнила отца Шейна, фанатический блеск его глаз. Он наверняка возглавил бы этот мятеж. Вытаскивал бы людей из домов, обвинял в коллаборационизме, предательстве и вешал на фонарных столбах.

¹⁷ Талса — город в штате Оклахома, США.

Анна похлопала по дробовику у себя на коленях. Сейчас, когда большинство вампиров оказались устранены со сцены, от ее пистолета с шариками было мало толку.

— Они сюда не прорвутся, бабушка. У нас в Морганвилле не будет никакого «Гринвуда».

— Я не особенно беспокоюсь за себя и за тебя, — сказала бабушка. — Но тревожусь о Морреллах. Раньше или позже до них доберутся. Эта семья раздражает многих.

«Интересно, — подумала Клер, — Ричард об этом знает?»

Мелькнула мысль и о Монике. Не то чтобы она любила ее — господи, нет! — но все же.

Поблагодарив бабушку Дэй, она вернулась на кухню. Полицейские все еще разговаривали.

— Бабушка Дэй предрекает нам серьезные неприятности, — сказала она, — Не со стороны вампиров, со стороны обычных людей вроде тех, в парке. Может, и со стороны Лизы Дэй. И бабушка думает, что вам, Ричард, следует позаботиться о своей семье.

— Уже, — ответил он, — Отец и мать в ратуше. Моника тоже отправилась туда. — Он задумался, — Ты права. Нужно удостовериться, что Моника добралась без проблем, прежде чем она повысит статистику жертв.

Чувствовалось, что он встревожен.

Ну, для этого есть основания — судя по тому, что говорила бабушка Дэй. Джо Хесс и Трейвис Лоув переглянулись; похоже, у них мелькнула та же мысль.

«Она этого заслуживает, — убеждала себя Клер, — Что бы ни случилось с Моникой Моррелл, она этого заслуживает».

Вот только иллюстрации из энциклопедии так и стояли перед глазами.

Хлопнула дверь, послышался голос Анны, приветствовавшей кого-то. Клер выскочила в прихожую и... налетела прямо на Шейна. Он подхватил ее и обнял.

— Ты здесь, — Он сжал Клер так сильно, что затрещали ребра, — Господи, я весь день так волновался за тебя! Сначала слышал, что тебя видели в центре Вамптауна. Потом будто ты разъезжаешь по городу вместе с Евой, словно живая приманка...

— Не тебе говорить об этом, — Клер отодвинулась, вглядываясь в его лицо. — Как ты?

— Ни царапины, — Он широко улыбнулся. — В некотором роде ирония судьбы, поскольку обычно я не выхожу из переделок без боевых шрамов. Худшее, что со мной произошло, — пришлось съехать на обочину и выпустить наружу кучку вампиров, пока они не прорвались прямо сквозь стены. Можешь гордиться мной — я даже высадил их в тени. — Его улыбка угасла, но глаза смотрели с прежней теплотой. — У тебя усталый вид.

— Правда? — Она не смогла сдержать зевков. — Извини.

— Хорошо бы немного отдохнуть, пока есть возможность. — Он огляделся, — Где Ева?

Никто не ответил. Клер открыла рот, но не смогла произнести ни слова, так перехватило горло. Глаза защипало от слез.

«Пропала, — вот что она собиралась сказать, — Никто не знает, где она».

Но произнеси она это вслух, да еще Шейну... Тогда происшедшее обрело бы подлинную реальность.

— Что такое? — Он погладил Клер по волосам. — Что случилось? Где она?

— Она была в кафе «Встреча», — сумела наконец выговорить Клер. — Она... — Руки Шейна замерли, он широко распахнул глаза. — Она пропала. Больше я ничего не знаю.

— Ее машина снаружи.

— Мы приехали на ней.

Клер кивнула на Анну, молча наблюдающую за ними.

— Ладно, — сказал Шейн. — Майкл в безопасности, ты в безопасности, я в безопасности. Осталось найти Еву.

— Вряд ли это разумно, — вмешался в разговор Ричард Моррелл.

Шейн резко развернулся к нему, с таким выражением лица, которое могло бы устроить и вампира.

— Хочешь попытаться остановить меня, Дик?

Мгновение Ричард пристально смотрел на него, а потом снова повернулся к карте.

— Хочешь идти, иди, а у нас дел по горло — нужно защищать жителей целого города. В конце концов, Ева — всего одна девушка.

— Да, но она наша девушка, — Шейн взял Клер за руку, — Пошли.
— Не возражаешь, если я возьму с собой дробовик? — спросила Анна.
— С каких это пор ты обзавелась им? Ладно, не стесняйся.

Снаружи возникало странное ощущение — вроде бы все спокойно, но в атмосфере чувствовалось что-то гнетущее. Там и тут группками стояли люди, разговаривая. Почти все магазины были закрыты, а вот бары нет, как и оружейный магазин. Тревога Клер нарастала.

Скверно.

Ворота университета были распахнуты, но, чтобы покинуть его, люди должны были предъявлять пропуск — видимо, все еще в соответствии с версией военных учений.

— О господи! — пробормотал Шейн, сворачивая на улицу, ведущую к центру города — площади Основателя, Вамптауну. Чем дальше, тем больше попадалось собравшихся группами людей. — Не нравится мне это. Вон там Сол Монетти. Он был одним из собутыльников моего папы, помнишь?

— Копаю это тоже не нравится, — Анна кивнула на полицейские машины впереди, блокирующие доступ к концу улицы.

Приглядевшись, Клер поняла, что полицейские вылезли из машин и выстроились в линию, готовые к любому развитию событий.

— На этот раз все может обернуться по-настоящему скверно, — вздохнула Анна. — Не хватает лишь зажженной спички, чтобы все запылало.

Клер вспомнила слова Шейна о том, что его отец собирается вернуться в город; наверняка и сам Шейн подумал о том же.

— Сейчас нужно постараться вычислить, где может быть Ева. Есть идеи?

— Может, она оставила нам какие-то подсказки. В кафе. Наверно, стоит начать оттуда.

В кафе «Встреча» было пусто, стальные жалюзи опущены, передняя дверь заперта. Они объехали дом сзади. Только мусорные баки и...

— Что это, черт возьми? — спросил Шейн.

Резко затормозил, выскочил из машины, поднял с земли что-то маленькое и показал Клер.

Это оказался белый леденец в форме черепа. Клер удивленно воззрилась на него.

— Ева оставила след из мятных леденцов?

— Похоже на то. Нужно пойти по нему пешком.

Анну эта идея не привела в восторг, однако Шейн голосования не проводил. Они припарковались в проулке позади кафе, заперли машину и начали искать конфетки в форме черепа.

— Вон! — воскликнула Анна в конце проулка. — Похоже, она роняла их на поворотах. Умно. Значит, туда.

После этого дело пошло быстрее. Леденцы в форме черепов на пустой улице были хорошо заметны. В основном они попадались в тени, что было неудивительно, если Ева шла с Мирнином или другими вампирами.

«Почему она оставалась с ними?»

Может, у нее не было выбора.

— Куда теперь? — спросила Клер, оглядываясь.

Вроде бы ничего не бросалось в глаза, но потом она заметила что-то блестящее, засунутое за перевернутый ржавый мусорный бак. Сунула туда руку и достала черный кожаный ошейник, усеянный торчащими серебряными шипами.

Тот самый, который был на Еве. Клер молча показала его Шейну. Он начал медленно поворачиваться, вглядываясь в пустые дома.

— Ну же, Ева, — бормотал он, — Подкинь нам хоть что-нибудь. Все, что угодно. — Он замер. — Слышите?

Анна, стоящая в конце проулка с дробовиком наготове, наклонила набок голову.

— Что?

— Не слышишь?

А вот Клер слышала. Звонок телефона. Сотового, с ультразвуковой модуляцией — кто-то рассказывал, что пожилые люди не могут слышать эти частоты, и ребятишки в школе часто используют

такие телефоны, чтобы прямо в классе украдкой звонить или посылать текстовые сообщения. Звук был слабый, но телефон определенно находился где-то неподалеку.

— Я думала, сети блокированы, — сказала она и вытащила свой телефон.

Нет. Сеть работала. Интересно, это сделал Ричард или они утратили контроль над вышками сотовой связи? Возможно, и то и другое.

Они нашли телефон до того, как звон прекратился. Телефон Евы — красный, с серебряным брелоком в виде черепа, брошенный в глубину покоробившегося дверного проема.

— Кто звонил? — спросила Клер, и Шейн начал проглядывать меню.

— Ричард. Наверно, тоже стал искать ее в конце концов.

Звякнул телефон Клер. Текстовое сообщение. Она открыла его.

От Евы, послано несколько часов назад; видимо, начали поступать не прошедшие раньше сообщения.

Там было: «911@Немецкий».

Клер показала сообщение Шейну.

— Что это?

— Девять один один. Сигнал о помощи. Немецкий...

Он посмотрел на Анну; та отлепилась от стены и подошла к ним.

— Немецкий шинный завод, — сказала она. — Черт, мне это не нравится. Он размером по крайней мере с два футбольных поля.

— Нужно сообщить Ричарду, — сказала Клер.

Набрала его номер, но он оказался занят, а потом телефон снова перестал ловить сеть.

— Нечего дожидаться, — сказал Шейн, — Поехали туда.

9

Шинный завод находился неподалеку от старой больницы, что заставило Клер содрогнуться; она слишком хорошо помнила это заброшенное здание. От него просто мороз по коже шел, и, опять же, их с Шейном там едва не убили.

Она была в шоке, увидев, что массивное старое строение все еще цело.

— Разве больницу не взорвали?

Она предназначалась к сносу, и, видит бог, если что и нужно было снести, то...

— Я слышал, это отложили, — ответил Шейн, который не больше Клер был рад снова оказаться здесь. — Что-то связанное с охраной исторических памятников. Хотя, спорю, тот, кто выдвинул эту идею, никогда не был внутри и не спасал свою жизнь.

Клер выглянула в окно. С ее стороны возвышалось уродливое здание больницы. Потрескавшиеся каменные стены и покосившиеся колонны делали его похожим на строение из обожаемой видеоигры Шейна, в которой он с удовольствием убивал зомби.

— Не прячьтесь там, — прошептала она. — Пожалуйста, только не прячьтесь там.

Потому что, если Ева и Мирнин нашли убежище в старой больнице, у нее вряд ли хватит мужества последовать туда за ними.

Анна кивнула на другую сторону улицы.

— Вон немецкий завод.

Фактически Клер даже не заметила его, когда была здесь в прошлый раз — тогда самым важным было выжить, — но вот оно стоит, здание в виде четырехэтажной каменной коробки тусклого рыжеватого-коричневого цвета, который считался таким модным в шестидесятых годах прошлого века. Даже окна — те, которые уцелели, — были покрашены. Простое здание, большое, приземистое, единственной особенностью которого был его размер — оно занимало по крайней мере три городских квартала, сплошной бетон и слепые окна.

— Ты когда-нибудь была внутри? — спросил Шейн Анну, пристально разглядывающую здание.

— Только много лет назад, — ответила она. — Да, иногда мы тут прятались — когда сбегали из школы, к примеру. Думаю, все сюда лазили время от времени. Внутри черт знает что творится, настоящая свалка. Стены разваливаются, потолки тоже еле-еле держатся, повсюду мусор, сломанные вещи и все

такое. На второй этаж надо подниматься очень осторожно, проверяя, выдержит ли пол. А железные лестницы и в прежние времена были ненадежны.

— Мы идем туда? — спросила Клер.

— Нет, — ответил Шейн. — Ты не идешь никуда. Останешься здесь, постарайся дозвониться Ричарду и рассказать ему, где мы. Завод проверим мы с Анной.

Если Клер и хотела поспорить, у нее для этого не хватило времени. С последним словом Шейн в сопровождении Анны вылез из машины и рванул к пролomu в ржавой, обвисшей ограде.

Клер провожала их взглядом, пока они не скрылись за углом здания, и только тут почувствовала, как онемели пальцы — с такой силой она стискивала мобильник. Она сделала глубокий вдох, открыла телефон...

Ничего. Снова нет связи.

Сигнал воки-токи был, хотя и очень слабый, но она попробовала пробиться и вроде бы даже услышала ответ, но слова тонули в шуме статики. Клер сообщила свое местоположение на случай, если кто-нибудь умудрится расслышать ее сквозь шум.

Внезапно сквозь окно на нее упала тень, и кто-то забарабанил по стеклу. Клер вскрикнула и выронила рацию.

Она узнала шелковую рубашку — свою шелковую рубашку — еще до того, как узнала Монику Моррелл. Ничего удивительного — Моника была сама на себя не похожа. Она тяжело дышала, вспотела, волосы всклокочены, макияж размазался и потек.

И она плакала. На правой щеке кровоточил порез и наливался синяк; рубашка была испачкана грязью и кровью.

— Открой! — закричала она и снова заколотила по стеклу. — Впусти меня!

Клер бросила взгляд на улицу и увидела приближающуюся толпу, человек тридцать-сорок, одни бежали, другие просто шли. Многие размахивали бейсбольными битами, досками, обломками труб.

Заметив Монику, они издали победоносный крик — нечеловеческий, больше похожий на рев зверя, обезумевшего и голодного.

Впервые Клер видела на лице Моники такое открытое, незащитное выражение.

— Пожалуйста, помоги мне, — сказала дочь мэра, приложив ладонь к стеклу.

Клер начала отпирать замок, но не успела — Моника вздрогнула и, прихрамывая, бросилась бежать.

Клер перебралась на водительское сиденье — Шейн оставил ключи в замке зажигания. Она включила двигатель и тронулась с места, но слишком сильно нажала на газ и чуть не врезалась в край тротуара. Энергично повернув руль, она быстро нагнала Монику, проехала мимо и открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Залезай!

Моника забралась внутрь и захлопнула дверцу. Клер рванула вперед. Что-то ударило в машину сзади — кирпич, может быть, а потом посыпался град камней поменьше. Клер снова занесло, но она сумела выровнять машину и поехала дальше. Сердце бешено колотилось, руки вспотели.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Тяжело дыша, Моника бросила на Клер возмущенный взгляд.

— Нет, конечно, как я могу чувствовать себя хорошо! — Дрожащими пальцами она попыталась собрать рассыпавшиеся волосы. — Идиотский вопрос! От тебя вроде можно ожидать чего-нибудь поумнее, но...

Клер остановила машину и вперила в Монику сердитый взгляд.

Та заткнулась.

— Учти, у тебя только два варианта. Либо ты, в виде исключения, ведешь себя как нормальное человеческое существо, либо выметаешься отсюда и дальше спасаешься сама. Усекла?

Моника оглянулась.

— Они приближаются!

— Да. Так мы договорились?

— Ладно, ладно, да! Все, что угодно! — Моника устремила на толпу полный ужаса взгляд. В машину полетели новые камни, один с такой силой ударил в заднее стекло, что Клер вздрогнула. — Увези меня отсюда! Пожалуйста!

— Держись, я не очень хороший водитель.

Ну, это еще было мягко сказано. Большая, тяжелая машина Евы обладала, похоже, собственным разумом. Вдобавок Клер не хватило времени приспособить сиденье таким образом, чтобы легко доставать до педалей. В итоге единственная хорошая сторона поездки состояла в том, что они ехали относительно прямо и достаточно быстро.

Она всего дважды зацепила бордюр.

Только когда последние, самые дотошные преследователи отстали, Клер вспомнила о необходимости дышать и в очередной раз свернула за угол. Этот район выглядел безлюдным. Огромный, внушительный массив шинного завода — мили и мили однообразного кирпича и пустых окон — проплывал со стороны пассажирского сиденья.

Клер остановила машину на другой стороне улицы, перед заброшенным, проржавевшим складским комплексом.

— Вылезай! — сказала она.

— Что? — Моника в ужасе смотрела, как Клер выбирается из машины, зажав ключи в руке. — Куда ты собралась? Нужно уезжать отсюда! Они хотели убить меня!

— Они, наверное, и сейчас этого хотят, — отозвалась Клер, — поэтому лучше вылезай из машины, если не хочешь дожидаться, пока они появятся.

Моника что-то пробурчала, Клер сделала вид, будто не слышит, и Моника почти вывалилась с пассажирского сиденья. Клер заперла машину. Она очень надеялась, что ее не разобьют, но сам факт хотя бы недолгого присутствия дочери Моррелла в машине мог подвигнуть разъяренную толпу к разрушительным действиям.

Если повезет, люди подумают, что девушки забежали в складской комплекс, чего и добивалась Клер.

На самом деле она в сопровождении Моника двинулась в противоположном направлении, к ограде шинного завода. В одном месте ее проломил упавший столб, и образовалась щель, наполовину скрытая порванной колючей проволокой и клубком вьющихся растений. Клер пролезла в дыру и отодвинула проволоку, давая проход Монике.

— Идешь? — спросила она, видя, что та колеблется. — Учти, меня все это мало волнует. Просто чтобы ты была в курсе.

Моника без единого слова пролезла в щель, и Клер отпустила колючую проволоку. Если непосредственных свидетелей их проникновения на территорию завода не было, все должно сработать.

Здание завода отбрасывало на заросшую сорняками парковку огромную черную тень. Тут и там все еще стояли немногочисленные проржавевшие грузовики; на всякий случай, перебегая к основному зданию, Клер пряталась за ними, хотя не думала, что толпа достаточно близко, чтобы заметить их с улицы. Моника, похоже, уловила, в чем смысл этих манипуляций, и обходилась без комментариев; ну, когда борешься за свою жизнь, это в какой-то степени смиряет. Возможно.

— Постой, — сказала Моника, увидев, как Клер устремилась к разбитому окну на первом этаже, — Что ты делаешь?

— Ищу своих друзей. Они внутри.

— Я туда не полезу, — заявила Моника, снова напустив на себя высокомерный вид, но не слишком преуспев в этом — из-за пота, грязи и прочих «украшений» вроде синяков и царапин. — Я ехала в ратушу, когда неизвестно откуда появились эти придурки и порезали шины. Мне нужно добраться до родителей.

Она произнесла это таким тоном, будто ожидала, что Клер отсалюует и запрыгает, точно лягушка.

— Ну так иди. Дорога-то неблизкая.

— Но... но...

Не вслушиваясь в бормотание Моника, Клер повернулась и побежала к зданию. За разбитым окном скопилась густая тьма, но, по крайней мере, можно было залезть внутрь. Она подтянулась, уселась на подоконник, собралась перебраться через него...

— Постой! — К ней подлетела Моника, — Не бросай меня одну! Ты же видела этих психов!

— Видела.

— Ох, ты просто получаешь удовольствие от всего этого.

— Типа того. — Клер прыгнула внутрь, с силой ударившись ногами о бетонный пол, покрытый толстым слоем пыли, — Идешь?

Моника смотрела на нее, кипит от ярости; Клер улыбнулась и двинулась во тьму.

Ругаясь, Моника полезла следом.

— Я не такая уж плохая, — хныкала по дороге Моника.

Клер хотелось найти что-нибудь мелкое, чтобы треснуть ее, но, хотя тут валялось много разного мусора, ничего деревянного практически не попадалось. Вот обломки труб были — тоже неплохо.

Правда, в глубине души идея ударить человека ее не привлекала — такой вот недостаток характера.

— Нет, ты очень даже плохая.

Она поднырнула под низко висящую проволочную петлю, прямо из фильма ужасов — вроде той, что обвивается вокруг шеи и утаскивает наверх, туда, где жестокий, безумный убийца приканчивает тебя. Вся обстановка была выдержана в том же стиле, от царящей вокруг тьмы до напоминающих скелеты обломков ржавого оборудования и всевозможной рухляди. Граффити, многие годы накладывавшиеся слоями, мерцали под редкими лучами солнца, точно кровь. Какой-то особо изощренный художник изобразил огромное, наводящее ужас клоунское лицо, с глазами-окнами и ртом в виде распахнутой двери.

«Вот уж куда не хотела бы входить», — подумала Клер.

Хотя не исключено, что придется.

— Почему ты так считаешь?

— Как считаю? — рассеянно спросила Клер.

Она прислушивалась, стараясь уловить любой звук движения, но помещение было слишком огромное и темное, что сбивало с толку — как и предупреждала Анна.

— Что я плохая!

— Ну, не знаю... Разве ты не пыталась убить меня? И сделать так, чтобы меня изнасиловали на вечеринке? Не говоря уж о...

— Я тебе просто отплатила. И вовсе не хотела, чтобы так получилось.

— Ну, это, конечно, в корне меняет дело. Послушай, отвяжись. Я занята, серьезно. Тсс...

Это последнее удержало Моника от дальнейших высказываний в оправдание своего характера. Клер протиснулась мимо нагромождения коробок и покореженного металла, снова оказавшись в луче света, падавшего из высоко расположенного разбитого окна. Нарисованное лицо клоуна, казалось, наблюдало за ней... брр. Она старалась не приглядываться к тому, что лежало на полу, — трупки животных, в том числе и птиц, забегавших или залетавших сюда на протяжении многих лет и нашедших свою смерть. Еще повсюду валялись старые банки, пластиковые упаковки и все тому подобное, оставленное склонными к приключениям детьми. Ничего себе тайное убежище! Вряд ли они задерживались тут надолго.

Подходящее местечко для привидений.

Моника схватила ее за руку, как раз за то место, где совсем недавно оставила синяк Амелия; Клер вздрогнула.

— Слышала? — буквально прошипела Моника. От нее несло потом куда больше, чем пудрой и духами, — Господи! Тут кто-то есть!

— Может, это вампир.

— Вот уж кого я не боюсь. — Моника помахала перед лицом Клер изящным серебряным браслетом, — Никто не осмелится пойти наперекор Оливеру.

— Почему ты не сказала это людям, которые гнались за тобой?

— Я имею в виду, ни один вампир не осмелится. Я под Защитой.

В устах Моника это прозвучало как несомненная, даже банальная истина. Типа Земля круглая, Солнце горячее, и ни один вампир никогда не причинит ей вреда, потому что она продана Оливеру, телом и душой.

Ага, как же.

— Экстренное сообщение, — сказала Клер, — Оливер сражался с кем-то в кафе «Встреча», и теперь неизвестно, где он. Амелия исчезла. Фактически большинство вампиров в городе подевались

невесть куда, что делает их браслеты просто модными аксессуарами, а не надежной защитой, как считалось до сих пор.

Моника заговорила, но Клер сердито посмотрела на нее и кивнула во тьму, где послышался шум. Станный какой-то, похожий на гулкий вздох, эхом отскакивающий от стали, бетона и становившийся все сильнее.

Казалось, он исходил из темного рта клоуна.

Клер сунула руку в карман, где лежал переданный Амелией пузырек с серебряным порошком. Хотя... какой от него толк? Его не применишь к вампирам — ведь среди них могут оказаться не только враги, но и друзья. А к людям он вообще неприменим, тем более что...

Где-то здесь были Шейн, Анна и — она надеялась — Ева.

Клер обогнула ободранную софу, от которой пахло кошками и плесенью, и обошла огромную крысу, не потрудившуюся убраться с дороги; тварь сидела, следя за Клер настороженным взглядом.

Моника тоже увидела ее, пронзительно взвизгнула и попятилась, свалив груды старых картонных коробок, которые упали на нее, осыпая мусором. Клер схватила ее за руку и помогла встать; Моника скулила, хлопывая себя по волосам и верхней части тела.

— О господи! Они еще есть на мне? Пауки? Это же пауки?

Клер надеялась, что пауки покусают Моника.

— Нет, — тем не менее ответила она. Ну, они были, но совсем мелкие. Она стряхнула их со спины Моника. — Заткнись же наконец!

— Шутишь? Ты видела эту крысу? Она же размером с Годзиллу!

«С меня хватит», — решила Клер.

Моника может бродить тут самостоятельно, вопя из-за крыс и пауков, пока кто-нибудь не придет и не сожрет ее. Навсегда.

Она отошла всего футов на десять, когда услышала позади шепот Моника:

— Пожалуйста, не бросай меня... — Голос, совсем не характерный для Моника — испуганный и очень юный, — Клер, пожалуйста.

Ну, вести себя тихо наверняка было слишком поздно. Если на шинном заводе затаились вампиры, сейчас они уже точно знали, где находятся Клер и Моника; если уж на то пошло, даже могли сказать, какая у них группа крови.

Поэтому Клер сложила руки рупором и завопила во все горло:

— Шейн! Ева! Анна! Кто-нибудь!

Эхо разбудило высоко над головой невидимых летучих мышей или птиц, которые бешено захлопали крыльями. Голос Клер отдавался от всех плоских поверхностей; как будто ее же призрак глумился над ней.

Потом наступила тишина.

— Здорово! — пробормотала Моника, — Я-то думала, мы должны вести себя тихо. Ошибалась, значит.

Клер собралась прошипеть в ответ какую-нибудь гадость, но внезапно замерла, услышав другой, отдающийся от стен голос; голос Шейна.

— Клер?

— Здесь!

— Оставайся на месте! И молчи!

Его настойчивый тон заставил замереть на месте не только Клер, но и Моника, которая, похоже, перестала даже дышать и стиснула руку Клер, снова там, где уже был синяк.

Клер похолодела — что-то появилось изо рта нарисованного клоуна, что-то белое, призрачное, наплывающее, словно дым...

Это «что-то» имело лицо. Даже несколько лиц, скорее всего принадлежащих вампирам, — очень бледных, очень спокойных. И все они устремились в их сторону.

Ничего себе — «оставайся на месте»! Она схватила Моника за руку и бросилась бежать.

При виде улепетывающей добычи вампиры стали издавать звуки — что-то вроде шепота, смеха, странного шипения, от чего волосы на голове Клер встали дыбом. Сжимая в руке пузырек, она побежала быстрее, перепрыгивая через груды мусора, которые успевала заметить, и спотыкаясь о те, которые

проглядела. Моника не отставала, хотя дышала тяжело и даже постанывала. Все-таки правая нога у нее пострадала и наверняка сильно болела.

Что-то бледное возникло впереди, похожее на паука, но с белым лицом, красными глазами, широко раскрытым ртом и блестящими клыками. Она размахнулась, собираясь бросить пузырек, и... узнала Мирнина.

Колебание, длившееся совсем недолго, дорого обошлось ей. Что-то ударило ее сзади, и она полетела вперед, споткнувшись о валяющийся на полу железный брус. Уронила пузырек и услышала, как он разбился о край бруса. Вылетело облако серебряной пыли. Моника дико вскрикнула, и наверху снова панически захлопали крылья; Клер увидела, как она попятилась от Мирнина.

Мирнин находился совсем рядом, расплывающееся в воздухе облако серебряного порошка уже подползало к нему, но не Мирнин представлял собой проблему. Другие вампиры, те, что вышли из клоунского рта, перепрыгивая через кучи мусора, мчались на запах свежей крови.

И быстро приближались сзади.

Клер, стоя на коленях, зашарила рукой по полу, набрала полную горсть серебряного порошка вперемешку со стеклянными осколками, повернулась и бросила порошок в воздух между собой, Моникой и вампирами. Он рассыпался мерцающим туманом, и там, где касался вампиров, вспыхивал крошечный огонек.

Прекрасное и одновременно ужасное зрелище; Клер вздрогнула, услышав их крики. В пузырьке было много серебра, каждая его крупинка липла к их коже, разъедая ее. Клер не знала, может ли это убить вампиров, но, по крайней мере, остановит их.

Она схватила Моника за руку, подтягивая к себе.

Мирнин все еще маячил впереди, скорчившись на гряде досок. В нем не осталось совсем ничего человеческого.

Потом он удивленно замигал, красный свет в глазах погас, клыки убрались. Облизнув языком бледные губы, он недоуменно спросил:

— Клер?

Ее охватило такое сильное чувство облегчения, что она будто воспарила в невесомости.

— Да, это я.

— Ох! — Он сполз с груды дерева, все еще в той одежде, в какой Клер видела его в кафе, — длинное черное бархатное пальто, рубашки нет, белые панталоны от маскарадного костюма. Нелепый наряд, но на Мирнине он почему-то смотрелся абсолютно естественно. — Тебе нельзя находиться здесь, Клер. Это очень опасно.

— Знаю...

Что-то холодное коснулось сзади ее шеи, Моника приглушенно вскрикнула. Клер резко повернулась и оказалась лицом к лицу с красноглазым злобным вампиром; некоторые участки его кожи все еще дымились от прикосновения серебра.

Мирнин испустил полный угрозы и ярости рев, от которого задрожал воздух, и вампир попятился.

И потом те пятеро, которые преследовали их, бесшумно растаяли в темноте.

Клер повернулась к Мирнину, провожающему вампиров задумчивым взглядом.

— Спасибо.

— Я вырос во времена, когда верили в концепцию *noblesse oblige*¹⁸. К тому же я обязан тебе лично. У тебя нет больше моего лекарства?

Она отдала ему последнюю дозу препарата, позволяющего сохранять здравый ум... ну, в большой степени. Это был ранний вариант — не прозрачная жидкость, а красные кристаллы; он высыпал немного в ладонь, слизнул их и удовлетворенно вздохнул.

— Гораздо лучше, — сказал он и сунул флакон с оставшимися кристаллами в карман, — Итак, зачем ты здесь?

Клер облизнула губы. Она слышала шаги и видел а тени, приближающиеся к Мирнину со спины. Не вампиры, показалось ей; скорее всего, Шейн и сопровождении Анны.

— Мы ищем мою подругу Еву. Вы ведь помните ее?

¹⁸ Положение обязывает (*фр.*).

— Ева, — повторил Мирнин и улыбнулся. — Ах! Девочка, которая последовала за мной. Да, конечно.

Клер ощутила прилив радостного возбуждения, но его тут же сменил страх.

— Что с ней произошло?

— Ничего. Она спит, — ответил он. — Для нее тут было слишком опасно, и я отнес ее в укромное место.

В луче света примерно на расстоянии пятидесяти футов возник Шейн. При виде Мирнина он остановился, но встревоженным не выглядел.

— Это тоже твой друг, — заметил Мирнин, оглянувшись. — Тот, к которому ты равнодушна. — Клер никогда не обсуждала с Мирнином Шейна, по крайней мере в таких деталях. Заметив удивленное выражение ее лица, Мирнин расплылся в улыбке. — Твоя одежда пахнет им, а его — тобой.

Моника испустила шумный вздох. Взгляд Мирнина, словно лазерный луч, сфокусировался на ней.

— А это что за прелестное дитя?

Клер с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Моника. Дочь мэра.

— Моника Моррелл, — представилась та, протянула Мирнину руку, и он в старомодной манере склонился к ней.

Клер показалось, что заодно он изучает браслет на запястье Моника.

— Символ Оливера, — заметил он, выпрямляясь. — Понимаю. Я очарован, моя дорогая, просто очарован, — Он не отпускал ее руки, — Как насчет того, чтобы пожертвовать пинту крови бедному голодному незнакомцу?

Лицо Моника застыло.

— Я.., ну... я...

Одним быстрым рывком он заключил ее в объятия. Моника вскрикнула, попыталась вырваться, но, несмотря на свое относительно хрупкое сложение, Мирнин был достаточно силен.

Клер глубоко вздохнула.

— Мирнин, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — раздраженно спросил он.

— Она под Защитой. Вы не можете съесть ее, — Слова Клер, похоже, не слишком убедили Мирнина, — Серьезно. Отпустите ее.

— Прекрасно. — Он разомкнул руки. Моника отступила, обхватив руками шею, и, тяжело дыша, опустилась на ближайший брус, — Знаешь, в юности женщины выстраивались в очередь, чтобы таким образом выразить мне свою благосклонность. Я чувствую себя оскорбленным.

— Это странный день для всех, — сказала Клер. — Шейн, Анна, это Мирнин. В некотором роде мой босс.

Шейн, сохраняя холодное, отстраненное выражение лица, подошел ближе.

— Да? Тот самый, который отправился вместе с тобой на бал, а потом бросил тебя, оставив умирать?

— Ну... мм... да.

— Я так и подумал.

И Шейн ударил его прямо в лицо. Удивленный, Мирнин отступил к башне из ящиков и оскалился; Шейн достал из заднего кармана кол и вскинул его.

— Нет! — Клер вклинилась между ними, махая руками. — Нет, честно, все было не совсем так. Успокойтесь, все! Ну пожалуйста.

— Да, меня сегодня уже один раз закололи, благодарю, — заявил Мирнин. — Я уважаю твое желание отомстить за нее, мальчик, но Клер и сама способна постоять за свою честь.

— Да уж, лучше не скажешь. Пожалуйста, Шейн, перестань, — взмолилась Клер. — Он нам нужен.

— Да? Интересно зачем?

— Он, возможно, знает, что происходит с вампирами.

— Ах, это! — сказал Мирнин таким тоном, словно считал их всех идиотами, раз они до сих пор не сообразили, в чем дело. — Их призвали. Сигнал, который притягивает всех вампиров, принесших тебе клятву верности на крови. Обычно применяется во время войны — как способ собрать свою армию.

— А-а... Тогда почему он на вас не действует? И на других вампиров... ну, которые были здесь? — спросила Клер.

— Похоже, твое лекарство отчасти делает меня невосприимчивым к нему. О, я определенно чувствую притяжение, но... чисто теоретически. Скорее, с ощущением любопытства. Я помню, какое чувство этот сигнал вызывал прежде — вроде всепоглощающей паники. Что касается этих, других... Ну, они не нашей крови.

— Они... что?

— Ничтожные создания. Результат неудавшегося эксперимента, если угодно.

Он отвел взгляд, и Клер пронзило ужасное подозрение.

— Они люди? В смысле, обычные люди?

— Результат неудавшегося эксперимента, — повторил он, — Ты же ученый, Клер. Не все эксперименты протекают так, как задумано.

Это дело рук Мирнина, поняла она; он экспериментировал в процессе исследований, связанных с поиском лекарства от болезни вампиров. Он превратил этих людей во что-то такое, что не было ни вампиром, ни человеком, во что-то, не вписывающееся ни в какое сообщество.

Неудивительно, что они прячутся здесь.

— Не гляди на меня так, — сказал Мирнин. — Ты же понимаешь — я не виноват в неудаче. Я не монстр.

Клер покачала головой.

— Иногда вы самый настоящий монстр.

Еву они нашли невредимой, хоть и усталой, потрясенной, с заплаканным лицом.

— Он ничего такого не делал. — Она ткнула в горло двумя растопыренными пальцами. — Он правда милый — если не обращать внимания на его безумие. Хотя это трудно — он здорово не в себе.

Клер понимала: его безумие никуда не делось. Однако вынуждена была признать — Мирнин, по крайней мере, вел себя благороднее, чем можно было ожидать.

Noblesse oblige. Не исключено, что он чувствовал себя обязанным.

Мирнин отнес Еву в помещение, которое когда-то, видимо, использовали под склад, — все стены уцелели, одну-единственную дверь он заблокировал с помощью загнутого обрезка трубы. Это решение Шейну не понравилось.

— А если бы с вами что-нибудь случилось? — спросил он, глядя, как Мирнин разгибает металл, словно проволоку. — Она была бы заперта здесь, одна, не имея возможности выйти. И умерла бы от голода.

— Это вряд ли, — ответил Мирнин, — Жажда убила бы ее раньше, дня через четыре, — Клер вперила в него сердитый взгляд. Мирнин вопросительно вскинул брови. — Что?

Она покачала головой.

— Думаю, вы не уловили сути.

Моника таскалась по пятам за Клер, и это раздражало. С другой стороны, ее тоже можно было понять — она то и дело нервно поглядывала на Шейна и со всей очевидностью боялась Мирнина. Ну, хоть молчала, и то хорошо. Даже не завопила при появлении еще одной крысы, тоже крупной и к тому же альбиноса.

Ева, однако, была совсем не в восторге от присутствия Моника.

— Как ты переносишь ее общество, спокойно? — спросила она, переводя взгляд с нее на Шейна и обратно.

— Спокойно — это было бы преувеличением. Правильнее сказать — смирился, — ответил Шейн; стоящая рядом Анна насмешливо фыркнула, — Пока она помалкивает, я могу прикинуться, будто ее здесь нет.

— Да? Ну а я не могу, — заявила Ева, сердито глядя на Моника, ответившую ей таким же взглядом. — Клер, прекрати подбирать приبلудных. Никогда не знаешь, что от них подхватишь.

— Кто бы говорил! — выпалила в ответ Моника, — Ты сама ходячее венерическое заболевание!

— А ты потаскуха!

— Шлюха!

— Что, не терпится развлечься с новыми здешними друзьями? — взорвался Шейн. — С теми, бледнолицыми, которым нравится вкус крови? Потому что не сомневайся, Моника, — я суну тебя задницей прямо в их гнездо, если не заткнешься.

— Я тебя не боюсь, Коллинз!

Анна, поигрывая дробовиком, закатила глаза.

— А меня?

Это положило конец перебранке.

Мирнин, прислонившись к стене и сложив на груди руки, с огромным интересом наблюдал за происходящим.

— Твои друзья, — сказал он Клер, — производят впечатление. Такие... энергичные.

— Не вздумай трогать моих друзей!

К Монике это, конечно, не относилось, но ладно уж.

— Да, конечно, и не притронусь, — Приложив руку к груди, Мирнин напустил на себя ангельский вид, что было нелегко, учитывая его прикид в духе загулявшего лорда Байрона. — Просто я так долго был лишен нормального человеческого общества. Скажи-ка, все люди такие... яркие?

— Не все. — Она вздохнула. — Моника — особый случай, — Да, в каком-то смысле так оно и было, хотя Клер не имела ни времени, ни желания вдаваться в подробности динамики взаимоотношений Моника, Шейна и Евы, — Вы сказали, что кто-то созывает вампиров, готовясь к сражению. Это делает Бишоп?

— Бишоп? — удивленно переспросил Мирнин. — Нет, конечно нет. Это Амелия. Амелия посылает сигнал, собирает свои силы, выстраивает линию обороны. Ситуация быстро меняется в сторону открытой конфронтации.

Именно такого ответа и опасалась Клер.

— И кто отвечает на ее призыв?

— Те в Морганвилле, кто кровно с ней связан. За исключением меня, конечно. Сюда входят почти все вампиры в городе — кроме тех, кто присягал Оливеру. Но даже они в какой-то степени связаны с Амелией, потому что, перебравшись сюда, Оливер сам присягнул ей на верность. Они, возможно, испытывают менее сильное притяжение, но, несомненно, ощущают его.

— Тогда как же Бишоп собирает свою армию? Раз все в городе присягнули Амелии?

— Он кусает тех, кого хочет сделать своими сторонниками, и в итоге отнимает их у нее. Одни идут на это добровольно, другие нет, но все, кто прошел через это, теперь верны ему. Думаю, их немало. — Он впери в Клер острый взгляд, — Как Майкл?

— С Майклом все в порядке. Он в камере.

— А Сэм?

Клер лишь головой покачала. После Майкла его дед Сэм был самым младшим вампиром в городе, и Клер не видела его с тех пор, как он покинул Стекланный дом, намного раньше всех прочих вампов. Амелия отослала его с каким-то поручением — она доверяла ему больше, чем многим другим, даже тем, кого знала не одну сотню лет. Наверное, из-за чувств, которые питал к ней Сэм. История просто сказочная — любовь, которая игнорирует само понятие практичности, не боится никаких опасностей и может оборваться только со смертью.

Непроизвольно Клер посмотрела на Шейна; почувствовав ее взгляд, он улыбнулся в ответ.

Сказочная история любви.

Наверное, Клер слишком молода для этого, но ее чувства были так сильны, так реальны...

А у Шейна даже не хватило мужества признаться ей в любви.

Она сделала глубокий вдох и постаралась выкинуть все это из головы.

— Мирнин, что нам теперь делать?

Он долго молчал, потом отошел к закрашенному окну и открыл его. Солнце уже садилось, вот-вот скроется совсем.

— Отправляйтесь домой, — сказал он наконец. — Сейчас люди правят бал, но их тоже раздрают противоречия. Сегодня ночью нас ждет борьба за власть, и не только между двумя группировками вампиров.

Шейн посмотрел на Моника — ее синяки служили доказательством того, что эта борьба уже началась, — и снова на Мирнина.

— А вы что будете делать?
— Останусь здесь. Со своими друзьями.
— С друзьями? С этими... результатом неудавшегося эксперимента?
— Именно. Я для них вроде отца. Кроме того, их кровь в случае нужды согдится не хуже всякой другой.

— Меня все эти подробности не интересуют. — Шейн кивнул Анне, — Пошли.
— Только не лезь в бутылку, Шейн.
— Приглядывай за Клер и Евой. Я пойду первым.
— А как же я? — захныкала Моника.
— Что, и впрямь хочешь знать? — Шейн одарил Моника взглядом, способным дотла спалить ей волосы. — Скажи спасибо, что я не оставляю тебя здесь в качестве десерта для него.

Мирнин наклонился и прошептал Клер на ухо:

— Мне нравится этот юноша, — Увидев смещение на ее лице, он вскинул руки и улыбнулся, — не в том смысле, моя дорогая. Просто он кажется очень надежным.

— С вами тут ничего не случится? — спросила она после паузы. — Честно?

— Честно? — Он посмотрел ей в глаза. — На данном этапе — да. Однако у нас очень много дел, Клер, и очень мало времени. Я не могу прятаться долго. Тебе известно, что стресс ускоряет развитие болезни? А сейчас все мы переживаем очень сильный стресс. Значит, появятся новые больные, которые будут утрачивать связь с реальностью. Жизненно важно как можно быстрее продолжить работу над лекарством.

— Я постараюсь сделать так, чтобы завтра вы вернулись в лабораторию.

Когда они уходили, он стоял в лучах гаснущего света, рядом с ржавым подъемным краном, чья стрела на три этажа уходила вверх, во тьму, где носились птицы.

И больные, злобные плоды неудачного эксперимента прятались в тени — может, дожидаясь момента, когда удастся напасть на своего создателя.

Если так, то Клер от души жалела их.

Люди ушли, но перед этим от души «позабавились» с машиной Евы. Она потрясенно смотрела на вмятины и треснувшие стекла; но, по крайней мере, машина сохранила все четыре колеса, а повреждения носили косметический характер. Двигатель завелся сразу же.

— Бедная моя малышка, — Клер сочувственно похлопала по рулевому колесу, — Мы тебя починим, не сомневайся. Правда, Анна?

— Да я пока даже не знаю, что буду делать завтра, — ответила Анна, усаживаясь на переднее сиденье, — Хотя нет, знаю. Буду выправлять вмятины «Куин Мэри»¹⁹ и вставлять новое стекло.

На заднем сиденье Клер играла роль человеческого эквивалента нейтральной Швейцарии между воюющими нациями Шейна и Моника, которые, соответственно, сидели у окон. Обстановка была напряженная, все молчали.

На западе солнце опускалось во всей своей красе; в обычных обстоятельствах это превращало Морганвилль в удобный для вампиров город. Сегодня дело обстояло иначе, что становилось все очевиднее по мере того, как, оставляя позади район заброшенных складов, Ева приближалась к Вамптауну.

Сейчас на улицах было полно людей — и это на закате!

Разъяренных людей.

В одном месте они проехали мимо группы, собравшейся вокруг мужчины, который стоял на деревянном ящике и что-то выкрикивал в толпу. Рядом с ним лежала груда деревянных колов, и люди расхватывали их.

— Да, выглядит не очень-то приятно, — заметила Ева.

— И это все? — Моника пригнулась, чтобы ее не заметили. — Они пытались убить меня. А ведь я даже не вампир!

— Да, но ты есть ты, и это все объясняет. — Ева поехала медленнее. — Много машин.

¹⁹ «Куин Мэри» — трансатлантический лайнер; Анна шутливо называет так машину Евы.

Много машин? В Морганвилле? Клер наклонилась вперед и насчитала на улице впереди по крайней мере шесть автомобилей. Первый свернул в сторону, преграждая дорогу второму — большому фургону; он попытался дать задний ход, но ему помешал третий автомобиль.

Вампирский фургон с затененными стеклами оказался в ловушке. Старыми, разбитыми седанами, преградившими ему дорогу, управляли люди.

— Это машина Лекса Перри — та, что свернула в сторону, — сказала Анна, — а в третьей, по-моему, братья Нунелли. Собутельники Сола Манетти.

— Сол — этот тот подстрекатель?

— Ага.

Теперь люди со всех сторон окружили фургон, толкали его, раскачивали из стороны в сторону.

В машине Евы никто не проронил ни слова.

Фургон раскачивался все сильнее. Колеса начали вращаться — фургон попытался отъехать, но опрокинулся и беспомощно упал набок. Толпа с ревом забралась на него и принялась бить стекла.

— Нужно что-то делать, — сказала Клер.

— Да? Что именно? — спросила Анна.

— Позвонить в полицию?

Вот только полиция уже была здесь, даже две машины, но и полицейские не могли ничему помешать. Фактически они выглядели так, будто не хотели и пытаться.

— Поехали, — сказал Шейн, — Мы здесь ничего сделать не можем.

Ева молча дала задний ход.

Клер встрепенулась.

— Что ты делаешь? Не можем же мы просто бросить...

— Оглянись по сторонам, — мрачно заметила Ева, — Если кто-нибудь из них заметит в нашей машине наследницу Моррелла, с нами будет то же самое. И если мы кинемся защищать ее, то станем в их глазах предателями, а на тебе еще и браслет Основателя. Нельзя так рисковать.

Клер откинулась на сиденье. Ева, энергично вращая руль, выехала на другую, свободную для проезда улицу.

— Что происходит? — страдальчески сведя брови, спросила Моника, — Что творится в нашем городе?

— Франция. — Клер припомнила рассуждения бабушки Дэй. — Добро пожаловать, революция!

Ева вела машину через лабиринт улиц. В домах мерцали огни, некоторые уличные фонари тоже светились. Машины — а сегодня их было на диво много — включали фары и сигналили, как если бы местная школа выиграла крупный футбольный матч.

В городе как будто происходила всеобщая шумная вечеринка.

— Хочу домой, — приглушенно пробормотала Моника. — Пожалуйста.

Глянув на нее в зеркало заднего обзора, Ева кивнула, но, едва оказавшись на улице, где стоял дом Морреллов, резко затормозила и дала задний ход.

Дом Морреллов выглядел так, будто там проходила еще одна знаменитая, неконтролируемая вечеринка Моника. Только на этот раз она и впрямь была неконтролируемой, а незваные гости... Они пришли сюда явно не ради дармовой выпивки.

— Что они делают? — спросила Моника и приглушенно вскрикнула при виде двух мужчин, вытаскивающих через переднюю дверь большой плазменный телевизор. — Они украли его! Они воруют наши вещи!

Многое уже было разграблено — матрасы, мебель, предметы искусства. Из окон верхних этажей прямо в руки стоящих на земле людей вышвыривали постельное белье и одежду.

А потом прибежал кто-то с бутылкой спирта, горячей тряпкой в руках и бросил все это в окно дома.

Пламя занялось, быстро разгорелось и начало набирать силу.

— Нет!

Тяжело дыша, Моника начала дергать ручку, но Ева заперла дверцу, а Клер схватила Моника за руку, удерживая ее.

— Уезжай отсюда! — закричала она.

— Там могут быть мои родители!

— Нет! Ричард сказал, что они в ратуше.

Моника продолжала вырываться, даже когда они уже отъехали от горящего дома, а потом внезапно прекратила.

И заплакала. Клер хотелось привычно подумать: «Прекрасно, ты заслуживаешь и это», но почему-то быть уж совсем бездушной у нее не получалось.

А вот у Шейна вполне.

— У всего есть своя хорошая сторона, заметь, — сказал он. — По крайней мере, твоя младшая сестренка не внутри.

Моника на мгновение смолкла, но потом снова разрыдалась.

К тому времени, когда они свернули на Лот-стрит, она сумела справиться с собой, дрожащими руками вытерла лицо и попросила бумажный носовой платок, который Ева достала из отделения для перчаток.

— Что скажешь? — спросила Ева Шейна.

На их улице вроде бы все было спокойно.

В большинстве домов — в том числе и в Стеклянном доме — горел свет. Правда, люди на улице были, но они просто разговаривали, не собираясь толпами.

— На вид неплохо. Двигаем внутрь.

Было решено, что Моника пойдет в середине и Анна будет прикрывать ее. Сначала из машины выскочила Ева, промчалась к передней двери и отперла ее.

Пока все шли к дому, никто не обращал на них внимания и тем более не показывал пальцем на Моника; правда, сейчас она походила на кого угодно, только не на саму себя. Скорее, на собственного бездарного подражателя; может, даже мужского пола.

Поделись Клер этим наблюдением с Шейном, он живот надорвал бы от смеха. На Монике, однако, лица не было, припухшие глаза покраснели, и Клер воздержалась от замечаний.

Когда Шейн захлопнул и запер за ними дверь, Клер почувствовала, что дом вокруг ожил, почти ощутимо излучая дружелюбное тепло. В тот же момент в гостиной послышались восклицания — видимо, люди там тоже что-то почувствовали. Дом действительно среагировал, и среагировал очень мощно на возвращение трех из четырех своих постоянных обитателей.

Клер погладила стену и поцеловала ее.

— Я тоже рада тебя видеть, — прошептала она, прижимаясь щекой к гладкой деревянной поверхности.

И возникло чувство, будто дому это приятно.

— Чудачка, это же дом, — произнес у нее за спиной Шейн, — Лучше приголубь того, кому это безразлично.

Так Клер и поступила, бросившись в его объятия. Чувство возникло такое, будто он никогда, ни за что, даже на секунду не отпустит ее; он поднял Клер, на одно долгое, бесценное мгновение прижался головой к ее плечу и осторожно поставил на пол.

— Давай посмотрим, кто здесь — Он очень нежно поцеловал ее, — Удовольствия отложим на потом, идет?

Не отпуская его руку, Клер пошла в гостиную, где было полно людей.

Не вампиров.

Просто людей.

Некоторых она знала, по крайней мере в лицо — встречала в городе: хозяин музыкального магазина, где работал Майкл; две медсестры из больницы, в яркой медицинской форме и удобных туфлях. Остальные были ей незнакомы. Однако всех объединяло одно — страх.

Женщина в возрасте схватила Клер за плечи и обняла.

— Слава богу, ты здесь!

Удивившись, Клер спросила Шейна взглядом: «Что за черт?» В ответ он лишь беспомощно пожал плечами.

— Этот проклятый дом: не желает ничего для нас делать, — пожаловалась женщина, — Свет не включается, двери не открываются, продукты в холодильнике портятся. Как будто он хочет выжить нас отсюда!

Скорее всего, так оно и было. Вообще-то дом в любой момент мог выставить их вон, но, видимо, испытывал сомнения относительно того, одобряют ли это его постоянные обитатели; ну и просто сделал жизнь незваных гостей не слишком приятной.

Система вентиляции заработала, разгоняя душный воздух, наверху захлопали двери, повсюду зажегся свет.

— Привет, Селия! — сказал Шейн, когда женщина отпустила Клер. — Что привело вас сюда? Мне казалось, ваша «Пивная» сегодня ночью может сделать хороший бизнес.

— Ну, так оно и было бы, вот только какие-то психи ввалились туда и заявили, что раз я ношу браслет, то должна обслуживать их бесплатно, ведь я, типа, сочувствующая. «В каком смысле сочувствующая?» — спросила я, и один из них попытался ударить меня.

Шейн вскинул брови.

— И что вы сделали?

— Прибегла к суду Линча. — Селия вскинула стоящую у стены бейсбольную битую старого типа, из любовно отполированного твердого дерева. — Ну и побегать пришлось. Однако я решила не оставаться там, дожидаясь новых приключений. Эти парни способны прикончить все мои запасы, сделать так, что я сама захочу сорвать с себя браслет. Где эти чертовы вампиры, когда они нужны, хотела бы я знать?

— Вы не стали бы снимать браслет? Даже если бы у вас появился такой шанс? — удивленно спросил Шейн.

Селия вперила в него сердитый взгляд.

— Нет, не сняла бы. Я не нарушаю данного слова, если меня к этому не вынуждают. А сейчас меня к этому не вынуждают.

— Если вы снимете его сейчас, вам, может, никогда больше не придется надевать его.

Селия ткнула в Шейна морщинистым пальцем.

— Послушай, Коллинз, я все знаю о тебе и твоём отце — и не одобряю этого. Морганвилль — нормальный город. Следуй правилам, и у тебя не будет неприятностей... как и в любом другом городе, надо полагать. Люди захотели хаоса — и получили его: нападения, разбой, магазины разграблены, дома горят. Конечно, рано или поздно все успокоится, но что будет потом? Вполне вероятно, я уже не захочу жить в этом городе.

Повесив на плечо бейсбольную битую, она повернулась и отошла к группе людей своего возраста.

Шейн поймал взгляд Клер, пожал плечами и вздохнул.

— Да, понимаю, в ее словах есть смысл. Но откуда нам знать? Может, станет лучше, если вампы просто...

— Просто что, Шейн? Умрут? И Майкл тоже? Или ты о нем и не вспомнил? И Сэм?

Она повернулась, собираясь уйти.

— Куда ты?

— За кока-колой!

— Ты не собираешься...

— Нет.

Она достала кока-колу из холодильника, который снова оказался полон. А ведь этого не было, когда они уходили. Наверное, еще одна любезность дома, хотя она понятия не имела, как он мог самостоятельно совершать покупки.

Холодная, сладкая кола! Это было ужасно приятно. Странно, однако, что энергии не прибавилось; напротив, напившись, Клер ощутила легкую слабость. Села в кресло у кухонного стола и положила голову на руки, внезапно почувствовав себя совсем разбитой.

Все разваливалось, вот в чем дело.

Амелия призывает вампиров; значит, собирается сражаться с Бишопом не на жизнь, а на смерть. Морганвилль распадается на части. И она ничего не может с этим поделать.

Ну, кое-что может.

Она достала и открыла еще четыре бутылки колы, после чего отнесла их Анне, Еве, Шейну и... Монике; не могла Клер обойти ее в такие времена.

Моника уставилась на бутылку с таким видом, словно подозревала, что Клер бросила туда яд.

— Что это?

— А ты как думаешь? Бери или нет, мне вообще-то все равно.

Клер поставила бутылку на стол рядом с Моникой, уселась на кушетку рядом с Шейном и проверила свой сотовый. Сеть снова оживила, и в телефоне обнаружилась целая куча голосовых сообщений. В основном от Шейна, их она отложила на потом; два от Евы — инструкции, где ее искать; их она стерла.

Последнее было от матери. Клер почувствовала, как при звуке маминого голоса перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. Мать говорила спокойно... в основном.

«Клер, дорогая, я беспокоюсь, хотя знаю, что не должна бы. Милая, позвони нам. Я слышала, в городе творятся ужасные вещи — драки и грабежи. Если в ближайшее время ты не свяжешься с нами... не знаю, что мы будем делать, но твой папа просто сходит с ума. Поэтому, пожалуйста, позвони. Мы любим тебя, дорогая. Пока».

Понимая, что ее голос должен звучать спокойно, Клер с трудом восстановила дыхание и позвонила родителям. Во всяком случае, когда мать ответила, Клер сумела сказать (и это не прозвучало так, будто она вот-вот расплачется):

— Привет, мама. Я получила твоё сообщение. Как у вас там, все в порядке?

— Здесь? Клер, о нас можешь не беспокоиться! Все хорошо! Ох, дорогая, ты-то как? На самом деле.

— Я тоже в порядке, честно. И всё... — Нет, она не могла заставить себя сказать, что всё здесь хорошо, поскольку это было далеко не так; в лучшем случае временное затишье. — Здесь спокойно. Шейн тоже здесь и Ева. — Клер вспомнила, как нравилась маме Моника Моррелл, и закатила глаза. Все, что угодно, лишь бы успокоить маму. — Эта девушка из общежития, Моника, она тоже здесь.

— А, Моника. Она мне нравится. — Вроде бы помогло! Ну, мама всегда не слишком хорошо разбиралась в людях, — Ее брат заезжал сюда примерно час назад, проверял, как мы. Приятный мальчик.

Клер с трудом воспринимала Ричарда Моррелла как мальчика, но... стоило ли говорить об этом?

— Он сейчас вроде как отвечает за весь город. У вас есть рация? Та, которую мы завезли раньше?

— Да. Мы, конечно, делаем все, что они говорят. Но, милая, мне хотелось бы, чтобы ты была с нами.

— Знаю. Знаю, мама. Но, думаю, лучше мне оставаться здесь. Это важно. Я попытаюсь заглянуть к вам завтра, хорошо?

Они еще немного поговорили, так, ни о чем особенно, просто поболтали — чтобы сохранить иллюзию нормальной жизни, хотя бы на какое-то время. Мама держалась, но едва-едва; Клер слышала паническую дрожь в ее голосе, почти видела блестящие слезы в глазах. Она рассказала, что им пришлось перенести большую часть коробок в подвал, освобождая место для компании — для компании? — и что она боится, как бы вещи Клер не отсырели, и потом она заговорила обо всех этих игрушках в коробках и о том, как Клер любила их, когда была маленькой.

Нормальная материнская чепуха.

Клер не прерывала ее, только успокаивающе поддакивала, когда мама делала паузу. Это помогло — слышать мамин голос. В конце, однако, у матери, похоже, кончился завод, как в часах, и Клер без единого слова возражения выслушала мамини требования быть осторожной и носить теплую одежду.

Прощальное «пока» прозвучало как-то почти... фатально, и, разъединившись, Клер несколько минут посидела в молчании, глядя на экран телефона.

Чисто импульсивно она попыталась связаться с Амелией. Телефон звонил и звонил, но автоответчик не сработал.

В гостиной Шейн организовывал что-то вроде посменного караула. Многие уже заснули на грудах подушек и одеял, а то и просто на ковре. Обойдя спящих, Клер знаком показала Шейну, что идет наверх. Он кивнул и проводил ее взглядом, продолжая разговаривать с двумя мужчинами.

На двери спальни Евы висела записка: «Не стучать, или я убью тебя. Это тебя касается, Шейн». Клер ужасно захотелось постучать, но она слишком устала, чтобы пускаться наутек.

В ее спальне было темно. Когда она уходила утром, на постели лежала Евина вроде как подружка Миранда, но сейчас она исчезла, и постель снова была аккуратно заправлена. Клер села на край, посмотрела в окно. Потом поднялась, достала из шкафа чистое белье, последние голубые джинсы и облегающую черную рубашку, которую Ева дала ей поносить на прошлой неделе.

Душ... это был просто рай! Как ни странно, даже горячей воды хватило, и можно было постоять под ласкающими струями подольше. Наконец Клер вытерлась, слегка подсушила волосы, оделась. Выйдя, она прислушалась, но голос Шейна снизу не доносился. Либо он говорил очень тихо, либо отправился спать. Она остановилась у его двери, жалея, что не хватает мужества постучать, и... пошла к себе.

Шейн сидел на ее постели. При виде ее он вскинул голову, открыл рот, но заговорил не сразу.

— Я должен уйти, — сказал он в конце концов, но не встал.

Клер опустилась рядом с ним. Все выглядело в высшей степени прилично — они сидят рядом, полностью одетые; но почему-то возникло чувство, будто они на краю пропасти и обоим угрожает опасность свалиться туда.

— Расскажи, что произошло сегодня, — попросила она, — Я имею в виду передвижную станцию.

— Ничего особенного. Мы проехали через весь город и припарковались сразу за его границей, откуда могли видеть любого приближающегося. Двое вампов попытались сбежать, но мы отправили их сначала упаковать вещички. Бишоп так и не появился. Когда связь отрубилась, мы решили объехать город и посмотреть, что происходит. Нас едва не окружила шайка пьяных идиотов в пикапах, но тут вампы в передвижной станции словно взбесились — под воздействием этого призыва, надо полагать. Я высадил их около элеватора... ничего больше и темнее не нашел. К тому же он отбрасывал густую тень. После этого за руль сел Цезарь Меркадо. Ночью он собирался сгонять в Мидленд²⁰ — поскольку барьеры больше не действуют. В общем, делали что могли.

— А что с книгой? Ты оставил ее в машине?

В ответ Шейн достал из-за пояса маленький том в кожаном переплете. Амелия поставила на него замок вроде тех, что бывают на дневниках. Клер попыталась надавить на защелку, но, конечно, безрезультатно.

— Думаешь, это не та книга? — спросил Шейн.

— Скорее всего, нет.

Она попыталась раздвинуть страницы и разглядеть шрифт. Удалось увидеть лишь, что книга рукописная и бумага выглядит относительно старой. Странно. Понюхав ее, Клер почувствовала запах химикалий.

Ее действия вызывали у Шейна одновременно и неприятие, и восхищение.

— Что ты делаешь?

— Думаю, бумагу реставрировали, — ответила она, — Как обычно поступают с дорогими старыми книгами и рукописями. Иногда с комиксами. Покрывают бумагу химическим составом, замедляющим процесс старения и возвращающим ей белый цвет.

— Я потрясен, — соврал Шейн. — Дай-ка сюда.

Он выдернул книгу из ее рук и положил на другую сторону кровати. И обнял Клер. Их тела сплелись, и каким-то образом оказалось, что он распростерся на постели, а она растянулась на нем, так неуклюже, что даже начала соскальзывать, но он удержал ее.

— Ох! Мы не должны... — промурлыкала она.

— Это точно.

— Тогда ты должен...

— Да, должен.

Однако никто из них не двинулся с места. Они просто глядели друг на друга, а потом, очень медленно, она опустила голову, и их губы слились.

Теплый, сладкий, восхитительный поцелуй длился, казалось, целую вечность, но в то же время закончился слишком быстро. Руки Шейна заскользили вдоль ее боков и по спине, обхватили влажные волосы, и последовал новый, еще более глубокий и многообещающий поцелуй.

— Все, стоп-сигнал, — пробормотал он, но не отпустил ее.

Их бедра разделяло не больше половины дюйма. Клер ощущала, как напряженно дрожит от возбуждения ее тело, пульс громко бился в запястьях и висках, откуда-то изнутри разливалось тепло, похожее на свет.

— Все в порядке, — сказала она. — Клянусь. Поверь мне.

²⁰ Мидленд — город на западе штата Техас.

— Эй, разве не я должен это решать?

— Теперь нет.

Эти поцелуи были наградой после долгого, трудного, ужасающего дня борьбы за выживание. Тепло Шейна обволакивало Клер; казалось, она на лунном луче медленно уплывает в небеса. Она скинула туфли и, не раздеваясь, забралась под одеяло. Шейн заколебался.

— Поверь мне, — повторила она, — И можешь не снимать одежду.

Они уже бывали в такой ситуации, но сейчас она почему-то казалась более... интимной. Клер прижалась к Шейну под одеялом, и он обнял ее. Мгновенное ощущение жара.

Чувствуя дыхание Шейна на затылке, она попыталась сосредоточиться на своих добрых намерениях, но тут его губы заскользили по ее коже.

— Знаешь, ты убиваешь меня, — пробормотал он.

— Ничего подобного.

— В этом отношении ты должна доверять мне, — Он вздохнул, и по ее телу пробежала дрожь, — До сих пор не верю, что ты притащила сюда Монику.

— Ох, перестань! Ты и сам не бросил бы ее там, совсем одну. Я хорошо знаю тебя. Даже такая скверная, какая она есть...

— Сатанинская инкарнация зла?

— Пусть так, но я не представляю, чтобы ты бросил ее на растерзание... им, — Клер повернулась лицом к нему, отчего одеяло сбилось.

— Что дальше с нами будет, знаешь?

— Я похожа на чокнутую Миранду с ее предсказаниями? Нет, не знаю. Мне известно одно: когда мы встанем завтра утром, вампиры либо вернутся, либо нет. И тогда нам придется решать, что делать дальше.

— Может, ничего не станем делать. Просто подождем.

— И еще я кое-что понял, Клер: нельзя даже на день задерживаться в одном месте. Нужно все время перемещаться — в правильном направлении или нет, не важно. Главное — двигаться. Все меняется каждое мгновение.

Она внимательно взгляделась в его лицо.

— Твой папа сейчас здесь?

Он состроил гримасу.

— Честно? Понятия не имею, но... Я бы не удивился. Он уже наверняка вычислил, что сейчас самое время вернуться в город и захватить власть. И этот парень Манетти ведет себя так, будто за всеми его действиями стоит отец.

— Но если он захватит власть, что будет с Майклом? С Мирнином? С любым другим вампиром в городе?

— Неужели тебе нужно объяснять?

Клер покачала головой.

— Он прикажет людям убить всех вампиров, а потом займется Морреллами и теми, кто, по его представлениям, в ответе за случившееся с твоими родными. Правильно?

Шейн вздохнул.

— Скорее всего.

— И ты все это допустишь.

— Я этого не говорил.

— Но и обратного тоже не говорил. Только не надо уверять меня, как все сложно, потому что это не так. Либо ты отстаиваешь что-то, либо все принимаешь без сопротивления. Ты сам однажды сказал это — и был прав. — Клер удобнее устроилась в его объятиях, — Шейн, тогда ты все сделал правильно. Поступи так и сейчас.

Он провел пальцем по ее щеке, по губам, и в его глазах появилось такое выражение, какого она никогда прежде не видела.

— Во всем этом чокнутом городе ты единственная, кто всегда поступает правильно, на мой взгляд, — прошептал он. — Я люблю тебя, Клер. — Его лицо исказилось, но всего на мгновение. — Ушам своим не верю, что и впрямь говорю это, но так оно и есть. Я люблю тебя.

Он продолжал говорить, его губы шевелились, но единственное, что она слышала, что эхом отдавалось в сознании, словно звон огромного медного колокола, были слова «я люблю тебя».

Казалось, это признание и его самого застало врасплох — не в плохом смысле, нет; скорее, как если бы до этого мгновения он не отдавал себе отчета в собственных чувствах.

Ощущение было такое, словно она никогда на самом деле не видела его прежде, и он был прекрасен. Прекраснее любого мужчины, которого она когда-либо встречала за всю свою жизнь.

Она остановила поток его слов поцелуем. Точнее, поцелуями. Очень долгими. И когда он наконец отодвинулся от нее — не слишком далеко, — в его взгляде светилось всепоглощающее неудовлетворенное желание.

И Клер это нравилось.

— Я люблю тебя, — повторил он и поцеловал Клер таким долгим поцелуем, что у нее перехватило дыхание.

В этом поцелуе было больше, чем когда-либо, и страсти, и настойчивости, и... всего. Как будто прилив подхватил ее и уносил прочь; она подумала, что это было бы прекрасно — если бы она никогда больше не коснулась берега, если бы так и плавала бесконечно в этой красоте, если бы даже утонула в ней.

«Стоп-сигнал! — пронеслось в ее сознании. — Остановись! Стоп-сигнал! Что ты делаешь?»

И ей немедленно захотелось заглушить этот внутренний голос.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала она дрожащим голосом и прижала к его груди дрожащие руки. Его мышцы были напряжены под мягкой тенниской, грудь вздымалась и опускалась в такт дыханию, — Я готова на все ради тебя.

Она рассчитывала, что эти слова послужат для него стимулом, однако они, напротив, пробудили в нем разум. Он удивленно уставился на нее.

— На все, да. — Он крепко зажмурился, — Я въехал. Это плохая идея, Клер. Очень, очень плохая.

— Сегодня? — Она нервно рассмеялась, — Когда все сходят с ума? Почему бы и нам... тоже? Всего раз.

— Потому что я дал обещание. — Он обнял ее, притянул к себе, и она почувствовала, как мучительно сотрясается его тело. — Твоим родителям, себе, Майклу. Тебе, Клер. Я не могу нарушить слово — больше у меня нет ничего.

— Но... что, если...

— Не надо об этом, — прошептал он ей на ухо. — Пожалуйста, не надо. И без того нелегко.

Он снова поцеловал ее, но в этом поцелуе, долгим и нежным, ощущался привкус слез. Привкус в некотором роде прощания.

— Я правда люблю тебя, — Он смахнул с ее щек влагу, — Но этого я не могу.

Не успела она остановить его, как он вскочил, сунул ноги в туфли и быстро устремился к двери. Она села, прижимая одеяло к груди, как будто была обнажена. Он взялся за дверную ручку.

— Пожалуйста, останься, Шейн!

Он покачал головой.

— Если я останусь, может произойти все, что угодно. Ты понимаешь это, я понимаю это, и мы не должны. Знаю, все разваливается, но... — Он сделал глубокий, мучительный вдох, — Нет.

Звук закрывшейся за ним двери пронзил ее, словно удар ножа.

Клер рухнула на постель, огорченно обнимая пахнущую Шейном подушку, ерзая в поисках места, согретого его телом, думая, что сейчас расплачется и будет плакать, плакать, пока не уснет.

И потом ей припомнилось то чудесное выражение в его глазах, когда он сказал: «Я люблю тебя».

Нет, сейчас не время плакать.

В конце концов она заснула с непривычным ощущением безопасности.

10

На следующий день никаких признаков вампиров не обнаружилось. Клер проверила сеть порталов, но, насколько она могла судить, они не работали. Чтобы чем-то занять руки, она помогала приводить в порядок дом — чистила, расставляла все по местам, была на посылках. Пришел Ричард

Моррелл — проверить, как они. Он, видимо, поспал и выглядел немного лучше, хотя нельзя сказать, что очень хорошо.

Ева тоже спустилась вниз; вот она выглядела скверно. Никакого готического макияжа, черные волосы растрепаны. Она налила Ричарду кофе и спросила:

— Как Майкл?

Не глядя на нее, Ричард подул на горячую поверхность кофе.

— Он в ратуше. Мы перевели туда всех вампиров из камер, для большей безопасности.

Лицо Евы исказила гримаса боли. Шейн положил ей на плечо руку, она сделала глубокий вдох и справилась с собой.

— Правильно, так, наверное, лучше, — сказала она и отпила из своей надколотой кружки. — Что там творится?

«Там» означало за пределами Лот-стрит, которая выглядела неестественно спокойной.

— Ничего хорошего. — Голос Ричарда звучал слабо и хрипло, как будто он много кричал. — Примерно половина магазинов закрыты, некоторые из них сожжены или разграблены. Полицейские и волонтеры не в состоянии уследить за всем. Некоторые владельцы магазинов раздобыли оружие и охраняют себя сами. Я не в восторге, но, наверное, это лучший выход, пока все не успокоится и не образуются. Проблемы не повсеместно, но пострадала значительная часть города. Слышали, что напали на «Пивную»?

— Слышали, — ответил Шейн.

— Ну, это было только начало. В заведение Долорес Томпсон тоже ворвались, а потом отправились в район складов и нашли там спиртное. У тех, кто хотел воспользоваться беспорядками, чтобы надраться, получился настоящий праздник.

— Мы видели толпы, — сказала Ева и посмотрела на Клер. — Мм... кстати, насчет вашей сестры...

— Да, спасибо, что позаботились о ней. Подумать только! Моя идиотка сестра разъезжала по охваченному мятежом городу в своей красной машине с откидным верхом! Чертовски повезло, что ее вообще не прикончили.

Да уж, они так и сделали бы, не сомневалась Клер.

— Вы заберете ее с собой?

Ричард понимающе улыбнулся.

— Не очень-то желанная гостья?

На самом деле Моника вела себя на редкость тихо. Клер обнаружила ее крепко спящей на кушетке, где она свернулась калачиком, накрывшись одеялом. Бледная, измученная, покрытая синяками и ужасно юная.

— Да нет, ничего, — ответила Клер. — Но, спорю, она бы предпочла быть с родными.

— Ее родные практически в заключении в даунтауне. Папу чуть не захватила шайка вопящих о налогах мужланов. Мама... — Ричард покачал головой, как бы отгоняя всплывшие в сознании картинки. — Не важно. Не думаю, что Моника будет так уж счастлива — если только не любит сидеть взаперти в четырех стенах. А ты знаешь Моника: если она несчастлива, то...

— И все остальные несчастливы, — закончил за него Шейн. — В общем, я не хочу видеть ее тут. Извини, дружище, но мы выполнили свой долг и все такое. Что касается большего — она должна быть нашим другом, чтобы оставаться здесь. Кем, ты знаешь, она не является.

— Тогда я сниму с вас эту заботу, — Ричард поставил чашку и встал. — Спасибо за кофе. Похоже, только оно сейчас держит меня на плаву.

— Ричард... — Ева тоже поднялась. — Seriously, что там происходит? И что будет дальше?

— Если повезет, пьяные протрезвеют или загнутся, а у тех, кто бегают, выискивая, кому бы отомстить, заболят ноги, и они отправятся домой спать.

— Нельзя сказать, что до сих пор нам так уж везло, — заметил Шейн.

— Верно, — согласился Ричард. — Но должен сказать, мы не можем допустить, чтобы все тут замерло надолго. Люди должны работать, школы должны открыться, а для этого требуется подобие нормальной жизни. Электричество и вода уже подаются, телевидение и радио вещают. Надеюсь, это успокоит людей. Город патрулируют полицейские, и буквально через две минуты мы можем прибыть по любому вызову. Правда, нам стало известно, что сегодня ночью ожидается серьезное ухудшение погоды.

На нас надвигается внушительный атмосферный фронт. Ничего хорошего, естественно, но, может, хоть это охладит безумные головы. Даже мятежники не любят дождя.

— А университет? — спросила Клер. — Он открылся?

— Веришь ли? Открылся, и даже читают лекции. Мы списали беспорядки на военные учения и сказали, что грабежи и пожары вроде как тоже из этого проистекают. Кое-кто даже поверил нам.

— Но... никаких разговоров о вампирах?

Ричард помолчал.

— Нет. Вот только...

— Что?

— Мы нашли перед рассветом несколько тел, — ответил он. — Все вампы. Все убиты с помощью серебра или обезглавлены. Я знаю некоторых из них. Дело в том, что, по-моему, их убил не Бишоп. Похоже, их поймала толпа.

Ева прикрыла рукой рот.

— Кто? — спросила Клер, с трудом переводя дыхание.

— Бернард Темпл, Салли Кристиан, Тен Ма и Чарльз Эффордс.

— Что, Чарльз Эффордс? — выпалила Ева, — Чарльз Миранды? Ее покровитель?

— Да. Судя по состоянию тел, он был главной целью. Никто не любит педофилов.

— Никто, кроме Миранды, — поправила его Ева. — Сейчас она, наверное, напугана до смерти.

— Да, кстати... — Ричард на мгновение заколебался, — Миранда пропала.

— Пропала?

— Ну, исчезла. Мы ищем ее. Родители заявили о ее исчезновении в начале этой ночи. Надеюсь, она была не с Чарльзом, когда толпа поймала его. Если увидишь ее, позвони мне, ладно?

Ева открыла рот, но не сумела произнести даже «да».

Ричард взглянул на часы.

— Пора идти. Обычные меры предосторожности: запирайте двери, проверяйте документы у всех, кого не ожидаете. Если с вами свяжется любой вампир или вы услышите что-нибудь о вампирах, немедленно звоните мне. Используйте рацию, не телефон. И будьте осторожны.

Ева нервно кивнула.

— Можно мне повидаться с Майклом?

Он помолчал, как будто переваривая эту идею, а потом пожал плечами.

— Поехали.

— Мы все поедem, — сказал Шейн.

Полицейская машина была, без сомнения, вместительная, но все же не в той мере, чтобы там с удобством разместились Ричард, Моника, Ева, Шейн и Клер. Моника села впереди, поближе к брату, Клер втиснулась рядом с ней. Остальные ехали сзади.

Никто не разговаривал, даже когда проезжали мимо развалин сгоревших, разрушенных домов. Сегодня пожаров не было, как и толп. Казалось, все спокойно.

Проехав через полицейское ограждение вокруг ратуши, Ричард припарковался в подземном гараже.

— Я отведу Моника к родителям, — сказал он, — а вы, ребята, спускайтесь к камерам. Я приду через минуту.

На то, чтобы получить доступ к Майклу, у них ушло гораздо больше минуты. Всех пятерых вампиров, находящихся под опекой людей, разместили в специальной секции, вдали от солнечного света, в укрепленных камерах. Это оживило в сознании Клер отнюдь не приятное воспоминание — о вампирах в камерах, среди которых обычно запирали Мирнина. Интересно, кто-нибудь кормил их? Хотя бы предпринял попытку сделать это?

Она знала только двух вампиров из пяти.

— Сэм!

Она кинулась к решетке. Дед Майкла лежал на койке, прикрыв бледной рукой глаза, но сел, услышав, что его окликают по имени. Сходство Майкла и Сэма бросалось в глаза — одинаковое костное строение лица, только волосы у Майкла золотистые, а у Сэма ярко-рыжие.

— Выпусти меня отсюда! — воскликнул Сэм, кинулся к двери и с неожиданной силой затряс решетку. Клер попятилась, удивленно открыв рот, — Отопри дверь и выпусти меня, Клер! Немедленно!

— Не слушай его, — сказал Майкл. Он стоял в своей камере, прислонившись к прутьям решетки, и выглядел усталым, — Привет, ребята! Вы принесли узнику чего-нибудь перекусить?

— У меня был маленький кекс, но я его съел. Трудные времена, парень.

Шейн просунул между прутьями руку, Майкл торжественно пожал ее, и потом Ева грудью бросилась на решетку, стараясь обнять его. Это было не так-то просто, учитывая, что их разделяли металлические прутья, но по лицу Майкла разлилось выражение огромного облегчения. Он поцеловал Еву, и Клер отвела взгляд — это было очень личное.

Сэм снова затряс свою клетку.

— Клер, отопри дверь! Мне нужно к Амелии!

Полицейский, сопровождавший их в подвал, отошел от стены.

— Успокойтесь, мистер Гласс. Вы отсюда не выйдете и знаете это, — Он перевел взгляд на Шейна и Клер, — Он с самого начала так себя ведет. Нам дважды пришлось колотить ему транквилизаторы — он поранился, пытаясь выбраться из камеры. Ведет себя хуже всех остальных. Те, похоже, успокоились, но не он.

Да, Сэм определенно не успокоился. Прямо у них на глазах он напряг мышцы и попытался сломать замок, но потерпел неудачу и, тяжело дыша, снова рухнул на койку.

— Мне необходимо выйти, — бормотал он, — Пожалуйста! Я нужен ей. Амелия...

Клер перевела взгляд на Майкла, тоже выглядевшего расстроенным.

— Мм... Прости, что спрашиваю, но... Ты испытываешь то же, что Сэм?

— Нет, — ответил Майкл. — Какое-то время действовал этот... призыв, но вот уже примерно три часа, как его нет.

— Тогда почему Сэм...

— Тут дело не в призыве, — ответил Майкл, — Это же Сэм. Его убивает мысль, что Амелия попала в беду, а он не может помочь ей.

Сэм с несчастным видом лежал, подложив руки под голову.

— Сэм, что происходит? — спросила Клер, — Вы знаете?

— Люди умирают, вот что происходит. У Амелии серьезные неприятности, а я сижу здесь, сложа руки!

Он снова кинулся на решетку, с такой силой колотя по ней ногой, что металл зазвенел.

— Вам нельзя наружу, неужели не понимаете? — с укором сказал полицейский, — Там солнце светит. Много будет пользы и ей, и вам, если сейчас выпустить вас отсюда?

— Я мог уйти еще несколько часов назад, до рассвета! — взорвался Сэм, — Несколько часов назад!

— Ну а теперь придется подождать до темноты.

Сэм злобно оскалился на полицейского, его глаза вспыхнули алым. Все невольно попятилось.

Успокоившись, Сэм вернулся к своей койке, лег на нее и повернулся спиной к решетке.

— Он немного не в себе, — пробормотал Шейн.

По словам полицейского — и Ричарда, когда он спустился в подвал, — поначалу все плененные вампиры тоже бесновались. Теперь в таком состоянии пребывал лишь Сэм, и, как заметил Майкл, дело тут не в призыве Амелии. Его снедал страх за королеву.

Им двигала любовь.

— Отойди, пожалуйста, — сказал полицейский Еве.

Она оглянулась на него, посмотрела на Майкла. Он поцеловал ее и отпустил. Она сделала шаг назад... совсем крошечный.

— Ты правда нормально себя чувствуешь?

— Правда. Это, ясное дело, не отель «Риц», но не так уж плохо. Я понимаю — нас держат здесь ради нашей же пользы, — Майкл протянул руку и пальцем провел по губам Евы, — Скоро вернусь.

— Хорошо бы, — Она сделала вид, что кусает его палец. — А то я ведь могу и другого парня завести, знаешь ли.

— Тогда я смогу сдать твою комнату.

— А я смогу продать твою игровую приставку на интернет-аукционе.

— Эй! — запротестовал Шейн. — По-моему, ты немного увлеклась!

— Ничего я не увлеклась! Возвращайся домой, Майкл, а не то там начнется сущий хаос. Собаки и кошки не могут жить вместе, — Ева понизила голос, — И я скучаю по тебе. Все время.

— Я тоже скучаю по тебе. — Майкл поднял взгляд на Шейна и Клер. — В смысле, скучаю по всем вам.

— Не сомневаюсь, — ответил Шейн. — Правда, надеюсь, не в том смысле.

— Заткнись, чувак. Не вынуждай меня выйти отсюда.

Шейн посмотрел на полицейского.

— Видите? Он в порядке.

— Меня больше беспокоите вы, ребята, — признался Майкл, — Как там дома, все хорошо?

— Мне придется сжечь блузку, которую надевала Моника, — ответила Клер, — В остальном все нормально.

Они попытались продолжить разговор в том же легком тоне, но каким-то образом этому мешала обращенная к ним, словно излучающая немой укор спина Сэма. Он действительно страдал, и Клер не знала, как облегчить его боль. Не выпускать же его под палящие лучи полуденного солнца? Она понятия не имела, где Амелия и даже откуда начинать ее поиски — учитывая, что порталы не работали.

Амелия собирала свою армию — тех, кем не успел завладеть Бишоп, — но что она рассчитывала делать с ней, оставалось только гадать.

В конце Клер просто обняла Майкла и попыталась утешить Сэма, сказав, что все уладится. И они ушли.

— Если днем они будут спокойными, вечером я их выпущу, — заметил Ричард, — Однако меня беспокоит перспектива того, что они будут бродить по городу на свой страх и риск. Случившееся с Чарльзом и остальными может повториться. Раньше больше всего мы опасались Капитана Откровенного, но теперь понятия не имеем, что затевается и кто правит бал. Вряд ли в такой ситуации вампиры в состоянии защитить себя.

— Мой отец сказал бы, что сейчас самое время поменяться ролями, — заметил Шейн.

Ричард вперил в него изучающий взгляд.

— Ты тоже так думаешь?

Шейн посмотрел на Майкла, на Сэма...

— Нет, — ответил он. — Уже нет.

День протекал спокойно. Клер попыталась засесть за учебники, но тревожные мысли продолжали кружиться в голове. Каждые несколько минут она проверяла электронную почту и сотовый телефон, надеясь получить от Амелии хоть какую-нибудь весточку.

«Вы не можете просто взять и бросить нас. Мы не знаем, что делать».

Разве что, как сказал Шейн, не оставаться долго на одном месте. Ситуация продолжала изменяться.

В середине дня Ева отвезла Клер в дом родителей, где они, угощаясь кексом с охлажденным чаем, выслушали нескончаемый поток радостных восклицаний матери Клер. Папа выглядел неважно, и, как всегда, Клер беспокоило его сердце. Это не помешало ему сказать, что он любит ее, и тревожится о ней, и очень хочет, чтобы она переехала к ним.

А она-то воображала, будто этот вопрос закрыт.

Клер и Ева посмотрели друг на друга.

— Может, поговорим об этом, когда ситуация нормализуется? — Как будто она когда-нибудь была нормальной в Морганвилле! — Скажем, на следующей неделе?

— Прекрасно, но учти, я не передумую, Клер, — ответил папа. — Тебе будет лучше здесь, дома.

Видимо, заклинание, которое мистер Бишоп наложил на него, по-прежнему действовало в полную силу. Папа стоял на своем: Клер должна покинуть Стекланный дом. И может, заклинание тут вообще ни при чем; может, это было проявлением нормального отцовского инстинкта.

Клер набила рот кексом, сделала вид, будто не слышит, и спросила маму о новых занавесках. Этого хватило еще на двадцать минут, а потом Ева извинилась, сказала, что им пора домой, и они вернулись в машину.

— Здорово! — Ева включила двигатель, — И что, ты собираешься переехать к ним?

Клер беспомощно пожала плечами.

— Не знаю. Не знаю даже, переживем ли мы этот день! Как можно в такой ситуации строить планы? — Она не собиралась ни о чем рассказывать, честно, не собиралась, но признание весь день бурлило внутри, и в конце концов Клер выпалила: — Шейн сказал, что любит меня.

Ева, которая уже отъехала, резко затормозила.

— Что-то сказал Шейн?

— Шейн сказал, что любит меня.

— Ладно, вот тебе первое впечатление — это фантастика, это прекрасно, — Ева сделала глубокий вдох и снова тронулась с места, вырывая на пустынную улицу, — Второе впечатление — ну, надеюсь, вы... гм... как бы это выразиться? Блюдете себя?

— Ты имеешь в виду, не занимались ли мы сексом? Нет, — с некоторым надрывом ответила Клер. — Хотя и хотели. В смысле, он дал обещание и не собирается нарушать его, даже если я говорю, что в этом нет ничего страшного.

— Ох! — Ева устремила на нее взгляд, слишком долгий с точки зрения безопасности на дороге, — Шутишь? Постой, ты не шутишь! Он сказал, что любит тебя, и потом сказал...

— «Нет». Он сказал «нет».

— Ох! — Поразительно, как много могло выражать это восклицание; сейчас в нем звучало сочувствие. — Знаешь, это делает его...

— Замечательным? Героем? Да, понимаю, просто я... — Клер вскинула руки. — Просто я хочу его, понимаешь?

— Через два месяца он по-прежнему будет здесь, Клер, а тебе исполнится семнадцать, и ты станешь взрослой, по крайней мере в Техасе.

— Похоже, ты обдумывала эту проблему.

Ева бросила на нее извиняющийся взгляд.

— Не я.

— Шейн? В смысле... В смысле, вы обсуждали это? С Шейном?

— Ему требовался девичий совет. Знаешь, он очень серьезно к этому относится... гораздо серьезнее, чем я ожидала. Он хочет поступить правильно. Здорово, правда? По-моему, здорово. Большинству парней просто плевать.

Клер с силой стиснула зубы.

— Просто не верю, что вы обсуждали это!

— Ну, ты же говоришь со мной об этом.

— Он парень!

— Парни временами тоже разговаривают, знаешь ли. И временами это больше, чем просто «передай пиво». — Ева свернула за угол, и они поехали мимо домов, мимо прогуливающих людей, мимо начальной школы с вывеской «Временно закрыто». — Вообще-то ты не просишь у меня совета, но я дам его тебе: не форсируй события. Это не похоже на случайное знакомство.

Клер, хотя и злилась, не могла удержаться от смеха.

— Сейчас это именно так и ощущается.

— Ну ясное дело. Гормоны!

— Сколько тебе было, когда...

— Слишком рано. Я говорю, основываясь на собственном опыте, попрыгунья. — На мгновение Ева, казалось, погрузилась в прошлое. — И жалею, что не дождалась Майкла.

Клер удивленно посмотрела на нее. Припомнив кое-что, она испытала чувство неловкости.

— Это Брендон?

Вампир Брендон был покровителем семьи Евы — и законченным подонком. Трудно представить что-либо хуже, чем иметь Брендона своим первым.

— Нет. Он, ясное дело, хотел, но нет, это был не Брендон.

— Тогда кто?

— Извини. Вход воспрещен.

Клер удивилась еще больше; для Евы мало что находилось под запретом.

— Правда?

— Правда. — Ева остановилась у обочины. — Подведем итог? Если Шейн сказал, что любит тебя, значит, так оно и есть, и точка. Он не из тех парней, которые говорят то, что ты хочешь услышать. Тебе здорово повезло, не забывай об этом.

Клер старалась, честно старалась, но время от времени в сознании всплывал этот момент, этот слепящий, обжигающий момент, когда, глядя ей в лицо, он произнес эти слова, и в его глазах вспыхнул изумительный свет. Хотелось вспоминать его снова и снова, без конца. Вместо этого перед ее внутренним взором почему-то возникала спина уходящего Шейна.

Так романтично! И так... удручающе. Возникло и кое-что новое: сомнения.

«Может, это моя вина. Может, нужно было сделать что-то, чего я не сделала. Подать ему какой-то сигнал».

Ева поняла одолевающие Клер чувства.

— Все будет прекрасно. — Она усмехнулась, — Дай парню передых. Он — второй истинный джентльмен, которого я когда-либо встречала. Это не означает, что он не хочет швырнуть тебя на постель и... Сама понимаешь. Это означает, что пока он не станет делать этого. Ну, признай: это круто.

В таком изложении это и впрямь было круто. Типа того.

С наступлением сумерек Ричард позвонил и сказал, что отпускает Майкла. Во второй раз все трое уселись в автомобиль и поехали в ратушу. Полицейское заграждение практически убрали. Если судить по радио и телевидению, день прошел на редкость спокойно — никаких проявлений насилия. Владельцы магазинов — люди главным образом — готовились открыться утром. Занятия в школах тоже должны были возобновиться.

Жизнь продолжалась, и мэр Моррелл планировал выступить с обращением к жителям. Впрочем, вряд ли оно кого-нибудь интересовало.

— Сэма они тоже отпускают? — спросила Клер, когда Ева припарковалась в подземном гараже.

— Наверное. Ричард считает, что у него нет оснований дольше их задерживать. Закон и порядок возвращаются в город. К тому же он боится, вдруг Сэм что-то сделает с собой, если его не отпустить. И еще, наверное, у Ричарда есть мысль, что, идя по следам Сэма, он сможет найти Амелию, — ответила Ева, оглядывая полутемную парковку. На ней стояли несколько машин с затененными стеклами; впрочем, они и раньше здесь были. Остальные автомобили явно принадлежали людям. — Ребята, вы что-нибудь видите?

— Типа чего? Большого знака с надписью «Ловушка»? — Шейн открыл дверцу, выбрался из машины, помог выйти Клер и не отпустил ее руку, даже когда она уже стояла рядом, — Вообще-то от наших замечательных граждан вполне можно ожидать чего-то в этом роде. Но нет, я ничего не вижу.

Майкла отпустили, как только они появились. Последовали объятия и рукопожатия. За другими вампирами никто не приехал; они выглядели сбитыми с толку, как будто не знали, что делать дальше.

Но только не Сэм.

— Сэм, стой! — Майкл остановил его, схватив за руку.

Глядя, как они стоят рядом, Клер в очередной раз поразились их сходству. И это сходство никуда не денется с годами, потому что ни тот ни другой не будут стареть.

— Ты не можешь отправиться на поиски самостоятельно, ведь ты даже не знаешь, где она. Скакать по городу на белом коне... Ну, это запросто может закончиться тем, что тебя убьют.

— А если не предпринимать ничего, убьют ее. Для меня это неприемлемо, Майкл. Если она погибнет, все теряет смысл, — Сэм стряхнул руку Майкла, — Я не прошу тебя идти со мной. Прошу об одном — не мешай мне.

— Дед...

— Вот именно. И ты должен меня слушаться.

Сэм, быстрый как все вампиры, исчез в мгновение ока.

— Вот и попробуй вычислить, где она, следя за ним, — заметил Шейн, — Если только твоя машина, Ева, не способна двигаться со скоростью света.

Майкл смотрел вслед Сэму со странным выражением лица — смесью гнева, сожаления и печали. Потом он притянул к себе Еву и поцеловал ее в макушку.

— Не думаю, что мой родственник безумнее остальных, — сказал он.

— Давай прикинем, — предложила Ева. — Мой отец был жестоким психом...

Шейн вскинул руку.

— Мой тоже.

— Спасибо. Мой брат чертов убийца...

— Это к моему отцу тоже относится, — кивнул Шейн.

— Точка. Коротко говоря, Майкл, твой родственник просто потрясающий по сравнению с нашими. Пьет кровь, да. Но потрясающий.

Майкл вздохнул.

— В данный момент мне так не кажется.

— Ты поймешь позже, не сомневайся, — Ева внезапно заговорила очень серьезно, — Но мы с Шейном не станем этого дожидаться, знаешь ли. Теперь ты наш единственный родственник.

— Знаю, — ответил Майкл. — Пошли домой.

11

Дом снова принадлежал им. Все беженцы ушли, оставив его в состоянии, требующем серьезной уборки. И не потому, что кто-то сознательно мусорил; просто когда такая масса народу приходит и уходит, беспорядок обеспечен. Клер взяла мешок для мусора и начала собирать бумажные тарелки, пластиковые чашки с кофейной гущей, скомканые упаковки и бумажные салфетки. Шейн, по-видимому, снова был в настроении убивать зомби и запустил видеоигру. Майкл достал из футляра гитару и настроил ее, но не сводил взгляда с окна, с рассеянным и обеспокоенным видом.

— Что такое? — спросила Ева. Она достала из холодильника оставшиеся спагетти, разогрела их и первому протянула тарелку Майклу, — Что ты там видишь?

— Ничего, — ответил он с напряженной улыбкой и отмахнулся от еды, — Я вообще-то не голоден. Извини.

— Мне больше достанется. — Шейн схватил тарелку, поставил на колени, накрутил на вилку спагетти и отправил в рот. — Seriously, что с тобой? Ты никогда не отказывался от еды.

Майкл не отвечал, продолжая смотреть во тьму.

— Из-за Сэма беспокоишься? — не отступала Ева.

— Из-за Сэма и всех остальных. Это безумие — то, что творится здесь, — Майкл машинально проверил, заперты ли окна, — Почему Бишоп до сих пор не захватил власть? Чем он занимается? Если сражается, почему мы не видим этого сражения?

— Может, Амелия где-то там уже одолела его, — сказал Шейн, продолжая поглощать спагетти.

— Нет. Ничего подобного. Я могу чувствовать это. Думаю... Думаю, она прячется вместе со своими сторонниками.

Шейн перестал жевать.

— Ты знаешь где?

— Нет. Я просто чувствую... — Майкл покачал головой. — Нет, потерял. Простите. Но у меня такое ощущение, будто что-то меняется. Приближается кульминация.

Клер только-только наложила себе в миску теплой пасты, как над головами послышался звук шагов. Все в молчании посмотрели вверх, а потом друг на друга. Майкл ткнул пальцем в себя и на лестницу; все закивали. Ева выдвинула кухонный ящик и достала три заостренных кола; один она бросила Шейну, другой Клер, а третий крепко стиснула в кулаке.

Майкл бесшумно поднялся по лестнице и исчез.

Они ожидали, что он вернется, но вместо этого мелькнуло черное пальто и грязноватые белые штаны, заправленные в черные ботинки, и через перила перегнулся Мирнин.

— Поднимайтесь, все. Вы мне нужны.

Ева, хмыкнув, посмотрела на Шейна; Шейн посмотрел на Клер.

А Клер шагнула на лестницу.

— Поверьте, если сказать «нет», это добром не кончится.

Майкл ждал их в коридоре, рядом с открытой потайной дверью. Вслед за ним они вошли внутрь и поднялись по лестнице.

Меньше всего Клер ожидала увидеть в потайной комнате на третьем этаже целую толпу, но именно это они там и обнаружили.

Последним поднялся Мирнин.

— Клер, мне кажется, ты знакома с Тео Голдменом и его семьей.

Она взглядела в лица. Да, она встречалась с ними, в музее, через который они проходили, когда шли спасать Мирнина. Тео Голдмен сказал Амелии, что они не будут сражаться.

Тем не менее они, видимо, все же участвовали в сражении. У вампиров не бывает синяков, но Клер видела рваную одежду и пятна крови. Все выглядели измотанными и... опустошенными. Тео, похоже, пришлось хуже всех. На его лице отчетливо проступали морщины, как будто за два дня он постарел на сотню лет.

— Простите, — сказал он, — но больше нам некуда пойти. Амелия... Я надеялся, что она здесь, что даст нам убежище. Мы уже везде побывали.

Как припоминала Клер, вроде бы их было больше. Да, точно, двоих не хватало. Одного человека и одного вампира.

— Что произошло? Я думала, вы в безопасности!

— Да, сначала так и было, а потом нет. Война! Любое безопасное место быстро становится небезопасным. Кто-то знал или хотя бы подозревал, где мы. Вчера на рассвете толпа взломала двери и набросилась на нас. Кларенс... — Он посмотрел на жену, которая стояла, повесив голову, — Наш сын Кларенс ценой своей жизни задержал их. И вместе с ним погиб наш друг, человек по имени Уильям. Мы прятались, переходили с места на место, опасаясь, что нас могут вытащить на солнце, и стараясь не допустить этого.

— Как вы оказались здесь? — спросил Майкл.

В его голосе прозвучала настороженность, и Клер не осуждала его.

— Это я привел их, — ответил Мирнин. — Пытаясь разыскать тех, кто остался. — Присев на корточки рядом с одной из юных вампирских девушек, он гладил ее по волосам. Она улыбалась ему, робко и испуганно. — Они могут остаться здесь. Мало кому известно об этой комнате. Я оставил открытым портал на чердаке, на случай если им придется бежать, но это единственный путь наружу. Последнее средство спасения.

— Есть еще другие вампиры? В городе? — спросила Клер.

— Очень мало, и они спасаются, кто как может. Большинство либо с Амелией, либо с Бишопом, либо... — Мирнин развел руками, — погибли.

— Что делают Амелия и Бишоп?

— Перегруппировывают силы, пытаются отвоевать хоть какое-то преимущество, занять более выгодную позицию. Долго это не продлится. — Мирнин помолчал. — Раньше или позже, скорее всего сегодня ночью, столкновение неизбежно. Кто-то выиграет, кто-то проиграет. И утром Морганвиллю станет известна его судьба.

От этих слов мороз по коже пошел. Клер вздрогнула и посмотрела на остальных, но, похоже, им сказать было нечего.

— Клер, удели мне немного внимания, — Мирнин увел ее в угол комнаты. — Ты разговаривала со своим другом-доктором?

— Я пыталась, но не смогла пробиться. Мирнин... как вы?

— Неплохо... пока, — В его голосе прозвучали циничные нотки, обычно возникавшие незадолго до того, как лекарство переставало действовать. — Без еще одной дозы я стану опасен. Можешь достать?

— Может, в вашей лаборатории...

— Я был там, но Бишоп опередил меня. Теперь мне понадобится стеклянная посуда и совершенно новая библиотека. — Он говорил вроде бы небрежно, но в лице проступило напряжение, глаза мрачно сверкнули. — Он пытался уничтожить порталы, чтобы помешать Амелии перемещаться. Я сумел восстановить их, но должен проинструктировать тебя, как именно это работает. И очень быстро. На случай...

Клер поняла, что он имел в виду, и медленно кивнула.

— Вам нужно уходить, — сказала она, — В тюрьме безопасно? В той, где вы держите больных?

— Бишоп там ничто не интересует. Следовательно, да. Я запрусь в камере и останусь в ней до тех пор, пока ты не принесешь лекарство. — Он наклонился, вперив в нее напряженный, настойчивый взгляд.

— Мы должны продолжить работу над лекарством и начать распространять его, Клер. Стресс, борьба — все это ускоряет течение болезни. Я заметил признаки ее у Тео, даже у Сэма. Боюсь, если мы не поторопимся, потери станут гораздо больше. Страх, спутанность сознания. Многие будут даже не в состоянии защищаться.

— Я постараюсь.

Он нежно поцеловал ей руку. Прикосновение его губ ощущалось сухим, как пыль, но все равно вызвало легкое покалывание в пальцах.

— Знаю, девочка моя. Ну, давай вернемся к твоим друзьям.

— Сколько они здесь пробудут? — спросила она, имея в виду Тео и тех, кто с ним. Вопрос прозвучал не по-доброму, но, что ни говори, она тоже нервничала. Эти едва знакомые гости-вампиры... В последнее время их в этом доме было многовато. — В смысле, у нас здесь не так уж много крови.

Тео улыбнулся, услышав ее слова. Клер вспомнила, что он говорил во время встречи с Амелией в музее, и эта улыбка показалась ей отталкивающей.

— Нам много и не требуется. Мы в состоянии сами обеспечить себя.

— Он имеет в виду, что они могут «употребить» своих человеческих друзей, словно бутерброды, которые берут в дорогу, — сказала она, — Нет. Только не в нашем доме.

— Сейчас не самое подходящее время... — сердито начал Мирнин.

— Это очень даже подходящее время. Кто-нибудь спрашивает этих людей, хотят они выступить в роли закуски или нет? — Две уцелевшие женщины, похоже, пришли в ужас. — Я так не думаю.

— То, что мы делаем, касается только нас, — ответил Тео, по-прежнему улыбаясь, — Мы не причиняем им вреда, знаешь ли.

— Не знаю, как вы можете это обещать.

Глаза Тео вспыхнули.

— Чего ты от нас хочешь? Чтобы все мы умерли с голоду? Даже самые молодые?

— Вообще-то я знаю, где есть большой запас крови, — ответила Клер. — Пошлите кого-нибудь со мной принести ее.

— Черт, нет, в этой темноте! — воскликнул Шейн, — Кроме того, там же заперто.

Ева достала из кармана кольцо с ключами, перебрала их и показала один.

— До сих пор я ни разу не пользовалась своим ключом, — сообщила она.

Мирнин задумчиво посмотрел на нее.

— В кафе «Встреча» нет портала. Это означает, что любой вампир в дневное время окажется там в ловушке.

— Нет. Оттуда есть выход в подземный туннель. Я видела, как Оливер отсылал куда-то некоторых людей, используя этот туннель, — Ева ослепительно улыбнулась Мирнину. — Мы можем доставить ваших друзей туда. Опять же, кофе. Вы ведь любите кофе? Все любят кофе.

Тео посмотрел на Мирнина.

— Там будет лучше?

— Там легче защитить себя, — ответил тот, — Стальные жалюзи. И если действительно есть доступ в туннель, то... да, — Он посмотрел на Еву. — Но тебе придется отвезти нас.

Он произнес это таким тоном, словно отдавал распоряжение прислуге, и лицо Клер вспыхнуло.

— А как насчет «пожалуйста», поскольку вы просите об одолжении?

Глаза Мирнина потемнели от внезапной ярости.

— Ты, похоже, забыла, что я твой босс, Клер. В некотором смысле ты принадлежишь мне. Я не обязан говорить «пожалуйста» и «спасибо» ни тебе, ни твоим друзьям, ни любому другому человеку. — Он мигнул и внезапно снова стал прежним, нормальным Мирнином. — Однако в твоих словах есть смысл. Пожалуйста, дорогая леди, отвези нас в кафе «Встреча». Я буду исключительно благодарен тебе.

Он только что руку ей не поцеловал. Еве оставалось только сказать «да».

Клер закатила глаза.

— Вы не влезете в машину Евы.

— И она не повезет вас в одиночку, — заметил Майкл. — Мой автомобиль в гараже. Я довезу остальных. Шейн, Клер...

— Остаемся здесь, чтобы не занимать место, — сказал Шейн. — Послушай, если есть люди, которые разыскивают их... Я позвоню Ричарду. Может, он выделит пару копов, чтобы охранять кафе.

— Нет, — ответил Мирнин. — Никакой полиции. Им нельзя доверять.

— Нельзя?

— Некоторые из них действовали вместе с Бишопом и участвовали в мятежах. У меня есть доказательства этого. Мы не можем идти на такой риск.

— Но Ричард... — начала Клер, однако смолкла, когда Мирнин впери́л в нее сердитый взгляд. — Ладно, как скажете.

Еве все это не слишком нравилось, но она не протестовала... может, под впечатлением такого количества клыков в маленьком помещении. Когда Голдмены с Мирнином, а за ними Майкл и Ева начали спускаться по лестнице, Шейн удержал Клер:

— Мы должны придумать, как обезопасить дом от вторжения. На всякий случай.

— Ты имеешь в виду, от вторжения... — Она сделала жест в сторону вампиров, и он кивнул, — Но ведь Майкл живет здесь, и мы живем здесь. Дом не может просто преградить вход целой группе людей. Это можно сделать только по одному за раз... так я понимаю, по крайней мере. И нет, не дожидаясь твоего вопроса, — я не знаю, как это работает. И как это обойти. Думаю, только Амелия умеет делать такие вещи.

Он выглядел разочарованным.

— Может, стоит закрыть эти странные двери, из которых неожиданно появляются Мирнин и Амелия?

— Я умею пользоваться порталами, но это не означает, что я могу открывать и закрывать их.

— Замечательно. — Шейн уселся на старомодную кушетку. — Выходит, мы что-то вроде вокзала для не-мертвых. Нельзя сказать, что я в восторге. А Бишоп может проходить через эти... порталы?

Клер и сама об этом задумывалась, с очень неприятным ощущением.

— Не знаю. Возможно. Однако, судя по словам Мирнина, он настроил порталы только на выход. Наверное, нам остается просто ждать.

Лишенная возможности совершать героические поступки, она снова разогрела спагетти, и они с Шейном поели, смотря по телевизору какое-то глупое шоу и вскакивая на каждый звук с оружием наготове. Когда примерно час спустя кухонная дверь распахнулась, Клер чуть удар не хватил — однако она услышала голос Евы.

— Мы дома! О, спагетти! Я жутко проголодалась.

Спустя мгновение она уже наложила себе макарон и набила ими рот. Майкл вошел следом.

— Все удалось? — спросил Шейн.

Ева с набитым ртом кивнула.

— Им там будет хорошо. Никто не видел, как мы входили, и, пока Оливер не объявится, никто не станет пытаться проникнуть туда.

— А как Мирнин?

Ева проглотила все, что было во рту, чуть не подавившись. Майкл похлопал ее по спине. Она одарила его сияющей улыбкой.

— Мирнин? Он притворился Бэтменом и улетел в ночь. Что с ним такое, Клер? Если он супергерой, то уж точно страдает биполярным расстройством.

Лекарство, вот в чем проблема. Клер надеялась раздобыть где-нибудь еще. И ей действительно нужно было продолжать работать над его усовершенствованием. Это была первоочередная задача... если, конечно, хоть сколько-то вампиров вообще уцелело.

Они пообедали — снова вчетвером, сидели за столом, разговаривали, как будто все в мире нормально, хотя каждый понимал: это не так. Шейн казался особенно возбужденным, что было на него совсем не похоже.

Что касается Клер, она просто до мозга костей устала бояться и, поднявшись к себе, уснула через минуту после того, как забралась под одеяло.

Однако сон ее не был ни спокойным, ни мирным.

Ей снилось, что неведомо где Амелия играла в шахматы, с невероятной скоростью передвигая фигуры по черно-белой доске. Напротив нее сидел Бишоп, обнажив в улыбке слишком много зубов. Когда он взял ее ладью, она превратилась в миниатюрного двойника Клер, и внезапно оба вампира сделались огромными, а она маленькой-маленькой и совершенно беззащитной.

Бишоп сжал ее бледной рукой, и на белые квадраты доски закапала кровь.

Амелия, хмуро наблюдая за ним, изящным пальчиком прикоснулась к каплям крови. Клер извивалась и кричала.

Амелия слизнула ее кровь и улыбнулась.

Клер проснулась, вся дрожа, и скрючилась под одеялом. Снаружи все еще было темно, хотя небо начинало светлеть. В доме стояла тишина.

На столике у кровати с тихим жужжанием вибрировал сотовый телефон. Она взяла его и обнаружила текстовое сообщение, посланное из университета.

«С 7 часов утра занятия возобновляются в нормальном режиме».

Казалось, университет находится на расстоянии миллиона миль — другой мир, который больше ничего не значил для нее; но это позволит ей попасть в кампус, а там были кое-какие нужные ей вещи. Клер полистала список абонентов, нашла доктора Роберта Миллза, но на звонок никто не ответил. Она посмотрела на часы, вздрогнула, обнаружив, что еще очень рано, но слезла с постели и начала доставать из шкафа одежду. Хотя доставать-то было практически нечего. Срочно требовалась стирка.

Одевшись, она снова набрала тот же номер.

— Алло?

Голос доктора Миллза звучал так, будто Клер вырвала его из глубокого и, скорее всего, блаженного сна. Уж ему наверняка не снилось, как мистер Бишоп выжимает из него всю кровь досуха.

— Это Клер. Простите, что звоню так рано...

— Рано? Ох! Я не спал всю ночь, недавно заснул. — Он протяжно зевнул. — Рад, что с тобой все в порядке, Клер.

— Вы в больнице?

— Нет. Больница нуждается в колоссальном ремонте, прежде чем хотя бы наполовину будет готова к той работе, которая мне предстоит. — Он снова громко зевнул, — Извини. Я в кампусе, в биологическом корпусе. Лаборатория семнадцать. У нас тут есть раскладушки.

— Мы?

— Со мной жена и дети. Не хотелось оставлять их одних.

Клер прекрасно понимала его.

— Хочу попросить вас кое о чем. И еще мне требуется то лекарство. Это очень важно. Я буду в университете через двадцать минут, хорошо?

— Хорошо. Только не приходи сюда — дети спят. Давай встретимся где-нибудь в другом месте.

— В кофейном баре кампуса. В университетском центре.

— Представь себе, я знаю, где это. Через двадцать минут.

Она бросилась к двери.

Из других комнат не доносилось ни звука; наверное, утомившись, все крепко спали. Странно, но сама Клер усталости не чувствовала; может, из-за непостижимого, давящего, вибрирующего внутреннего ощущения, что, если она просто останется в постели, произойдет что-то ужасно скверное.

Приняв душ и переодевшись в последнюю не совсем уж грязную одежду, она упаковала рюкзак. В стреляющем дротиками пистолете заряды кончились, его она брать не стала. Приготовленные Мирнином образцы крови Бишопы уместились в прочной, подбитой мягким материалом коробке. Чисто импульсивно Клер сунула в рюкзак два кола и серебряный нож, полученный от Амелии.

И книги.

Впервые с тех пор, как в Морганвилле начались мятежи, она шла по городу пешком. Ощущение возникало жуткое. Стояла противоестественная тишина; окна во многих магазинах были разбиты, некоторые уже заколочены досками; от сожженных домов остались остовы с распахнутыми настежь дверями в уцелевших стенах. На дорогах валялись разбитые бутылки, кое-где виднелись пятна чего-то, похожего на кровь, и черные брызги.

Клер торопливо шагала мимо всего этого и даже мимо кафе «Встреча», стальные жалюзи на окнах которого были опущены. И никаких признаков того, что внутри кто-то есть. Она представила себе Тео Голдмена, наблюдающего за ней из укрытия, и еле заметно помахала рукой, естественно не рассчитывая на ответ.

Ворота университета были открыты, охранники исчезли. Войдя внутрь и поднимаясь на холм, она, несмотря на ранний час, заметила множество спящих туда и сюда студентов. Чем ближе к главному

комплексу учебных зданий, тем больше их было. Парами прогуливались полицейские, следя, чтобы соблюдался порядок.

Студенты вели себя как обычно — похоже, они так ничего и не заметили. Может, созданное Амелией особое психическое поле, которое отрезало Морганвилль от мира, поддерживало и полное неведение обитателей кампуса относительно того, что творится в городе? Эта мысль не в первый раз приходила Клер в голову.

И конечно, такое объяснение нравилось ей больше, чем другое, невольное напрашивающееся: что они просто глупы от природы. С другой стороны, она же бывала на их вечеринках...

Двери университетского центра открылись всего пять минут назад, и бариста в кафе еще снимал кресла со столиков. Обычно тут работала Ева, но сейчас ее место занял сотрудник университета, скорее всего, из службы общественного питания. Новое назначение, похоже, не радовало его, но Клер была с ним вежлива, и в итоге он улыбнулся, вручая ей мокко и принимая деньги.

— Меня на этом месте не было бы, — признался он, — если бы не тройная плата за оставшиеся дни недели.

— Правда? Здорово! Надо сказать Еве. Деньги ей не помешают.

— Ага, уговори ее прийти. Я не слишком силен в кофейных делах. Дайте мне что-нибудь попроще — вода там, спагетти... Где трудно напортачить. Эспрессо — совсем другое дело.

Попробовав мокко, Клер готова была согласиться с тем, что приготовление кофе не его конек. Тем не менее она небольшими глотками допила его, сев в кресло там, откуда могла заметить появление доктора Миллза.

Удивительно, но она едва узнала его. Конечно, он был без белого докторского халата, но почему-то казалось, что такой человек не станет разгуливать в куртке на молнии и с капюшоном, спортивных брюках и кедах. Он заказал обычный кофе и подсел к ней.

Человек средний во всех отношениях, доктор Миллз с тем же успехом вписывался в университетскую среду, что и в больничную. «Из него получился бы прекрасный шпион», — подумала Клер. У него было такое лицо... под одним углом зрения моложавое, под другим — постарше и абсолютно незапоминающееся.

А вот улыбка милая, даже успокаивающая, хотя... Может, это характерная черта любого врача?

— Доброе утро. — Он отхлебнул кофе; глаза у него налились кровью и были обведены красной каймой, — Днем я собираюсь вернуться в больницу. Нужно оценить ущерб, и, кроме того, мы уже открыли травматологию. Хотелось бы немного поспать после нашего разговора. Вдруг, не дай бог, авария или что-нибудь в этом роде? Нет ничего хуже усталого хирурга.

Клер испытала острое чувство вины из-за того, что так рано разбудила его.

— Я быстро, — пообещала она, открыла рюкзак, достала коробку и подвинула к нему, — Образцы крови, от Мирнина.

Миллз с хмурым видом посмотрел на коробку.

— У меня уже не меньше сотни образцов крови Мирнина. Зачем...

— Эти другие. Доверьтесь мне. Особенно важен тот, который помечен «Б».

— Важен? Почему?

— Я предпочла бы пока не отвечать. Лучше вы сначала сами посмотрите. — Клер знала, что в науке всегда лучше проводить анализ отстраненно, без особых ожиданий. Доктор Миллз тоже понимал это, поэтому просто взял коробку с образцами. — Может, не стоит пить кофе, если вы хотите поспать?

Он улыбнулся и допил свой кофе.

— Доктора по самому роду своей деятельности приобретают иммунитет ко всему, включая кофеин. Поверь, в то мгновение, как моя голова коснется подушки, я усну, даже если перед этим мне введут кофе внутривенно.

— Некоторые люди платят за это хорошие деньги. Я имею в виду кофе внутривенно.

Он улыбнулся, но потом снова посерьезнел.

— Похоже, у тебя все хорошо. Я беспокоился за тебя. Ты просто слишком юная, чтобы принимать участие в таких делах.

— У меня все отлично. И на самом деле я...

— Не такая уж юная. Да, знаю. И все же. Пойми беспокойство пожилого человека. У меня, знаешь ли, две дочери. — Он бросил стаканчик из-под кофе в мусорную корзину и встал. — Вот все, что я сумел

наскрести. Извини, это немного, но сейчас в работе новая партия лекарства. Она будет готова дня через два.

Он передал Клер пакет с позвякивающими стеклянными пузырьками. Она заглянула внутрь.

— Не так уж мало.

Если, конечно, не придется снабжать весь Морганвилль.

— Извини, что я так тороплюсь, но...

— Конечно идите, — ответила Клер, — Спасибо, доктор Миллз.

Они пожали друг другу руки.

На его запястье блеснул серебряный браслет с символом Амелии. Доктор Миллз посмотрел на него, потом на золотой браслет Клер и пожал плечами.

— Не думаю, что настало время снять его, — сказал он. — По крайней мере, пока.

«Ваш хотя бы снимается», — подумала Клер, но ничего не сказала.

Доктор Миллз тоже подписал контракт, но тот, который подписала она, сделал ее собственностью Амелии. Теперь она принадлежала королеве телом и душой. И на ее браслете застежка отсутствовала, что превращало его в ошейник раба.

Это иногда все еще пугало ее.

Приближалось время первого занятия. Клер взяла рюкзак, задаваясь вопросом, сколько народу придет. Скорее всего, много. Наверняка профессора решат, что сегодня подходящий день для теста.

И ожидание ее не обмануло. На первом и третьем занятии действительно были тесты, что отнюдь не вогнало ее в панику, в отличие от некоторых однокурсников. Ее не пугал никакой тест — если только он не происходил во сне, где, чтобы получить хорошую оценку, приходилось танцевать и размахивать дирижерской палочкой. Честно говоря, сегодняшние тесты были совсем не трудные.

Пересекая кампус, она обратила внимание на одно обстоятельство: все меньше и меньше людей носили браслеты. Раньше уроженцы Морганвилля не расставались с ними двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, поэтому более светлые полосы там, где раньше были браслеты, бросались в глаза.

Около полудня она увидела Монику Моррелл, Джину и Дженнифер.

Все трое шли быстро, опустив головы, с книгами под мышкой. В прежние времена они вышагивали по кампусу, словно тигрицы, уверенные в себе и безжалостные. Смотрели на всех сверху вниз и, нравилось это кому-то или нет, были несомненными законодательницами моды, всегда показывающими себя в самом выгодном свете.

Сегодня все обстояло иначе.

Моника, обычно центральная фигура в этой троице, выглядела ужасно. В прошлом блестящие, прекрасно уложенные волосы потускнели и торчали во все стороны, как будто она не потрудилась даже расчесать их и уж тем более подсушить или завить. Та часть лица, которая при сильно наклоненной голове оставалась доступна взгляду, не несла на себе никаких следов макияжа. Довершали неприглядную картину бесформенный свитер с каким-то некрасивым узором и неряшливые голубые джинсы, в каких Клер, скорее, стала бы убираться в доме — если Моника когда-нибудь вообще делала такие вещи.

Джина и Дженнифер выглядели ненамного лучше; но главное, все трое явно были подавлены.

Клер испытала слабый и, безусловно, недостойный трепет удовлетворения... пока не разглядела, какие взгляды бросают на девушек другие, в особенности те, кто поторопился снять свои браслеты; а некоторые не ограничивались лишь злобными взглядами. Прямо на глазах Клер крупный, крепкий парень в куртке с логотипом ТТУ толкнул Дженнифер с такой силой, что ее книги разлетелись во все стороны. Не глядя на него, она наклонилась и стала подбирать их.

— Эй, какого черта, неповоротливая шлюха? — Он пихнул ее в задницу, когда она начала подниматься, но не она была его подлинной мишенью; Дженнифер стояла между ним и Моникой, — Привет, Моррелл! Как поживает твой папочка?

— Прекрасно, — ответила Моника, глядя ему в глаза, — Я спросила бы насчет твоего отца, но поскольку ты понятия не имеешь, кто он...

Парень придвинулся к ней вплотную. Она не отступила, хотя чувствовалось, что очень хотела бы. Кожа у глаз и рта напряженно натянулась, костяшки сжимающих книги пальцев побелели.

— Ты всю свою жизнь была королевской сукой, — сказал он, — Помнишь Энни? Энни Макфарлейн? В школе ты смеялась над ней, называла толстой королевой, тайком сфотографировала ее в ванной и выложила снимки в Интернете. Помнишь?

Моника не отвечала. Парень улыбнулся.

— Да, конечно, ты помнишь Энни. Славная была девочка, и я любил ее.

— Видно, недостаточно любил, раз не встал на ее защиту, — сказала Моника, — Я права, Кларк? Тебя больше волновало, как бы залезть мне в трусы, ты и не пытался добиться, чтобы я была добра с твоей маленькой толстой подружкой. Не моя вина, что она разбилась на своей дурацкой машине, когда попыталась выехать за границу города. Возможно, это твоя вина. Наверное, для нее было невыносимо оставаться в одном городе с тобой — после того, как ты бросил ее.

Кларк ногой выбил у Моника книги и с силой оттолкнул ее к стволу ближайшего дерева.

— У меня кое-что есть для тебя, сука.

Он достал из кармана клейкую бирку типа тех, на которых пишут имена, только на этой была фотография симпатичной девушки-подростка, храбро улыбающейся в камеру.

Кларк прилепнул ее на грудь Монике и потер, чтобы она приклеилась к свитеру.

— Ты будешь носить это. Будешь носить фотографию Энни. Только попробуй отклеить ее — тогда то, что ты проделывала с Энни в школе, покажется тебе сущей ерундой.

Под фотографией Энни шла надпись: «Убита Моникой Моррелл».

Моника посмотрела на нее, нервно сглотнула, залилась краской, потом побледнела. Резко вскинула подбородок и в упор поглядела на Кларка.

— Это всё?

— Пока да. Помни, если сорвешь...

— Ага, Кларк, ты не будешь со мной ласков. Я поняла. Думаешь, меня это волнует?

Улыбка Кларка стала шире.

— Нет, пока нет. Приятного дня, шлюха.

Он отошел и стукнулся ладонью поднятой руки с двумя другими парнями.

Моника снова с отвращением посмотрела на фотографию на своей груди, и тут к ней подошла девушка, тоже уроженка Морганвилля, но снявшая свой браслет. Моника заметила ее, лишь когда та оказалась прямо перед ней.

Эта без всяких разговоров достала еще одну бирку и приклеила ее на грудь Моника рядом с фотографией Энни Макфарлейн.

На ней большими красными буквами было написано: «УБИЙЦА».

После чего девушка просто пошла дальше.

Моника попыталась сорвать наклейку, но Кларк не сводил с нее взгляда.

— Тебе идет. — Он указал пальцами на свои глаза, а потом на нее. — Мы весь день будем следить за тобой. Появятся и новые наклейки, не сомневайся.

Кларк был прав. Для Моника Моррелл этот день должен был стать по-настоящему скверным и очень, очень длинным. Даже Джина и Дженнифер отступились от нее и бросились в разные стороны.

Взгляд Моника упал на Клер. В ее глазах полыхали страх, стыд и самая настоящая боль.

А потом она снова окружила себя привычной броней и взорвалась:

— Что уставилась, идиотка?

— Смотрю, как торжествует справедливость, — Во взгляде Клер возникло выражение недоумения, — С какой стати ты не осталась с родителями?

— Не твое дело! — Однако злобы во взгляде Моника поубавилось, — Папа хочет, чтобы все мы вели себя как обычно. Пусть люди увидят, что мы не боимся.

Моника прижала книги к груди, прикрывая ими наклейки, и торопливо зашагала дальше.

Она не прошла и десяти футов, как какой-то незнакомый парень подбежал и прилепнул ей на спину фотографию худенькой девочки и парня лет пятнадцати, с надписью под ней: «Убийца Алисы».

Потрясенная Клер осознала, что мальчик на фотографии — Шейн. И рядом его сестра, Алиса, погибшая во время пожара, разожженного Моникой.

— Справедливость, — повторила Клер.

На самом деле от всего этого она почувствовала себя больной; справедливость — совсем не то же самое, что милосердие.

Она решала, что делать, когда зазвонил ее телефон.

— Возвращайся домой, — сказал Майкл. — От Ричарда из ратуши пришел сигнал тревоги.

Сообщение поступило через кодированную сеть с использованием раций, а ведь Клер считала, что эта сеть, организованная и поддерживаемая Оливером, больше не работает. Однако Ричард сумел ее использовать. Ворвавшись в дом, тяжело дыша, Клер услышала, как в гостиной разговаривают Майкл и Ева. Она заперла дверь и заторопилась к ним.

— Что я пропустила?

— Тсс, — одновременно прошипели оба.

Майкл, Ева и Шейн сидели за столом, напряженно глядя на лежащую в его центре маленькую рацию. Майкл отодвинул кресло для Клер, она села и постаралась отдышаться.

Звучал голос Ричарда.

— ...точно неизвестно, заденет ли нас этот шторм, но в данный момент метеослужба сообщает, что линия его движения проходит прямо над нами. Он будет здесь через несколько часов, где-то с наступлением темноты. В это время года активность торнадо обычно снижается, но, по их словам, существует реальная угроза. Это скверная новость — учитывая все то, что у нас творится. Я привел в полную готовность аварийные службы и гражданские патрули. Если шторм и впрямь разразится, все должны находиться в надежных убежищах.

Если вы неподалеку от ратуши, приходите сюда; у нас в подвале есть убежище. Руководители гражданской обороны, идите в своем районе от двери к двери, предупреждайте людей о надвигающемся шторме и объясняйте, как они должны действовать. Мы делаем объявления по телевидению и радио; университет также принимает необходимые меры предосторожности.

— Ричард, это Гектор, — произнес новый голос. — Дом Миллера. У вас есть какие-нибудь новости о захвате, о котором болтают люди?

— Только слухи, ничего конкретного, — ответил Ричард. — В городе масса разговоров о намечающемся захвате ратуши, но нам неизвестно, где должны собираться люди, когда и даже кто они такие. Могу сообщить лишь, что мы возвели укрепления вокруг здания и оставили баррикады на площади Основателя. Сегодня вечером и ночью все особо охраняемые объекты должны быть в состоянии боевой готовности. Докладывайте о любых признаках нападения; повторяю: о любых. Мы попытаемся выслать вам подмогу.

Майкл посмотрел на остальных, взял рацию и нажал кнопку.

— Майкл Гласс. Как думаешь, за этим стоит Бишоп?

— Думаю, Бишоп очень хотел бы, чтобы люди за него сделали всю грязную работу, а он потом провозгласил бы себя властителем и хозяином оставшихся руин, — ответил Ричард, — Это было бы в его стиле. Дай мне Шейна.

Майкл протянул рацию Шейну. Тот посмотрел на нее с таким видом, как будто она может укусить, но взял и нажал кнопку.

— Здесь Шейн.

— У меня есть два неподтвержденных сообщения о том, что твоего отца видели в городе. Понимаю, это нелегко для тебя, но я должен знать: Фрэнк Коллинз действительно вернулся в Морганвилль?

Шейн посмотрел в глаза Клер и ответил:

— Если и вернулся, мне он об этом не докладывал.

«Он лжет!» — подумала Клер, но смогла лишь прошептать:

— Шейн...

Он покачал головой.

— Я тебе вот что скажу, Ричард. Если ты поймашь моего отца, я лично приму участие в том, чтобы бросить его в самую глубокую яму, которая найдется поблизости. Если он в Морганвилле, значит, у него есть какой-то план, но он не станет работать ни на каких вампов или во взаимодействии с ними.

— Достаточно честно. Если он свяжется с тобой...

— Ты на быстром наборе, не волнуйся.

Шейн снова положил рацию в центр стола. Клер пристально смотрела на него, желая, чтобы он заговорил, чтобы произнес хоть что-нибудь, но он молчал.

— Не вынуждай меня вмешиваться, — сказала она в конце концов.

— И не собираюсь. Я ни в одном слове не солгал. Отец говорил мне, что возвращается, но не что он уже здесь. Я не видел и не хочу видеть его. Другое дело Дик и его чернорубашечники. Вот кто будет рад его появлению, а я больше не желаю иметь к нему никакого отношения.

Клер не была уверена, так ли это, но сейчас складывалось впечатление, что, по крайней мере сознательно, он не лжет. Скорее всего, он намерен вести себя именно так. И все же... Как бы он ни внушал себе, что больше не имеет отношения к отцу, достаточно тому щелкнуть пальцами, и Шейн бросится к нему.

Скверно.

Ричард отвечал по радиации на вопросы других, но Майкл больше не слушал; он в упор смотрел на Шейна.

— Ты знал? Знал, что он возвращается, и не предупредил меня?

Шейн неловко заерзал в кресле.

— Послушай...

— Нет, это ты послушай! Это меня закололи ножом, обезглавили и похоронили на заднем дворе — кроме всего прочего! Кроме того, что я стал призраком!

Шейн опустил взгляд.

— Кому я должен был сообщить? Вампам? Брось!

— Мне!

— Ты вамп, — сказал Шейн. — Давно не смотрелся в зеркало?

Майкл встал так резко, что его кресло заскользило по полу. Опираясь руками о стол, он навис над Шейном.

— Я-то делаю это каждый день. А ты? Ты видел свое отражение в последнее время? Я вообще начинаю сомневаться, что знаю тебя.

Лицо Шейна исказилось от боли.

— Я не имел в виду...

— Может, я тут последний вампир, — прервал его Майкл, — Может, все остальные умерли или скоро умрут. Мало мне обезумевших толп, жаждущих оторвать нам головы, и Бишоп, который вот-вот захватит власть. Так еще и твой отец откроет охоту на меня... Да уж, как раз этого и не хватало!

— Он не станет...

— Один раз он уже убил меня... ну, попытался. И сделает это снова не задумываясь. Тебе это известно, Шейн! Он считает, что я предал человеческую расу, и поэтому будет охотиться именно и прежде всего на меня.

На этот раз Шейн не сказал ничего. Майкл взял со стола рацию и сунул ее в карман джинсов. От него исходило сияние белого золота; Шейн не решался посмотреть ему в глаза.

— Если захочешь помочь отцу убивать вампиров, Шейн, ты знаешь, где меня найти.

Майкл взбежал по лестнице, и с его уходом из комнаты как будто выкачали воздух; Клер даже стало тяжело дышать.

Взгляд широко распахнутых темных глаз Евы тоже был прикован к Шейну. Она медленно встала.

— Ева... — сказал он и потянулся к ней, но она отшатнулась.

— Я просто глазам своим не верю. Ты видел, чтобы я так носилась со своей матерью? Нет. А ведь она даже не убийца.

— Морганвилль нуждается в переменах.

— Очнись, Шейн! Он уже изменился. Это началось несколько месяцев назад и происходило прямо у тебя на глазах! Вампиры и люди сотрудничают. Доверяют друг другу. Ну, стараются. Это трудно, да, но у вампов были серьезные причины опасаться нас. А теперь ты хочешь перечеркнуть все это и помочь отцу установить гильотину на площади Основателя? — Глаза Евы почернели от горечи. — Пошел ты!

— Я не...

Не слушая, она зашагала вверх по лестнице. Шейн и Клер остались одни.

Шейн попытался свести все к шутке.

— Ну вот, как обычно, я опростоволосился, — сказал он. Клер встала. — Клер, ох, не надо, только не ты! Пожалуйста, не уходи.

— Ты должен был рассказать ему. Просто не верится, что ты этого не сделал. Он твой друг. По крайней мере, так мне казалось.

— Куда ты?

— Упаковываться. Я решила переехать к родителям.

Упаковываться она не стала. Поднялась наверх, закрыла дверь и вытащила свои жалкие пожитки. Большинство из них срочно нуждались в стирке. Она уселась на постель, глядя на лежащую на полу одежду, чувствуя себя потерянной, одинокой и больной. И пытаюсь разобраться, действительно ли в ее решении есть смысл или она просто убегает, словно маленькая девочка.

Груда вещей на полу выглядела душераздирающе.

В дверь постучали, но она ответила не сразу. Это, конечно, Шейн.

«Уходи!» — мысленно сказала она, но он пока не научился читать мысли и постучал снова.

— Не заперто, — сказала она.

— Но и не открыто, — произнес Шейн через дверь, — Я не такой осел, чтобы ломиться.

— Нет, именно такой.

— Ладно, иногда и впрямь такой, — Он переминался с ноги на ногу; она слышала, как пол поскрипывает под его ногами. — Клер?

— Входи.

Увидев на полу перед ней груды одежды, он замер.

— Выходит, ты это серьезно.

— Да.

— Собираешься просто взять и уйти.

— Родители хотят, чтобы я жила с ними, и тебе известно об этом.

Несколько мгновений он не произносил ни слова, а потом достал из заднего кармана черный футляр размером с ладонь.

— Тогда вот. Я собирался подарить это позже, но, наверное, лучше сделать это сейчас, пока ты еще с нами.

Это был твердый, обтянутый кожей футляр на пружинных петлях. Заколебавшись на мгновение, Клер надавила на один конец, и коробочка открылась.

Ох!

Крест был прекрасен — изящный, серебряный, с узором в виде обвивающих его листьев. На очень тонкой серебряной цепочке. Клер вынула крест и почти не почувствовала его веса.

— Я... — От потрясения она едва не утратила дар речи, — Он такой красивый.

— Против вампов он не действует, — сказал Шейн, — Ну, честно говоря, я не знал этого, когда покупал его для тебя. Правда, он серебряный, а серебро — все-таки защита. Надеюсь, тебе понравится.

Это не какой-нибудь скромный подарок. У Шейна мало денег — он подрабатывал то здесь, то там и тратил совсем немного. Это не дешевая побрякушка — настоящее серебро, действительно красивая вещь.

— Я не могу... он слишком дорогой, — Сердце Клер бешено колотилось, мысли путались, она не знала, что нужно сказать, что сделать. Повинуясь внезапному порыву, она положила крест в коробочку, защелкнула ее и протянула Шейну. — Не могу.

Он криво улыбнулся.

— Это не кольцо или что-нибудь в этом роде. Возьми его. Кроме всего прочего, он не подходит к моим глазам.

Сунув руки в карманы и ссутулившись, он вышел.

Клер посидела, сжимая во вспотевшей руке кожаный футляр, а потом снова открыла его. Крест мерцал на черном бархате, прекрасный и блестящий, а потом... начал расплываться, когда на глаза набежали слезы.

Ее переполняли чувства, слишком сильные для хрупкого тела.

— О господи!

Это не просто подарок по случаю. Шейн потратил много времени и сил, чтобы купить его. Это любовь, действительно любовь.

Дрожащими пальцами Клер взяла крест, надела цепочку на шею и застегнула ее со второй попытки. Вышла в коридор и, не постучавшись, открыла дверь Шейна. Он стоял у окна, глядя наружу, и показался ей немного другим. Старше. Печальнее.

Он повернулся; серебряный крест приковал к себе его взгляд.

— Ты идиот, — сказала Клер.

Он задумался и кивнул.

— Это правда, по большей части.

— И поэтому ты идешь и делаешь все эти ужасные вещи...

— Знаю. Я же сказал, что по большей части был идиотом.

— Но у тебя есть и хорошие черты.

Он не улыбнулся.

— Так тебе нравится?

Она погладила теплый серебряный крест.

— Я же надела его, разве непонятно?

— Но это не означает, что мы...

— Ты сказал, что любишь меня.

Он закрыл рот, внимательно вглядываясь в ее лицо, и кивнул. На скулах проступили красные пятна.

— Так вот, я тоже люблю тебя, а ты по-прежнему идиот. По большей части.

— Никаких возражений. — Он сложил на груди руки, и Клер постаралась не замечать, как напряглись его мышцы. — Ну что, переезжаешь?

— Придется. Может, завтра ночью...

— Клер, пожалуйста, будь откровенна со мной. Ты переезжаешь?

Сейчас она держала крест в горсти; он грел руку, словно маленькое солнце.

— Пока не могу. Сначала нужно постирать все, а это может занять целый месяц. Ты видел, какая груды.

Он засмеялся. Казалось, силы оставили его, и он рухнул на неубранную постель. Клер подошла и села рядом. Он обнял ее.

— Жизнь — незавершенная работа, которая никогда не кончается, — сказал Шейн, — Моя мама часто так говорила. Я — лучший мастер-наладчик жизненных ситуаций и знаю это.

Клер вздохнула и расслабилась в его теплых объятиях.

— Хорошо, что мне нравятся парни, знающие толк в техобслуживании.

Он был готов поцеловать ее, когда над их головами послышался шум.

Кроме чердака, выше ничего не было.

— Слышала? — спросил Шейн.

— Да. Похоже на шаги.

— Фантастика! Я думал, эти порталы работают только на выход, — Шейн сунул руку под кровать и достал кол, — Нужно сказать Майклу и Еве. Возьми, — Он протянул ей второй кол, с серебряным кончиком, — Настоящий убийца вампиров. Смотри не повреди его.

Она взяла кол, побежала к себе и нашла тонкий серебряный нож, который дала ей Амелия. Куда его спрятать? А, вот что надо сделать. Она проткнула дыру во внутреннем кармане джинсов, достаточно большую, чтобы сунуть туда нож. Джинсы плотно прилегали к телу, прижимая нож к бедру. К тому же он был гибкий и не бросался в глаза.

Она выбежала в коридор и прислушалась. Комната Евы была пуста. Постучав в дверь Майкла, Клер услышала, как где-то вдалеке испуганно вскрикнула Ева.

— Что такое? — спросил Майкл.

— Что-то происходит, — ответила Клер. — Наверху, на чердаке. Можешь выйти?

Майкл, похоже, обрадовался этому известию не больше Шейна.

— Замечательно. Буду через секунду.

Послышались звуки приглушенного разговора, шелест ткани. Клер попыталась отогнать образ одевающегося Майкла — жутко сексуальный, по правде говоря, — потому что это был... ну, Майкл, да и не о том сейчас надо было думать.

Например, о том, кто там наверху, на чердаке.

Дверь распахнулась, и выскочила Ева, красная, растрепанная, застегивая пуговицы на рубашке.

— Это не то, что ты думаешь. Это просто... Ладно, плевать, это в точности то, что ты думаешь. И что теперь?

Что-то упало и покатилося по полу чердака. Ева подняла взгляд, как будто могла пронзить им потолок, и подскочила, когда Майкл, в расстегнутой рубашке, дотронулся до ее плеча и приложил палец к своим губам.

В комнату вошел Шейн, с колами в обеих руках, и бросил один Майклу.

— А мой где? — одними губами спросила Ева.

— У тебя своих полно, — так же беззвучно ответил Шейн.

Ева закатила глаза, кинулась в свою комнату и появилась оттуда с большим черным мешком, подвешенным на груди наискосок наподобие патронташа. Порывшись в нем, она достала кол со своими инициалами.

— Видите? Это с урока труда. Я не даром училась в школе.

Майкл нажал кнопку и бесшумно открыл потайную дверь. Наверху света не было, на лестнице — тьма-тьмущая.

Майкл, с общего согласия, шел первым — вампирские глаза и все такое. За ним Шейн, потом Ева. Клер замыкала шествие, стараясь не производить шума, хотя полностью это не получалось ни у кого, поскольку ступени скрипели под тяжестью четырех пар ног. Наверху Клер уткнулась в спину Евы и шепотом спросила:

— Что?

— Майкл почувствовал запах крови, — Ева сжала руку Клер, — Тсс!

Майкл включил свет. В маленькой комнате все выглядело как обычно; никаких признаков того, что кто-то побывал здесь после ухода Голдменов и Мирнина.

— Как можно подняться на чердак? — спросил Шейн.

Майкл нажал на потайной рычажок, и на другом конце комнаты с щелчком открылась вторая, едва заметная дверь. Мирнин показывал ее Клер, когда они выбирали наряды для участия в празднестве в честь Бишопы.

— Оставайтесь здесь, — сказал Майкл и шагнул в открывшийся дверной проем.

— Да, конечно, — ответил Шейн и тут же двинулся следом, но оглянулся и добавил: — Вы двое, оставайтесь здесь.

— Это несправедливо и вообще половая дискриминация! — возмутилась Ева. — Мужчины...

— Ты действительно хочешь идти первой?

— Конечно нет. Но я предпочитаю сама отказаться идти первой.

Они застыли в напряженном ожидании. Послышались шаги Шейна по полу чердака, но больше ничего, довольно долго.

Потом Шейн сказал:

— Господи, Майкл! Вон там.

Голос звучал напряженно, но не так, будто Шейн вот-вот ввяжется в рукопашную схватку.

Ева и Клер посмотрели друг на друга.

— А, наплевать!

И Ева последовала за парнями. Клер за ней, сжимая кол с серебряным кончиком и от всей души надеясь, что не придется его использовать.

Шейн сидел на корточках около нагромождения пыльных чемоданов, Майкл рядом с ним. Ева шумно втянула воздух при виде того, над чем они склонились, и попыталась удержать Клер.

Та, однако, остановилась, лишь увидев, кто лежит на полу. Фактически она с трудом узнала его. Если бы не седые волосы, завязанные в хвост, и кожаное пальто...

— Оливер... — прошептала Клер.

Ева с такой силой прикусила губу, что та побелела.

— Что с ним произошло?

— Серебро, — ответил Майкл. — Много. Разъедает кожу вампиров, точно кислота, но от этого ему не было бы так плохо. Если только... — Он оборвал себя, увидев, как дрогнули бледные веки, — Он еще жив.

— Вампира трудно убить. — Голос Оливера звучал едва слышно и закончился чем-то вроде всхлипа, — Иисусе... Больно.

Майкл посмотрел на Шейна.

— Давай отнесем его вниз. Клер, достань из холодильника кровь, там должно быть.

— Нет, — прохрипел Оливер и сел. Его белая рубашка намочила от крови, как будто под ней не осталось кожи, — Нет времени. Нападение на ратушу... сегодня ночью... Бишоп. Использует это как... отвлечение внимания... чтобы...Его глаза широко распахнулись и закатились под лоб.

Он рухнул. Майкл подхватил его под мышки, и они с Шейном понесли Оливера на кушетку. Ева побежала за ними, испуганно вскрикивая.

Клер пошла следом, но вдруг услышала за спиной царапающий звук.

«Оливер пришел сюда не один».

На нее кинулась черная тень, схватила, и что-то с силой ударило по голове.

Наверное, она издала какой-то звук, может, задела что-то, и тотчас же услышала, как Шейн окликнул ее по имени, и увидела в дверном проеме его фигуру. Но в тот же миг тьма затянула все вокруг.

Потом Клер исчезла.

Потом ее просто не стало.

13

Очнувшись, Клер чувствовала себя больной, несчастной и замерзшей. Кто-то ударил ее по затылку крокетным молотком; по крайней мере, такое было ощущение. Стоило сделать малейшее движение, и мир начинал вращаться.

— Перестань стонать! — произнес кто-то неподалеку. — И не вздумай плевать, а не то заставлю это сожрать.

Так мог бы сказать Джейсон Россер, безумный брат Евы. Клер с трудом сглотнула и прищурилась, пытаясь разглядеть маячившую рядом фигуру. Да, похоже, это и впрямь Джейсон — страшный, грязный, безумный. Извиваясь, Клер попыталась отодвинуться от него, но спиной наткнулась на стену. Вроде бы деревянную, но, похоже, это не чердак Стеклянного дома.

Он унес ее куда-то, наверное, через портал. И теперь никто из ее друзей сюда не придет, потому что они этого делать не умеют.

Руки и ноги Клер были связаны. Она заморгала, стремясь прояснить сознание. И наверное, зря, потому что с ясностью пришло понимание того, насколько все скверно. Джейсон Россер действительно не в своем уме. Он выслеживал Еву, убивал — как предполагалось — девушек в городе, определенно ударил ножом Шейна и заколол во время празднества Амелию, пытавшуюся помочь ему.

И друзья в Стеклянном доме не смогут найти ее. В их глазах она просто исчезла.

— Чего ты хочешь? — спросила она хриплым, испуганным голосом.

Джейсон протянул руку и убрал волосы с ее лица. От его прикосновения мурашки побежали по коже.

— Расслабься, конфетка, ты не в моем вкусе. Я делаю, что мне велено, вот и все. Ты в розыске. Ну я и доставил тебя.

— В розыске?

Низкий, вкрадчивый смех, похожий на стелющийся дым, поплыл по комнате. Джейсон оглянулся. Темная фигура вышла из укрытия на свет.

Исандра, подруга Бишопа. Прекрасная, как всегда; изящная, словно цветок жасмина, с фарфоровой кожей, большими, влажными глазами и приятно округленным подбородком.

Яд в красивой бутылке.

— Ну, посмотрим, что нам притащил котик. Мяу! — Она присела на корточки рядом с Клер и провела острым ногтем по ее щеке; судя по резкой боли, пошла кровь, — Где твой симпатичный дружок, мисс Клер? Я еще не закончила с ним, знаешь ли. Точнее говоря, я даже не начинала.

Клер почувствовала, как внутри закипает смешанное ощущение отвращения, злости и страха.

— Думаю, он тоже не закончил с вами. — Она даже ухитрилась улыбнуться, от всей души надеясь, что получилось в духе Амелии или хотя бы Оливера, — Может, вам стоит пойти и самой взглянуть. Спорю, он будет просто счастлив увидеться с вами.

— Когда мы с ним встретимся снова, я покажу этому мальчику, что значит хорошо провести время, — промурлыкала Исандра, наклонившись к самому лицу Клер. — Ну а пока давай поболтаем, просто между нами, девочками. Как по-твоему, это будет забавно?

«Нет».

Клер продолжала сражаться с веревками, но Джейсон потрудился на славу — она ничего не добила, только причинила себе боль. Схватив Клер за плечи, Исандра прижала ее к стене, достаточно сильно, чтобы заныла пострадавшая голова и все вокруг пошло рябью. Осталась лишь плавающая в воздухе кроваво-красная улыбка — словно у мертвых был свой Чеширский Кот.

— Что, не нравится, душечка? Жаль, конечно, что мистера Шейна сейчас нет с нами, но мой маленький помощник не захотел связываться с ним. Давнишняя вражда и все такое. — Она негромко рассмеялась, — Ну, сойдет и так. Я слышала, Амелия любит тебя, да и вон какой хорошенький у тебя золотой браслет. Думаю, ты очень даже сгодишься.

— Для чего?

— Вот этого я тебе не скажу, дорогая, — От улыбки Исандры бросало в дрожь, — Хотя... Город ждет бурная ночь. По-настоящему бурная. И тебе предстоит увидеть все это вблизи. Ты получишь незабываемые впечатления.

Ева наверняка отпустила бы саркастическое замечание — дескать, она всегда готова. Клер просто вперила в Исандру сердитый взгляд, страстно желая, чтобы перестала болеть и кружиться голова. Чем, интересно, Джейсон ударил ее? Такое чувство, будто она столкнулась с автобусом. Хотя вряд ли парень обладал такой силой.

«Не вздумай искать меня, Шейн».

Меньше всего Клер хотела, чтобы Шейн, бросившись ее спасать, повстречался с Джейсоном, который однажды уже ударил его ножом, и Исандрой, которая водила его на поводке.

Нет, придется выбирать самой.

Шаг первый: сообразить, где она. Исандра продолжала заливаться, описывая всякие ужасные вещи, которые собиралась проделать с Клер. Даже представлять их было мерзко — лучше просто пропустить мимо ушей. И Клер сосредоточилась на попытке проанализировать окружающую обстановку. Помещение знакомым не выглядело, но это ни о чем не говорило. Она сравнительно недавно жила в Морганвилле и не бывала во множестве мест.

«Постой-ка».

Клер сосредоточила внимание на упаковочном ящике, на котором сидел Джейсон, со сделанной по трафарету надписью. В тусклом свете точно разобрать было трудно, но, похоже, это что-то вроде «Кофе Брикса оптом». И теперь ей показалось, что здесь и впрямь пахнет кофе — приятный утренний аромат, перебивающий запах пыли и влажного дерева.

И еще припомнилось, как Ева со смехом рассказывала, что Оливер покупает свой кофе у какого-то Брикса.

— У него и впрямь вкус как у молотых кирпичей²¹, — говорила Ева, — для аромата еще и приправленных известкой.

В городе было всего два кафе: «Встреча» Оливера и бар в университетском центре. Вряд ли Клер сейчас в центре — тот построен из бетона, не из дерева, и к тому же не настолько стар.

Значит, она во «Встрече»? Но это бессмыслица: в кафе «Встреча» не вел ни один портал.

«Может, у Оливера где-то есть склад».

Похоже на то; вампиры владели множеством складских помещений в районе, примыкающем к площади Основателя. Брендона, первого помощника Оливера, нашли мертвым в одном из таких складов.

Может, она сейчас не так уж далеко от площади Основателя.

Холодные пальцы Исандры сомкнулись на ее подбородке, заставив вздернуть голову.

— Ты меня слушаешь, душечка?

— По правде говоря, нет, — ответила Клер. — Такая скучища.

Джейсон прыснул со смеху, но тут же сделал вид, что закашлялся.

— Я, пожалуй, выйду, — заявил он. — Поскольку пахнет чем-то очень личным.

Клер хотелось завопить «Не уходи!», но она до боли прикусила язык, провожая взглядом парня. Шаги долго звучали во тьме, и только потом открылся небольшой прямоугольник света.

Дверь. Но как далеко!

²¹ Вкус как у молотых кирпичей — игра слов: фамилия поставщика Брикке (Bricks), а слово bricks переводится как «кирпичи».

— Я уж думала, он никогда не уйдет, — Исандра прижала ледяные губы к шее Клер, но внезапно вскрикнула от боли и резко отодвинулась, прикрывая рот бледной рукой, — Ах ты, сука!

В тусклом свете Исандра не заметила на шее Клер серебряной цепочки, тонкой, как волос. Теперь на ее полных губах образовались два волдыря — вспухли, прорвались и стали кровоточить.

В ее глазах полыхала ярость. Всё, игры кончились.

Клер попыталась отползти, Исандра ленивым шагом двинулась следом. Вытерев обожженные губы, она с отвращением посмотрела на кровь.

— Привкус серебра. Мерзость какая! Ты испортила мне все настроение, дрянная девчонка!

Клер перекатилась и почувствовала, как что-то острое укололо бедро. Нож. Кол они отобрали, но, видимо, целиком ее не обыскивали; у Джейсона просто не хватило на это ума, Исандра была слишком беззаботна и самоуверенна.

Но какой толк от ножа, спрятанного под джинсами? Вот разве что...

Исандра набросилась на нее — расплывчатое светлое пятно на фоне тьмы. Клер повернулась и под неудобным углом надавила бедром вниз.

Нож заскользил, прорвал ткань джинсов — совсем немного, дюйма на два, — но этого хватило, чтобы прорезать до кости руку Исандры.

Она взвыла от боли и резко отодвинулась. Сейчас она совсем не выглядела такой красоткой, как прежде; держась на почтительном расстоянии, она зашипела и обнажила клыки, словно кобра. Налитые кровью глаза сверкали, точно рубины.

Продолжая извиваться, Клер сумела придвинуть к ножу веревки, стягивающие запястье. Времени у нее было мало; ясное дело, шок Исандры долго не продлится.

Но как серебряным ножом разрезать синтетические веревки? И как сделать это быстро?

Клер отчаянно пилила... веревки уступали... еще немного, и она сможет сунуть руку в карман...

Но нет.

Исандра схватила ее за волосы.

— Теперь тебе конец!

Ощущение было такое, как будто с Клер содрали скальп; плюс с новой силой возобновилась пульсирующая головная боль.

В конце концов она сумела ослабить веревки настолько, чтобы сунуть руку в карман джинсов, вцепиться в рукоятку ножа, вытащить его и выставить перед собой в дрожащей, по-прежнему не в полной мере свободной руке; тем не менее Клер не собиралась прекращать борьбу, никогда.

Исандра взвизгнула и отпустила ее.

«Почему? — никак не могла сообразить Клер, — Ведь я же не уколола ее. Или уколола?»

Что происходит?

Исандра безвольной грудой рухнула на деревянный пол, лицом вниз, и казалась бездыханной.

Сверху бесшумно прыгнула хрупкая женщина в серой одежде, с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами, и поставила ногу в безупречной серой туфле на спину Исандры, не давая ей ворочаться.

— Клер?

Женщина повернулась к ней, и Клер узнала ее, хотя... не сразу.

Амелия. И в то же время не Амелия. Не та холодная, отстраненная женщина, которую все знали как Основателя города, — эта излучала необузданную, яростную энергию, такую мощную, какой Клер никогда прежде не видела. К тому же Амелия выглядела молодой.

— Со мной все нормально, — пролепетала Клер.

Она не была до конца уверена, действительно ли новая версия Амелии находится здесь или это всего лишь плод ее затуманенного сознания. Ладно, с этим можно будет разобраться потом, сначала нужно освободить руки и ноги.

Между тем Амелия (это правда она?) оттащила стонущую Исандру в угол и пристегнула ее запястья к массивной поперечине с цепями. Здесь цепи, отметила Клер, были повсюду. Замечательно. Это не просто склад; это что-то вроде вампирского детского манежа — чтобы «детки» не разбежались! — и, скорее всего, устроил его Оливер. Клер угрюмо продолжала пилить свои веревки и в конце концов сумела освободить сначала одну, а потом другую руку. Они покраснели и распухли, от веревок на коже остались

белые следы. Тем не менее она чувствовала руки, ощущала покалывание от возобновившейся циркуляции крови.

Нож заметно затупился, и все попытки Клер распилить веревки на ногах ни к чему не привели.

— Сейчас, — сказала Амелия.

Наклонившись, она одним движением пальцев перерубила веревки. Даже обидно — смотреть, как легко это ей далось. Клер избавилась от пут и села, тяжело дыша, болезненно ощущая каждый порез, каждую шишку, каждый синяк.

Холодные пальцы Амелии приподняли подбородок Клер и повернули ее к себе.

— У тебя повреждена голова, — сказала Амелия, — Хотя вряд ли слишком серьезно. Боль, головокружение... этим, полагаю, все ограничится, — Она убрала руку, — Я собиралась найти тебя, но уж никак не здесь.

С самой Амелией ничего не случилось — она была на свободе и без единой царапины.

Как такое может быть?

— Вы... Мы думали, что Бишоп захватил вас. Этого не произошло?

Амелия вскинула брови.

— Как видишь, нет.

— Тогда куда вы подевались? — Клер испытывала совершенно необоснованное желание хорошенько лягнуть ее, нарушив это безмятежное спокойствие. — Почему бросили нас одних? И призвали вампиров из укрытий, — Ей припомнился офицер О'Мэлли и другие, о которых она слышала, — Некоторые из них погибли.

Амелия не отвечала, холодная, как ледяная скульптура — даже еще холоднее, потому что она не таяла.

— Объясните мне, почему вы делали все это, — не отступала Клер.

— Потому что планы изменились, — все-таки ответила Амелия, — Бишоп предпринимает новые шаги, и я вынуждена перестраивать силы. Сейчас ставки очень высоки, Клер. Он перетащил к себе половину вампиров Морганвилля, лишив меня численного преимущества. Я была вынуждена призвать оставшихся к себе, ради их же безопасности.

— В результате погибли вампиры, не просто люди. Знаю, люди не имеют для вас значения. Но мне казалось, весь смысл в том, чтобы спасти ваших людей!

— Так оно и есть — спасти всех, кого удастся. Что касается призыва... В шахматах существует такая вещь, как стремительная атака... способ отвлечь внимание от тех ходов, которые делают более важные фигуры. Ты спасла Мирнина и снова ввела его в игру. Это хорошо. Мне нужно, чтобы все мои могущественные фигуры были на доске.

— Типа Оливера? — Руки все еще неприятно покалывало, и Клер стала потирать их. — Он серьезно пострадал. Может, даже умер.

— Он сыграл свою роль. — Амелия переключила внимание на Исандру, которая снова зашевелилась. — По-моему, пора взять ладью Бишопа.

Клер крепко стиснула серебряный нож.

— Я тоже фигура? Что-то вроде жертвенной пешки?

Амелия снова перевела взгляд на нее.

— Нет, — В ее голосе прозвучало удивление. — Не совсем. Ты мне не безразлична, но на войне нельзя расплываться, проявляя заботу о ком бы то ни было. Это парализует способность действовать. — Сверкающий взгляд снова переместился на Исандру. — Тебе лучше уйти — вряд ли ты получишь удовольствие от этого зрелища. Ты не сможешь вернуться сюда. Я закрываю порталы один за другим. Когда я закончу, останутся лишь два выхода: ко мне и к Бишопу.

— Где он?

— Ты не знаешь? — Амелия снова вскинула брови. — Там, где безопаснее всего, — в ратуше. И когда придет ночь, я начну наступление. Вот почему я искала тебя, Клер. Ты должна кое-что передать Ричарду. Скажи ему, пусть выведет из здания всех, кто не может сражаться за меня.

— Но... это невозможно. Там убежище. Говорят, приближается шторм.

— Клер, выслушай меня. Все ни в чем не повинные люди, которые будут спасаться от шторма в этом здании, погибнут, потому что я больше не могу защитить их. Это эндшпиль, говоря шахматным языком. Не время для сострадания.

Сейчас Исандра лежала спокойно, внимательно прислушиваясь к словам Амелии.

— Ты не стала бы говорить все это в моем присутствии, если бы собиралась выпустить меня отсюда? — бесстрастно спросила она.

— Какая пронизательность! Да, ты отсюда не выйдешь. — Амелия взяла Клер за руку и помогла ей встать. — Я рассчитываю на тебя, Клер. Уходи. Передай Ричарду мой приказ.

Не успела Клер вымолвить ни слова, как воздух перед ней замерцал, прямо посреди огромного помещения склада, и она свалилась на... пыльный сундук на чердаке Стеклянного дома, в очень неловкой позе. С трудом перекатившись на бок, она встала.

Никакого портала перед ней не было; она даже помахала в воздухе рукой, но... Ничего.

«Я закрываю порталы», — сказала Амелия.

Этот она уж точно закрыла.

— Клер? — окликнул ее Шейн с другого конца чердака. Отгалкивая в стороны коробки и перепрыгивая через груды всевозможных предметов, он кинулся к ней. — Что произошло? Где ты была?

— Потом расскажу, — Внезапно Клер осознала, что все еще сжимает в руке окровавленный серебряный нож. Она снова осторожно сунула его в карман, в рукотворные ножны у бедра. Он затупился и вряд ли теперь пригодится, но с ним она чувствовала себя спокойнее. — Как Оливер?

— Плохо. — Шейн обхватил руками ее голову, внимательно оглядел. — Всё в порядке?

— Уточни, что значит «всё»? Нет, что значит «в порядке»? — Она огорченно покачала головой, — Мне нужна рация. Я должна поговорить с Ричардом.

Ричарда на месте не оказалось.

— Он встречается с мэром, — ответил мужчина, которого, кажется, звали Салливан. — У вас проблемы?

— Нет, офицер, это у вас проблемы. Мне нужно поговорить с Ричардом. Это очень важно.

— Всем нужно поговорить с Ричардом, но сейчас он занят. Если это не чрезвычайная ситуация...

— Вот именно! Это чрезвычайная ситуация!

— Тогда я пошлю в Стеклянный дом подразделение.

— Нет, не так... — От огорчения Клер хотелось грохнуть рацию о стену, — Чрезвычайная ситуация не здесь. Послушайте, просто скажите Ричарду, что он должен как можно быстрее эвакуировать всех из ратуши.

— Невозможно, — ответил Салливан, — Это наш штаб, и убежище тоже здесь, а сегодня ночью ожидается чертовски сильный шторм. Ты должна привести мне очень убедительную причину для этого.

— Хорошо, дело в том...

Майкл вырвал у нее рацию и выключил ее.

— П-почему? — запинаясь, спросила Клер.

— Потому что если, как говорит Амелия, Бишоп уже в ратуше, то кто-то там наверняка должен знать об этом. Неизвестно, на чьей он стороне. Я мало знаю Салливана, но ему никогда не нравились порядки в городе. Я вполне допускаю, что он мог купиться на болтовню Бишопа о возвращении города людям, о самоуправлении и прочей ерунде в том же духе. То лее самое относится ко всем остальным там, кроме, может быть, Джо Хесса и Трейвиса Лоува. Нужно точно знать, с кем говоришь, прежде чем сообщать важную информацию.

Шейн кивнул.

— Думаю, этот Салливан не без причины не подзывает Ричарда.

Все четверо находились на кухне. Ева, Шейн и Клер сидели за столом, а Майкл расхаживал туда и обратно, время от времени бросая взгляд на лежащего на кушетке Оливера. Тот спал, а может, был без сознания. Они сделали все, что смогли, — помыли его и завернули в чистые одеяла. По словам Майкла, процесс исцеления продолжался, но не очень быстро.

Очнувшись, Оливер выглядел сбитым с толку.

Испуганным.

Клер дала ему дозу лекарства, полученного от доктора Миллза, и, похоже, оно помогло, но если Оливер тоже болен, опасения Мирнина становятся реальностью.

Вскоре это коснется и Амелии. И что тогда будет с ними?

— Ну и что делать? — недоумевала Клер, — Амелия велела обязательно поговорить с Ричардом. Нужно как можно быстрее вывести из ратуши тех, кто не будет принимать участия в боевых действиях.

— Ты сама слышала, что раньше Ричард убеждал тех, у кого нет убежища, идти в ратушу. По телевидению и радио говорят то же самое. Черт, наверно, половина города уже там!

— Может, она не станет убивать всех? — заговорила Ева. — Даже если думает, что они работают на Бишопа.

— Не знаю, есть ли у нее выбор, — ответила Клер. — Дело зашло слишком далеко.

— Выбор есть всегда.

— Не в шахматах, — сказала Клер. — Разве что ты выбираешь сдаться и умереть.

В итоге все пришли к выводу, что нужно садиться в машину и ехать туда самим. Состояние неба пугало: оно было темно-серое, с быстро бегущими облаками, а по краям бледно-зеленоватое — недобрый знак в этой части страны.

Единственное, что радовало, — Майкл мог не опасаться солнечных ожогов. На всякий случай он взял с собой куртку с капюшоном и одеяло, чтобы прикрыть голову, но снаружи быстро темнело. День закончился преждевременно.

Капли дождя размером с монету в полдоллара застучали по тротуару. Клер поморщилась: попадая на кожу, они ощущались как удары пейнтбольных шариков. Внезапно молния расколола небо пополам; гром загрохотал с такой силой, что сотрясалась земля.

— Быстрее! — закричала Ева, включая двигатель.

Клер заскочила в распахнутую заднюю дверцу и плюхнулась рядом с Шейном. Не успела она пристегнуться, как машина тронулась с места.

— Майкл, включи рацию, — попросила Ева.

Он так и сделал. Сплошная статика. Меняя частоту, он улавливал призрачные сигналы других городов, но в Морганвилле никто на связь не выходил — скорее всего, потому, что вампиры заблокировали сеть.

И вдруг прорвался голос, громкий и ясный.

«Внимание, жители Морганвилля! Срочное сообщение! Национальная метеорологическая служба сообщает, что в направлении Морганвилля движется чрезвычайно опасный шторм. При сохранении текущей скорости он достигнет наших границ этим вечером, в двадцать семь минут седьмого. На своем пути он уже стал причиной серьезных разрушений и гибели людей. По расчетам, шторм покинет Морганвилль и его окрестности в десять часов вечера. Услышав гудок сирены, немедленно укройтесь в специально оборудованном убежище или, если не имеете возможности добраться до него, в самом безопасном месте вашего дома. Внимание, жители Морганвилля...»

Майкл выключил рацию; какой смысл слушать то же самое во второй раз.

— Сколько в городе специально оборудованных убежищ? — спросил Шейн. — В университетских общежитиях, в университетском центре...

— На площади Основателя есть два, — сказал Майкл, — но сейчас проникнуть туда невозможно. Они заблокированы.

— В библиотеке.

— И в церкви. Там в подвале разместится человек двести.

И это все. Другие, не решающиеся остаться в своих домах, устремятся в ратушу.

Дождь ударил сначала в переднее стекло, а потом устойчиво забарабанил, набегая яростными волнами. Старые стеклоочистители плохо справлялись со своей задачей. Клер порадовалась, что не сидит за рулем. Она и при нормальной погоде была не слишком умелым водителем, а сейчас просто не понимала, как Еве удастся различить дорогу.

А может, она и не различала ее. Может, вела машину наобум в надежде на везение.

На дороге были и другие автомобили, едущие в том же направлении. Клер посмотрела на экран сотового телефона.

Половина шестого вечера.

Шторм приблизится вплотную меньше чем через час.

— Ой-ой-ой! — воскликнула Ева, в последний раз свернув за угол. Перед ними открылось море красных задних фар. Сквозь грохот грома и стук дождя прорывались автомобильные гудки. Машины продвигались, но очень медленно, — У ограждения всех проверяют! Черт-те что!

Потом что-то произошло, и красные огоньки начали гаснуть один за другим. Теперь машины быстро двигались вперед. Большой черный седан Евы проехал мимо двух полицейских машин с мигалками, в красно-голубом свете которых стало видно, что ограждения отодвинуты и полицейские машут руками, торопя проезжающих.

— Это безумие, — сказала Клер, — Мы не сможем быстро удалить отсюда такую уйму народу. Сначала нужно помешать людям входить, а потом сказать, куда ехать вместо...

— Я выйду, — перебил ее Майкл, — Я бегаю быстрее, чем мы едем. Разыщу Ричарда. Они не посмеют меня остановить.

Может, так оно и было, но Ева попыталась запротестовать.

— Майкл, не ходи...

Она смолкла, когда он выскочил под дождь. В ослепительной вспышке очередной молнии было видно, как он мчится, расплескивая лужи и огибая автомобили.

Да, и впрямь он бежал быстрее.

— Ох уж эти тупые, упрямые бойфренды, да к тому же еще и вампиры... — бормотала Ева, продолжая двигаться с потоком машин.

Внезапно сбоку вынырнул грузовик и преградил им дорогу. Ева вскрикнула, попыталась затормозить, но мокрая дорога расплылась и была в отвратительном состоянии. Клер почувствовала, что автомобиль скользит, набирая скорость.

«Хорошо, что я пристегнулась», — подумала она.

Машина Евы неслась прямо на грузовик. Шейн, видимо чисто инстинктивно, выбросил руку, чтобы удержать Клер, а потом их всех с силой кинуло вперед, в точном соответствии с законами физики.

Больно!

Клер, пытаясь облегчить боль, прижала голову к прохладному стеклу, которое треснуло, но не разбилось. Отстегивая ремень безопасности, Шейн спросил, как она. Клер взмахнула рукой и промямлила что-то вроде «все нормально», хотя оценить реальное свое состояние в данный момент не могла.

Водительская дверца распахнулась, и Еву вытащили из машины.

Шейну удалось открыть свою дверцу самому.

Клер попыталась сделать то же самое, но ее замок, похоже, заело. Она тоже отстегнулась и полезла наружу через дверцу со стороны Шейна.

И, оказавшись под удивительно теплым дождем, поняла, что им грозят по-настоящему серьезные неприятности, поскольку мужчиной, приставившим нож к горлу Евы, оказался Фрэнк Коллинз, отец Шейна, законченный мерзавец и яростный ненавистник вампиров. Он выглядел в точности, как ей помнилось, — крепкий, грубый байкер в кожаной одежде и разукрашенный татуировками.

Он прокричал что-то Еве, но Клер не расслышала ни слова из-за грохота грома. Шейн перегнулся через багажник машины и схватил отца за руку с ножом.

Фрэнк ткнул его локтем в лицо, заставив отступить. Клер зашарила в кармане джинсов в поисках серебряного ножа, но он исчез — наверное, выпал в какой-то момент. Шейн между тем снова сцепился с отцом. Ему удалось отодвинуть руку с ножом настолько, что Ева сумела освободиться и уцепилась за Клер.

Фрэнк швырнул сына на капот машины и вскинул нож. Дождь стекал с его подбородка, похожий на серебряную бороду.

— Нет! — завопила Клер.

— Где вампир? — закричал в ответ Фрэнк. — Где Майкл Гласс?

— Ушел. — Шейн закашлялся — в рот ему попал дождь, — Папа, он ушел. Его нет здесь.

Фрэнк, казалось, впервые заметил, кто перед ним.

— Шейн?

— Да, это я. Отпусти меня, хорошо? — Руки Шейна по-прежнему были подняты. — Мир.

Фрэнк отступил и убрал нож.

— Хорошо. Я искал тебя, мальчик.

И потом он внезапно обнял Шейна; тот так и стоял с поднятыми руками и даже не попытался прикоснуться к отцу. Выражение его лица заставило Клер содрогнуться.

— Да, я тоже рад встрече с тобой, — сказал Шейн. — Хватит, хватит. Нам с тобой эти телячьи нежности ни к чему.

— Да, но ты по-прежнему мой сын. Кровь есть кровь, — Фрэнк подтолкнул Шейна к грузовику, мало пострадавшему от столкновения с машиной Евы, — Полезай.

— Зачем?

— Затем, что я так сказал! — закричал Фрэнк. Шейн стоял, молча глядя на него, — Черт возьми, мальчик, хоть раз в жизни сделай то, что я велю.

— Я большую часть жизни делал то, что ты велел, — ответил Шейн. — В том числе и предавал своих друзей. Больше этого не будет.

Фрэнк расхохотался.

— Похоже, ты упился колы до того, что готов пойти на самоубийство! — Он покачал головой, и во все стороны полетели дождевые капли. — Просто полезай. Я стараюсь спасти тебе жизнь. Там, куда ты так рвешься, тебе делать нечего.

Странно, но Фрэнк Коллинз казался разумным.

— Нам обязательно нужно туда! — прокричала сквозь шум дождя дрожащая, насквозь промокшая Клер. — Это очень важно! Если мы не сумеем пробиться, погибнут люди!

— Люди погибнут, да, — согласился Фрэнк, — Знаешь эту старую поговорку? «Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц».

Интересно, на чьей стороне Фрэнк Коллинз? И понимает ли он, что им манипулируют?

— Есть план, — продолжал Фрэнк, обращаясь к сыну, — Во всей этой неразберихе никто не всматривается в лица, и металлодетекторы отключены. Мы захватываем контроль над зданием и наводим порядок. Вышвыриваем этих гадов из города, раз и навсегда. Мы можем сделать это!

— Папа, сегодня ночью все люди в этом здании погибнут. Нужно вывести их оттуда, а не загонять туда. Если тебя хоть немного волнует судьба идиотов, которые покупаются на твое революционное дерьмо, ты оставишь эту затею.

— Оставлю эту затею? — повторил Фрэнк с таким непонимающим видом, словно Шейн говорил на иностранном языке, — Как раз тогда, когда мы так близки к победе? Черт возьми, Шейн! Раньше ты верил в это! Ты...

— Да. Раньше. Открой глаза! — Шейн оттолкнул отца и подошел к Еве и Клер. — Я предупредил тебя, папа, — не делай этого. По крайней мере, не сегодня. Я не стану тебя выдавать, но если не отступишься — ты покойник.

— Я не потерплю угроз от тебя, — ответил Фрэнк.

— Ты идиот, — сказал Шейн, — Ладно, я сделал все, что мог.

Он забрался в машину, на переднее пассажирское сиденье, которое раньше занимал Майкл. Ева села за руль, Клер сзади.

Ева дала задний ход.

Фрэнк встал на пути машины — ужасного вида человек в черной кожаной одежде, со спутанными, облепившими лицо волосами и большим охотничьим ножом в руке.

Ева отпустила педаль газа.

— Нет! — Шейн придавил левой подошвой ее ногу, — Вперед. Он этого и добивается — чтобы мы остановились.

— Не могу я наезжать на него!

Но было уже слишком поздно. Фрэнк стоял, впериw взгляд в машину, а она придвигалась все ближе и ближе.

Он отскочил в последнюю секунду. Ева яростно завертела рулем, стараясь объехать его, и в итоге все обошлось.

— Что ты делаешь, черт возьми? — вся дрожа, закричала она на Шейна. — Хочешь задавить его, делай это сам! Господи!

— Оглянись, — прошептал Шейн.

Их преследовали люди. Много людей. Наверное, они прятались в ближайшем проулке. И они стреляли из пистолетов! Автомобиль содрогался, заднее стекло пошло трещинами и грудой осколков рассыпалось на голову Клер.

— Давай сюда! — Шейн схватил ее и перетащил на переднее сиденье. — Пригни голову!

Ева сползла на своем сиденье так низко, что ее глаза оказались чуть выше уровня приборной доски. Охваченная паникой, она дышала хрипло и тяжело. Новые выстрелы загрохотали по машине. Что-то ударило и в лобовое стекло, пробив в нем круглую дыру, от которой во все стороны пошли новые трещины.

— Быстрее! — закричал Шейн.

Ева с силой вдавила педаль газа и объехала более медленный фургон, слегка зацепив его. Стрельба прекратилась.

— Понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты останавливалась?

— Ладно, я официально вычеркиваю твоего отца из своего рождественского списка! — завопила Ева. — О бог мой! Глянь только на мою машину!

Шейн издал смешок.

— Ага. Вот что сейчас важнее всего.

— Это лучше, чем думать о том, что могло бы произойти, — возразила Ева, — Если бы Майкл был с нами...

Клер вспомнила о толпах и мертвых вампирах, о которых рассказывал Ричард, и ей стало нехорошо.

— Они вытащили бы его отсюда и убили, — сказала она.

Майкл оказался прав в отношении отца Шейна, но, если уж на то пошло, Клер никогда в этом и не сомневалась. Как и сам Шейн, судя по выражению боли на его лице. Он вытер рукой глаза, но что толку? Все трое промокли насквозь, с головы до ног.

— Давайте просто проникнем в здание, — предложил Шейн, — Мы ничего не можем сделать, пока не найдем Ричарда.

Вот только это оказалось совсем не просто. Подземная парковка была забита машинами, беспорядочно стоящими под разными углами. Ева медленно ехала, выискивая местечко, куда бы втиснуться, и качая головой.

— Если даже мы сумеем вывести отсюда людей, им не удастся воспользоваться своими машинами — они блокируют друг друга, — сказала она. — Полная неразбериха.

Клер подумала, что, возможно, это сделано умышленно, не просто под воздействием паники.

— Ладно, поставлю ее у стены, — в конце концов решила Ева. — Будем надеяться, что сможем уехать, если прижмет.

Лифт уже не работал, двери были открыты, но свет выключен, и кнопки не реагировали на нажатие. Они побежали по лестнице.

Дверь на первом этаже выглядела запертой, но Шейн поднажал на нее, и она распахнулась, под громкие протестующие крики.

Вестибюль был полон людей.

Ратуша Морганвилля была не так уж велика; во всяком случае, это точно относилось к ее вестибюлю. Широкая, уходящая вверх лестница, всюду роскошный мрамор и полированное дерево, часть одной стены занимали стеклянные витрины. Справа располагалось Бюро регистрации: шесть старомодных окошек, зарешеченных и закрытых. Рядом с каждым окном висела медная табличка, на которой указывалось, какие операции в нем осуществляются: «Вид на жительство», «Регистрация автомобилей», «Запрос на переезд», «Специальные разрешения», «Нарушение правил дорожного движения. Взыскание штрафов», «Налоги, городские службы».

Сегодня вестибюль был до отказа забит людьми. В основном семьями — родители с детьми, иногда совсем маленькими. Клер не заметила в толпе ни одного вампира. В дальнем конце желтая табличка гражданской обороны обозначала вход в убежище, рядом с ней висел график продвижения шторма. Полицейский с мегафоном выкрикивал приказы, но, похоже, его никто не слышал; люди толкались и орали друг на друга.

— Убежище забито до отказа! Пожалуйста, успокойтесь!

— Плохо, — заметил Шейн. Около десяти полицейских в форме пытались навести в толпе порядок, но Ричарда среди них не было. — Ну что, наверх?

Они вернулись на лестницу и побежали на следующий этаж. Судя по табличке на площадке, здесь находились приемные мэра и шерифа, кабинеты членов городского совета и что-то под расплывчатым названием «Архив».

Дверь на этаж оказалась заперта. Шейн заколотил в нее, но никто не вышел.

— Пошли дальше.

На площадке третьего этажа никаких табличек не было, зато имелся рельефно вырезанный символ Основателя, такой же, как на браслете Клер.

Шейн повернул ручку, но и здесь дверь не открывалась. Он посмотрел на следующий пролет лестницы.

— Еще один этаж, и дальше просто крыша, а на крышу, по-моему, лезть не стоит.

— Подожди.

Несколько мгновений Клер разглядывала символ Основателя, а потом взялась за ручку.

Что-то щелкнуло, и она повернулась. Дверь открылась.

— Как тебе это...

Клер вскинула запястье с золотым браслетом.

— Попробовала на всякий случай. Я подумала, может, с золотым браслетом...

— Гений. Пошли туда.

Дверь со щелчком закрылась за ними и заперлась с легким скрипом металла. После сияния флуоресцентных ламп на лестнице глаза не сразу привыкли к полумраку в коридоре — огни горели еле-еле, и этот слабый свет поглощался темным ковром и такими же деревянными панелями.

Станным образом коридор напомнил Клер тот, куда они попали, спасая Мирнина, только здесь было меньше дверей. Те из них, которые удавалось открыть — Шейн, конечно, шел первым, — вели в простые офисы, и в них не было ничего необычного.

А в конце коридора обнаружилась дверь с символом Основателя, выгравированным на медной дверной ручке. Шейн попытался повернуть ее, покачал головой и сделал знак Клер.

При ее прикосновении дверь легко открылась.

Внутри оказались... апартаменты. Или, может, залы? Клер не знала, как правильно назвать то, что видела; здесь имелся целый комплекс комнат, сходящихся к единому центру.

Это было все равно что шагнуть в совершенно другой мир, без сомнения, прекрасный: сказочная комната, роскошный атлас на стенах, персидские ковры, изящная, белая с золотом мебель.

— Майкл? Мэр Моррелл? Ричард?

Следующая комната была поистине королевская, но кто-то превратил ее в руины: мебель опрокинута, частично сломана, зеркала разбиты, ткани порваны.

Клер замерла.

На уцелевшей длинной, изящной софе лежал Франко, второй преданный Бишопу вампир, прибывший в Морганвилль вместе с ним и Исандрой. Казалось, он безмятежно отдыхает — ноги скрещены на уровне щиколоток, голова покоится на пышной атласной подушке, на груди стоит хрустальный стакан с чем-то подозрительно темно-красным.

Он засмеялся и отсалютовал им стаканом.

— Приветствую вас, мои маленькие друзья, — сказал он. — Мы не ожидали вас, но вот вы здесь, и это хорошо. У нас почти не осталось закуски.

Шейн подтолкнул Еву к двери.

— Вон отсюда.

Однако перед дверью, захлопнув ее за собой, стоял мистер Бишоп, все еще в длинной фиолетовой мантии, в которой был на празднестве, порванной с одной стороны, где Мирнин полоснул его ножом.

В нем ощущалось что-то столь древнее, столь равнодушное — у Клер даже пересохло во рту.

— Где она? — спросил Бишоп, вперив в нее взгляд. — Знаю, ты виделась с моей дочерью. Ты хранишь ее запах, и я его чувствую.

— Гм... Может, обойдемся без подробностей? — брякнула Ева.

Не сводя пристального взгляда с лица Клер, Бишоп сделал жест в сторону Евы.

— Замолчи, или тебя заставят замолчать. Если я пожелаю узнать твое мнение, то справлюсь о нем у твоих внутренностей.

Ева умолкла. Франко одним плавным движением перекинул ноги через край софы, сел, допил кровь и уронил стакан, который покатился по светлому ковру, разбрызгивая алые капли. Кое-что попало ему на пальцы, он облизнул их и вытер о затянутую атласом стену.

— Пожалуйста — Он захлопал длинными ресницами, глядя на Еву, — Пожалуйста, скажи что-нибудь, я обожаю внутренности.

Она съезжилась у стены. Даже Шейн молчал, хотя Клер чувствовала, что он испытывает сильное желание защитить ее.

«Ты не можешь тут ничего поделать, — мысленно возвала к нему она. — Даже не пытайся».

— Вы не знаете, где Амелия? — спросила она Бишоп, — Как в таком случае развивается ваш генеральный план?

— Просто прекрасно развивается, — ответил Бишоп, — К этому моменту Оливер мертв. Мирнин... Ну, мы оба знаем, что Мирнин безумен. Надеюсь, он отправится тебя спасать — и, прибыв сюда, забудет, кто ты такая. Это было бы забавно — и очень характерно для него, — Взгляд Бишоп ввинчивался в ее глаза, и Клер испытала ощущение, будто вокруг нее стягивается плотная сеть, — Где она?

— Там, где вам никогда ее не найти, — отрезала Клер.

— Прекрасно. Пусть себе прячется во тьме со своими жалкими творениями, пока голод или люди не прикончат их. Это не обязательно будет сражение, знаешь ли. С таким же успехом это может стать так называемой войной на истощение. У меня прекрасная позиция, — Ленивым движением руки Бишоп повел по разгромленной комнате, — И конечно, все собрались здесь, неважно, понимают они, что происходит, или нет.

Клер не заметила движения Франко, но вздрогнула, почувствовав, как он провел холодными пальцами ей по шее и сильно сжал ее.

— Вот так просто. — Бишоп кивнул Франко. — Хочешь ее — возьми. Меня больше не интересуют любимчики Амелии. Возьми и этих других, если не хочешь придержать их на потом.

Прихлебатель Бишоп повернул голову Клер и обнажил шею.

— Нет... — с отчаянием прошептал Шейн.

Губы Франко коснулись кожи — обжигающие, точно лед.

— Ой! — Франко отдернул голову, — Ах ты, маленькая мошенница.

Используя складку рубашки Клер, он захватил серебряную цепочку и резким движением сорвал ее.

Клер успела подхватить крест.

— Может, это успокоит тебя, дитя мое, — с улыбкой сказал Бишоп.

И тут Франко укусил ее.

— Клер? — Где-то далеко-далеко надрывно звучал голос Евы, — О, бог мой, Клер, слышишь меня? Очнись, пожалуйста, очнись! Ты правда нащупал у нее пульс?

— Да, сердце бьется.

Клер узнала и этот голос. Ричард Моррелл. Как он оказался здесь? Кто вызвал полицию? Она припомнила инцидент с грузовиком... Нет, это было раньше.

Бишоп.

Клер медленно открыла глаза. Все вокруг казалось далеким и смазанным. Ева разразилась потоком слов, смысл которых Клер не улавливала — и даже не пыталась.

«У меня бьется сердце».

Почему-то это казалось особенно важным.

«Шея болит».

Клер медленно подняла руку, прикоснулась к шее и почувствовала там что-то большое, типа скомканной рубашки.

— Нет. — Ричард отвел ее руку. — Не трогай. Ранка еще не закрылась. Тебе нужно полежать спокойно еще час или около того.

— Укус. Он укусил меня! — пробормотала Клер, и как будто алый нож прорезал туман — она вспомнила все. — Не хочу превращаться в...

— Ни в кого ты не превратишься, — сказала Ева, почему-то перевернутая вверх ногами. Нет, просто голова Клер лежала у нее на коленях, и теплые слезы капали на лицо. — Ох, дорогая! С ней ничего не случится? — спросила перевернутая Ева сидящего справа от нее Ричарда.

— Конечно, — ответил тот; выглядел он скверно. — Мне нужно посмотреть, как там отец.

Он отошел, и его место занял кто-то другой.

Шейн. Его теплые пальцы сомкнулись на руке Клер, и только тут она почувствовала, насколько замерзла. Ева нервными движениями подоткнула вокруг нее дорогое бархатистое одеяло.

Шейн молчал.

— Мой крест... — заговорила Клер. Раньше он был у нее в руке; она не знала, где он теперь. — Он порвал цепочку. Как жалко...

Шейн раскрыл ладонь; там лежали цепочка и крест.

— Я подобрал его. Подумал, может, ты захочешь, чтобы он снова был у тебя.

За этими словами крылось что-то невысказанное. Клер посмотрела на Еву, надеясь получить объяснение, но та, в виде исключения, молчала.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — продолжал Шейн. — На этот раз повезло. Франко был не так уж голоден.

Он сомкнул пальцы вокруг креста; рука у него дрожала.

— Шейн?

— Прости, — прошептал он. — Я не мог пошевелиться, просто стоял там.

— Ничего он не «просто стоял», — сказала Ева. — Он отшвырнул Франко через всю комнату и заколол бы его ножкой от кресла, если бы не вмешался Бишоп.

Это было похоже на Шейна.

— Ты не пострадал? — спросила Клер.

— Не очень.

— Ну... — начала Ева, но Шейн повторил:

— Не очень. У меня все нормально, Клер.

Судя по его лицу, в целом так оно и было.

— Сколько времени?

— Шесть пятнадцать, — ответил Ричард с дальнего конца маленькой комнаты, которая, как предположила Клер, служила Амелии чем-то вроде гардеробной.

Наряды, по большей части порванные, грудями лежали на полу. Туалетный столик был сломан, все зеркала разбиты.

Видно, Франко славно позабавился и здесь.

— Шторм достиг нас, — сказала Ева. — Майкл не сумел добраться до Ричарда, зато нашел Джо Хесса. Они эвакуировали людей из убежища. Бишоп это вывело из себя. Он хотел, чтобы между ним и Амелией было как можно больше заложников.

— Значит, здесь остались только мы?

— Мы и люди Бишопы, которые не ушли. И знаменитый Фрэнк Коллинз со своей бешеной шайкой. Они ворвались в вестибюль и теперь воображают, будто одержали победу. — Ева закатила глаза, на мгновение снова став самой собой. — Только мы и всякие отморозки.

Это что, и к Ричарду относится? Нет. Если кто в Морганвилле честно старался поступать правильно, так это Ричард Моррелл.

Ева проследила за взглядом Клер.

— Да, его отец пострадал, не давая Бишопу ворваться в подвал. Ричард пытается помочь ему и матери. Между прочим, мы были правы насчет Салливана. Предатель! Твои предчувствия оправдались. Хотела бы я, чтобы и на меня что-нибудь снизошло. К примеру, догадка, как нам выбраться отсюда.

— Вряд ли это реально, — заметила Клер.

— Даже в окно не вылезешь, — согласилась Ева, — Мы заперты здесь. Непонятно, куда подевался Бишоп со своим чокнутым дружкой. Ищет Амелию, наверное. Хорошо бы они просто поубивали друг друга!

На самом деле Ева так не думала, но Клер понимала ее чувства, хотя и не могла разделить их, ощущая себя отстраненной и какой-то равнодушной.

— Что происходит снаружи?

— Понятия не имею. Тут нет никаких раций. Мы по уши...— Лампочки замигали и погасли, погрузив комнату во тьму, — В дерьме. О господи! Это я, что ли, накликала?

— Здание обесточено, по-видимому, — сказал Ричард. — Наверное, виноват шторм.

Или вампиры постарались. Клер не произнесла этого вслух, но была почти уверена.

Шейн по-прежнему сжимал ее руку.

— Шейн?

— Я тут. Не волнуйся.

— Прости, прости меня!

— За что?

— Не нужно было сердиться на тебя... ну, раньше, из-за твоего отца...

— Ерунда, — мягко сказал Шейн, — Все в порядке, Клер. Просто отдыхай.

Отдыхать? Она не могла отдыхать. Реальность навалилась на нее, напомнив о боли, о страхе и, что важнее всего, о времени.

Возник противоестественный, какой-то призрачный звук, похожий на вой; он становился все громче.

— Что это? — спросила Ева и тут же ответила сама: — Штормовые сирены. Одна из них на крыше.

Вой продолжал нарастать, то чуть затихая, то усиливаясь, но сквозь него прорывался еще какой-то звук... может, стремительно несущейся воды? Или...

— Нужно найти укрытие. — Ричард включил фонарик и осветил лица Евы, Шейна и Клер, — Вы, ребята, унесите ее отсюда. Вон там самый прочный угол. Эта сторона выходит на улицу.

Клер попыталась встать, но Шейн подхватил ее на руки, понес и усадил спиной к стене, а потом они с Евой укрыли ее одеялом. Луч фонарика метнулся в сторону, и Клер успела разглядеть мэра Моррелла. Вообще-то он был полным мужчиной, с улыбочивым, гладким лицом настоящего политика, но сейчас мало походил на самого себя — постарел, как будто съежился внутри своего костюма и выглядел очень, очень больным.

— Что с ним? — шепотом спросила Клер.

— Сердечный приступ. — Дыхание Шейна шевелило ей волосы. — По крайней мере, так думает Ричард. Выглядит неважно.

Так оно и было. Мэр, хватая ртом воздух, прислонился к стене в нескольких футах от них; жена (Клер раньше видела ее только на фотографиях) хлопала его по руке и успокаивающе бормотала что-то. Лицо мэра было пепельно-серым, губы посинели, в глазах металась паника.

Вернулся Ричард, неся еще одно толстое одеяло и подушки.

— Все укройте, — сказал он. — И головы не поднимайте.

Укрыв родителей, он присел рядом с ними на корточки, тоже завернувшись в одеяло.

Снаружи ярился ветер. Что-то ударялось о стены с глухим стуком, как во время игры в бейсбол.

— Осколки, — сказал Ричард и направил луч фонарика на ковер перед ними. — Возможно, град. Возможно все.

Сирена резко смолкла, но это привело лишь к тому, что прорывающийся сквозь нее шум зазвучал громче; теперь он напоминал вой или вопль, все более низкого тона.

— Похоже на гудок паровоза, — потрясенно сказала Ева. — Проклятье, а я-то надеялась, что это вранье, все разговоры о поезде...

— Головы вниз! — закричал Ричард.

Все здание начало содрогаться, доски пола вибрировали, стены гнулись, по ним побежали трещины.

Потом шум перешел в устойчивый, оглушительный вой, и вся наружная стена провисла, рассыпалась на кирпичи, обломки дерева и... исчезла. Рваная ткань в комнате поднялась в воздух, словно стая испуганных птиц, распадаясь на еще более мелкие куски под напором ветра и ударами осколков.

Шторм завывал, словно обезумев. Вокруг летали обломки мебели и осколки зеркал, врезаясь в стены и одеяла, под которыми прятались люди.

Сквозь вой ветра донесся сильный скрип. Клер подняла голову и увидела, что потолок провисает. Вниз полетели пыль и штукатурка, Клер крепче вцепилась в Шейна.

А потом крыша рухнула на них.

Клер не знала, сколько это продолжалось; казалось, целую вечность. Визг, дрожь, грохот падающих вещей.

Наконец, очень постепенно, все прекратилось, снова послышался стук дождя, поливающего пыльную грудку дерева. Просачиваясь, струйки стекали по лицу Клер.

Рука Шейна переместилась ей на плечо — скорее судорожное, чем сознательное движение, — а потом он отпустил Клер и вскинул руки. С грохотом посыпались осколки. Им повезло, осознала Клер, — тяжелая деревянная балка чудом удержалась под углом над их головами, приняв на себя тяжесть самых больших обломков.

— Ева?

Клер нащупала ее руку. Ева сидела с закрытыми глазами, по щеке ее стекала струйка крови, лицо стало цвета штукатурки.

Ева почувствовала прикосновение, веки ее затрепетали, и она закашлялась.

— Мама? — Ее голос звучал так потерянно, что у Клер защипало в глазах. — О господи! Что произошло? Клер?

— Мы живы, — с оттенком удивления ответил Шейн, стряхивая с головы Клер щепки и штукатурку. Ее тоже одолел кашель. Дождь продолжал долбить под углом, промачивая одеяла, которыми они были накрыты, — Ричард?

— Я тут, — ответил тот. — Папа? Папа...

Фонарик куда-то подевался, то ли укатился, то ли его унесло ветром. Вспыхнула молния, осветив все, как днем, и Клер увидела, что обрушившийся на них шторм все еще гуляет по Морганвиллю, ломая дома и подбрасывая в воздух фонтаны осколков.

Картина казалась какой-то нереальной.

Шейн помог сдвинуть балку с ног Евы — слава богу, они оказались не сломаны, просто в синяках — и пополз через весь этот разгром к Ричарду, который отряхивал мать. Она вроде бы не пострадала, но плакала и выглядела напуганной.

А вот отец...

— Нет... — Положив отца на пол, Ричард принялся ощупывать и оглядывать его. На лице самого Ричарда кровоточили порезы, но, казалось, собственное состояние меньше всего волнует его. — Шейн! Делай ему искусственное дыхание!

Заколебавшись на мгновение, Шейн отклонил голову мэра назад.

— Так?

— Дай я! — вмешалась Ева. — Я обучалась этому.

Она подползла к распростертому на полу мэру, сделала глубокий вдох и выдула воздух ему в рот. Похоже, все это требовало немалых усилий, в том числе и то, что делал Ричард — ритмично надавливал на грудь отца, снова и снова. Мысленно ведя счет, Ева выдохнула воздух, снова сделала вдох и повторила процедуру. И опять. И опять.

— Я схожу за помощью, — сказала Клер, понятия не имея, где можно найти эту самую помощь. Но надо же как-то действовать. Однако, поднявшись, она почувствовала головокружение и вспомнила слова Ричарда о том, что она потеряла много крови, — Я буду идти медленно.

— Я с тобой, — сказал Шейн, но Ричард схватил его и потянул вниз.

— Нет! Давай теперь ты, — Он показал Шейну, куда положить руки, и дождался, пока тот начал повторять его движения. Вытащил из-за пояса воки-токи и бросил Клер. — Иди. Нам нужны медики.

И неожиданно рухнул. Клер только сейчас осознала, что из его бока торчит большой кусок металла. На мгновение она замерла в ужасе, а потом набрала на воки-токи код.

— Алло? Алло, ответьте!

Статика. Если кто-то и получил ее вызов, она сама ничего не слышала сквозь шум помех и дождя.

— Я должна идти! — закричала она Шейну.

— Нет!

Но он не мог остановить ее, разве что оставил бы мэра умирать, и, бросив на Клер беспомощный, полный отчаяния взгляд, вернулся к своему делу.

Клер перелезла через грудку осколков и сквозь сломанную дверь прошла в главную комнату.

Никаких признаков Бишопа и Франко. Если комната прежде выглядела разгромленной, то теперь стала совершенно неузнаваемой. Значительная часть здания исчезла, просто... исчезла. Пол скрипел и

колебался под ногами. Клер торопливо зашагала к выходной двери. Она все еще держалась на петлях, но когда Клер дернула ее, часть рамы отошла от стены.

Коридор на первый взгляд пострадал мало, вот только крыши — и, соответственно, всего верхнего этажа — уже не было. Клер побежала вперед, радуясь, что вспышки молний освещают дорогу.

Лестница тоже, похоже, уцелела. Тут и там на ней жались друг к другу испуганные люди.

— Требуется помощь! — закричала Клер, проходя мимо них, — Там наверху пострадали люди... Может кто-нибудь...

Потом где-то этажом ниже возник крик, издаваемый одновременно множеством людей. Те, кто сидел на ступеньках, вскочили и бросились вверх, навстречу Клер.

— Нет! — закричала она. — Туда нельзя!

Однако ее оттолкнули с дороги, и мимо промчалось человек пятьдесят. Непонятно было, куда они направляются.

Но по-настоящему она опасалась того, что их объединенный вес может обрушить эту часть здания вместе с комнатой, где находились Ева, Шейн и Морреллы.

— Клер! — окликнул ее Майкл. Он выбежал из двери первого этажа, перескакивая через ступени, в несколько прыжков добрался до Клер и, не дав ей запротестовать, подхватил на руки, словно немощную. — Не вырывайся! Я унесу тебя отсюда.

— Нет! Нет, иди наверх. Шейн... и другие, им нужна помощь. Оставь меня здесь, беги туда!

— Это невозможно.

Он посмотрел вниз, и она проследила за его взглядом.

На нижнюю площадку хлынули вампиры, сражаясь друг с другом. Люди, случайно оказавшиеся между ними, с криками падали на пол.

— Ладно, тогда вверх, — вздохнул Майкл.

Казалось, они одним мощным прыжком взлетели в воздух и с кошачьей грацией приземлились на площадке третьего этажа.

— Что происходит?

Клер изогнулась и взглянула вниз, но понятнее не стало. Просто толпа сражающихся друг с другом людей; не разберешь, кто на чьей стороне и почему вообще они дерутся так яростно.

— Там внизу Амелия, — ответил Майкл, — Бишоп пытается добраться до нее, но быстро теряет сторонников. Она застала его врасплох, когда разразился шторм.

— А что же люди... в смысле, обычные люди? Отец Шейна и другие, которые хотели захватить власть?

Майкл ногой распахнул дверь третьего этажа. Там, в лишенном крыши коридоре, толкались испуганно бормочущие люди, те самые, которые пробежали мимо Клер. Выпустив клыки, Майкл оскалился, и они бросились врассыпную, разбежались по внутренним помещениям, пострадавшим меньше других, главным образом от дождя.

Проталкиваясь среди тех, кто не успел убежать, Майкл помчался в конец коридора.

— Здесь? — Он поставил Клер на ноги; его взгляд замер на ее шее, — Кто-то укусил тебя.

— Ничего страшного, — Клер прикрыла ранку рукой; на ощупь края казались шероховатыми, и, похоже, оттуда все еще сочилась кровь, хотя, может, это был дождь. — Я в норме.

— Не похоже.

Порыв ветра сдвинул воротник, и на шее самого Майкла стали видны белые отметины.

— Майкл! Тебя тоже покусали?

— Как ты говоришь, ничего страшного. Послушай, можно поговорить об этом позже. Пошли к друзьям.

Клер открыла дверь, шагнула через порог, и... пол под ней начал оседать.

Наверное, она кричала, но слышала лишь жуткий треск — это здание разваливалось на части под ней и вокруг. Она повернулась к Майклу, замершему в дверном проеме в ослепительном свете молнии. Протянула к нему руку, он вцепился в нее, и она зависла в вихре пыли и ветра над рушившимся полом. Майкл продолжал тянуть, она вознеслась в воздух и упала в его объятия.

— Ох! Спасибо... — пролепетала она.

Он замер на мгновение, а потом спросил:

— Есть другой путь туда?

— Не знаю.

Отступив, слева они обнаружили еще один кабинет с устрашающими трещинами на стенах. Пол и тут казался неустойчивым. Майкл толкнул Клер себе за спину и велел:

— Прикрой глаза.

Он принялся выламывать стену между кабинетом и апартаментами Амелии. Под его ударами кирпичи рассыпались в красную пыль.

— От этого все только еще скорее развалится! — закричала Клер.

— Знаю, но мы должны вытащить их оттуда!

Пробив в стене большую дыру, он приготовился протиснуться в нее. Все здание содрогалось — казалось, отдельные его части продолжают смещаться.

— Тут пол еще держится, — сказал он. — Остайся, пойду я.

— Вон та дверь, слева! — крикнула Клер.

Майкл исчез, двигаясь быстро и грациозно.

Внезапно в голове у Клер мелькнул вопрос: интересно, почему он не внизу? Почему не сражается вместе с остальными сторонниками Амелии?

Минуты две она напряженно вглядывалась сквозь дыру, но, казалось, ничего не происходило; никаких звуков тоже не доносилось. Потом за ее спиной послышался крик.

«Вампиры!» — решила она и попыталась распахнуть дверь коридора.

Однако с той стороны кто-то с силой навалился на нее, отбросив Клер назад. Франко. Она попыталась закрыть дверь, но белая рука в пятнах крови просунулась в щель и ухватилась за край, расширяя ее.

В облике Франко не осталось ничего человеческого; охваченный отчаянием, озабоченный лишь тем, чтобы выжить, он к тому же был очень, очень зол.

Клер попятилась и уперлась спиной в дальнюю стену. Оглянувшись, но не обнаружила ничего существенного, что можно было бы использовать как оружие... письменный стол, в стакане карандаши и ручки...

Франко злобно засмеялся.

— Думаешь, вы победили. А вот и нет!

— Думаю, если у кого и есть неприятности, то это у тебя, — сказал Майкл и пролез в дыру, держа мэра на руках. За ним последовали Ева и Шейн, которые несли обмякшее тело Ричарда. Последней появилась миссис Моррелл, — Прочь с дороги. Если побежишь, я не стану догонять тебя.

Глаза Франко вспыхнули, как рубины, и он бросился на Майкла, по-прежнему держащего на руках мэра. Клер выхватила из стакана карандаш и вонзила его в спину Франко.

Он повернулся с удивленным видом и... медленно сполз на ковер.

— Это не убьет его, — сказал Майкл.

— Все равно классно получилось! — воскликнула Ева.

Клер схватила Франко за руки и оттащила с дороги, стараясь, чтобы не выпал карандаш — неизвестно, насколько глубоко он вонзился. Майкл обошел лежащего и выглянул в коридор.

— Чисто. По крайней мере, сейчас. Пошли.

Заливаемые дождем, они пошлепали по пропитавшемуся водой ковру. Одни люди прятались в кабинетах, другие просто прижимались к стенам, надеясь, что их не заметят.

— Нужно уходить отсюда, прежде чем здание рухнет! — крикнула им Ева.

Сражение на лестнице продолжалось — рычание, вопли, тяжелые удары. Клер боялась даже взглянуть через перила. Майкл повел их к запертой двери второго этажа, потянул за ручку, и она... отвалилась, но дверь не открылась.

— Эй, Майкл! — крикнул Шейн, перегнувшись через перила и посмотрев вниз. — Там мы точно не пройдем.

— Знаю!

— А время...

— Знаю, Шейн!

Майкл принялся ногой колотить в дверь, но она была толстой и крепкой и не поддавалась.

А потом внезапно открылась... изнутри.

Там, все еще в своем странноватом, потрепанном бархатном пальто, стоял Мирнин.

— Заходите. И побыстрее, — сказал он.

Мгновенное ощущение дезориентации подсказало Клер, что дверь представляла собой портал, но никого предупредить она не успела. И конечно, пройдя через нее и оказавшись в лаборатории Мирнина, все были ошеломлены. Это, однако, не остановило Майкла. Скинув с лабораторного стола осколки стеклянной посуды, он положил на него мэра и бледными пальцами прикоснулся к его горлу. Не почувствовав пульса, вместе с Евой снова начал делать искусственное дыхание.

Мирнин стоял, сложив на груди руки и нахмурившись.

— Кто все эти люди? — спросил он, кивнув на тех, кто вслед за друзьями заходил внутрь, — У меня тут не гостиница, знаешь ли.

— Помолчите! — прикрикнула на него Клер; в данный момент ей было не до Мирнина, — Как он? — спросила она, имея в виду Ричарда, которого Шейн укладывал на потертый коврик у дальней стены.

— В смысле, помимо того, что из него торчит кусок металла? Понятия не имею. По крайней мере, дышит.

Люди, пройдя через портал, сбивались небольшими группками. Они понятия не имели, где оказались, и это было хорошо. Если кто-то из них и входил в шайку Франко, мечтающего захватить власть, то теперь их амбиции развеялись как дым. Теперь это были просто до смерти напуганные люди.

— Поднимайтесь по лестнице, — сказала им Клер, — Там есть выход на улицу.

Все ринулись в указанном направлении. Она от всей души надеялась, что люди сумеют добраться домой или в какое-нибудь другое безопасное место.

Мирнин вперил в нее сердитый взгляд.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что это секретная лаборатория? И теперь половина Морганвилля знает, где она находится.

— Послушайте, не я открыла дверь, это вы сделали, — Она положила руку ему на плечо, заглянула в глаза, — Спасибо. Вы спасли нам жизнь.

Он удивленно уставился на нее.

— Правда?

— Я понимаю, почему вы не принимаете участия в сражении. Лекарство удерживает вас от этого. Но... Майкл?

Мирнин проследил за ее взглядом, устремленным на Еву и Майкла, которые все еще трудились над бесчувственным мэром.

— Амелия отпустила его, — объяснил он. — Пока. В любой момент она может снова призвать его, но, думаю, понимает, что тебе требуется помощь, — Подойдя к Майклу, Мирнин коснулся его плеча, — Бесполезно. Я ощущаю в нем запах смерти. Ты тоже можешь его почувствовать, если постараться. Этого человека не вернуть.

— Нет! — воскликнула миссис Моррелл и метнулась к телу мужа. — Нет, вы должны попытаться!

— Они сделали что могли. — Мирнин отошел и прислонился к стене. — Больше, чем стал бы делать я. — Он кивнул на Ричарда. — Вот он, по-моему, еще жив. Правда, удалить этот кусок металла может только хирург, — Внезапно глаза Мирнина вспыхнули красным, — Знаю, тебе хотелось бы, чтобы я испытывал к ним сочувствие, но это не про меня. Я забочусь лишь о тех, кого знаю, но и в этом случае не так уж сильно. А на чужаков мне вообще наплевать.

Он уже соскальзывал в пропасть безумия, гнев возвращался; следующий этап — спутанность сознания. Клер сунула руку в карман, достала единственный стеклянный пузырек — о чудо! — не разбившийся.

Мирнин сердито оттолкнул ее руку. Пузырек выпал и покатился по полу, Клер с замиранием сердца не сводила с него взгляда.

— Я в нем не нуждаюсь!

— Еще как нуждаетесь! И знаете это. Пожалуйста, Мирнин. Сейчас я меньше всего хочу слушать, как вы несете вздор. Примите лекарство!

Она думала, он не послушается, но Мирнин насмешливо фыркнул, наклонился, поднял пузырек, откупорил его и вылил жидкость в рот.

— Удовлетворена? — Он раздавил пузырек в пальцах, и красный огонь в его глазах запылал еще ярче. — Приятно отдавать мне приказы, маленькая Клер?

— Мирнин...

Его рука стиснула ей горло, не давая договорить.

Клер замерла.

Рука сильнее не сжалась.

Красное мерцание медленно уходило из его глаз, сменившись выражением стыда. Он отпустил Клер и отступил, повесив голову.

— Не знаю, где найти врача, — заговорила она, как будто ничего не произошло, — Может, в больнице? Или...

— Нет, — пробормотал Мирнин, — Я схожу за помощью. Не позволяй им тут ничего трогать. И приглядывай за Майклом на всякий случай.

Мирнин открыл портал в стене и шагнул в него, направляясь... куда? Она понятия не имела. Вроде бы Амелия закрыла все узлы. Но в таком случае как они оказались здесь?

Наверное, Мирнин мог по своей воле открывать и закрывать порталы; скорее всего, только он и мог.

Майкл и Ева отошли от тела мэра; плачущая жена склонилась над ним.

— Что нам теперь делать? — с жалким видом спросил Шейн.

В процессе всей этой сумятицы его неприятие Мирнина как-то отошло на второй план, и Клер порадовалась этому.

— Ничего, — ответил Майкл, — Только ждать.

Когда портал открылся снова, в лабораторию вошел Мирнин и помог еще кому-то перешагнуть через порог.

Это оказался Тео Голдмен со старомодным докторским саквояжем в руке. Оглянувшись, он кивнул Клер и направился к лежащему на ковре Ричарду, голова которого покоилась на коленях матери.

— Отодвиньтесь, пожалуйста, — сказал он ей, опустился на колени и открыл саквояж. — Мирнин, уведи ее в другую комнату. Это зрелище не для материнских глаз.

Он достал инструменты, закатанные в чистое белое полотенце. Мирнин увел миссис Моррелл в дальний угол и усадил ее в кресло, где обычно читал. Она, казалось, оцепенела; наверное, не могла прийти в себя после всего происшедшего. Кресло было чуть ли не единственной уцелевшей в лаборатории вещью — научные приборы и лампы разбиты, лабораторные столы перевернуты, свечи поломаны.

От сложенных в углах и сожженных книг остались лишь клочки кожи и черный пепел. В помещении ощущался острый запах химикалий и горения.

— Помочь?

Майкл присел на корточки с другой стороны от Ричарда. Тео достал несколько пар латексных перчаток, одну протянул Майклу, другую надел сам.

— Ты можешь сыграть роль медсестры, друг мой. Я привел бы сюда жену — она много лет обучалась этому, — но не хотелось оставлять детей одних. Они и без того сильно напуганы.

— Но они в безопасности? — спросила Ева. — Никто вас не беспокоил?

— Разве что изредка стучали в дверь, — ответил Тео, — Прекрасное укрытие. Спасибо вам.

— Ну, сейчас вы расплачиваетесь с нами, — сказала Ева, — Сможете спасти его? Пожалуйста.

— Все в руках Божьих, не в моих, — Тем не менее глаза Тео вспыхнули, когда он изучал изогнутую металлическую пластину, торчашую из бока Ричарда. — Хорошо, что он без сознания, однако во время процедуры может очнуться. В саквояже есть хлороформ. Ты Майкл? Пожалуйста, Майкл, смочи хлороформом клочок ткани и будь готов накрыть ему рот и нос, когда я скажу.

К тому моменту, когда Тео крепко ухватил кусок стали, нервы Клер совсем сдали, и она отвернулась. Ева уже отошла к миссис Моррелл и накинула ей на плечи одеяло.

— Где моя дочь? — спросила жена мэра, — Моника должна быть здесь. Я не хочу, чтобы она болталась там одна.

Ева вопросительно посмотрела на Клер.

— В последний раз я видела ее в университете, — ответила та. — Но это было до того, как я ушла домой, и больше мне ничего не известно. В общежитии есть убежище. Может, она там? — Она проверила свой сотовый телефон — связи не было. Прием в этой лаборатории и раньше был нестабильный, но

обычно на экране появлялись хотя бы коротенькие полоски, — Думаю, вышки сотовой связи не работают.

— Да, наверное, — согласилась Ева, подтыкая одеяло вокруг миссис Моррелл, которая откинула голову назад и закрыла глаза, как будто силы совсем оставили ее. — Думаешь, Мирнин поступил правильно? В смысле, мы же ничего не знаем об этом человеке.

Клер и впрямь мало что знала о Тео, но, вопреки здравому смыслу, ей хотелось испытывать к нему симпатию — примерно так, как это происходило с Мирнином.

— Думаю, все будет в порядке. И вдобавок на дом сейчас врача не вызовешь.

Операция — а это была операция с наложением швов и всем полагающимся — заняла часа два. В конце концов Тео откинулся назад, снял перчатки и удовлетворенно вздохнул.

— Ну, вот.

Клер и Ева подошли к нему. Майкл встал. Шейн все время болтался рядом, наблюдая за происходящим с нездоровой зачарованностью.

— Пульс у него устойчивый, — объяснял Тео. — Он потерял некоторое количество крови, но инфекция внутрь не проникла, и, думаю, все будет в порядке. К тому же в этом веке появилась такая замечательная вещь, как антибиотики. Значит, все не так плохо, — Тео почти сиял, — Должен сказать, я много лет не применял на практике свои хирургические навыки. Очень волнующе. Правда, я сильно проголодался.

— Спасибо. — Миссис Моррелл встала, отложила одеяло, подошла к Тео и пожала ему руку. — Я прослежу, чтобы муж отблагодарил вас.

Все обменялись удивленными взглядами. Майкл открыл рот, собираясь что-то сказать, но Тео покачал головой.

— Все и так прекрасно, дорогая леди. Я счастлив помочь. Недавно я сам потерял сына и знаю, что такое горе.

— Ох, соболезную, сэр.

Миссис Моррелл сказала это таким тоном, как будто не отдавала себе отчета в том, что ее мертвый муж лежит в этой же комнате.

Слезы сверкнули в глазах Тео, но он сморгнул их, улыбнулся и мягко похлопал ее по руке.

— Вы очень великодушны. Нам всегда нравилось жить в Морганвилле, знаете ли. Люди такие добрые.

— Некоторые из этих добрых людей убили вашего сына, — сказал Шейн.

Тео устремил на него спокойный, твердый взгляд.

— Если нет прощения, никогда не будет и мира. Говорю это с позиции прожитых столетий. Мой сын отдал свою жизнь, и я не оскорблю его дар гневом, даже направленным на тех, кто отнял его у меня. Все эти бедные, несчастные люди проснутся завтра утром и будут оплакивать свои потери — если вообще выживут. Как ненависть к ним исцелит мою печаль?

Мирнин, до этого помалкивающий, пробормотал:

— Ты заставил меня устыдиться, Тео.

— Это не входило в мои намерения. А теперь мне пора вернуться к семье. Желаю вам всего хорошего.

Мирнин подвел Тео к порталу, и тот ушел. Все провожали его взглядами, миссис Моррелл со странным, почти радостным выражением в глазах.

— Удивительно. Хотелось бы, чтобы мистер Моррелл имел возможность встретиться с ним.

Она произнесла это таким тоном, как будто он был на заседании в даунтауне, а не лежал под простыней в другом конце комнаты. Клер содрогнулась.

— Пошли посмотрим, как там Ричард.

С этими словами Ева увела ее.

— Хотелось бы, чтобы это было так просто, как говорит Тео, — перестать ненавидеть, — заметил Шейн, глядя на миссис Моррелл. — Мне правда хотелось бы этого.

— Ну, по крайней мере, у тебя есть желание, — откликнулся Майкл. — Это начало.

Ночь они провели в лаборатории, снаружи не утихал шторм, хлестал дождь, временами переходящий в град. Клер то и дело проверяла свой телефон; Ева нашла в грудe хлама портативное радио, и они слушали все новостные выпуски.

Новости как таковые появились примерно в три часа ночи, на аварийной частоте.

«Жителям Морганвилля и окрестностей: штормовое предупреждение сохраняется до семи часов сегодняшнего утра. Существует серьезная угроза сильного, порывистого ветра и наводнения. Спасательные отряды направляются к ратуше, частично разрушенной штормом наряду с некоторыми складами, заброшенными строениями и одним зданием на площади Основателя. Поступают многочисленные рапорты о пострадавших. Просим сохранять спокойствие. Спасательные отряды работают по всему городу, разыскивая всех, кому требуется помощь. Оставайтесь там, где вы сейчас, не пытайтесь самостоятельно выходить на улицы».

Дальше шло повторение. Хмурая Ева посмотрела на Мирнина.

— О чем они умалчивают?

— Могу лишь предположить, что настойчивый призыв к людям оставаться в своих домах означает наличие других, гораздо более безотлагательных проблем, — На мгновение его взгляд устремился куда-то вдаль, — Там же ничего.

Ева подумала, что ослышалась.

— Что?

— Там же ничего, Карло.

Мирнин снова начал бормотать всякую бессмыслицу. Это всегда было предвестником того, что лекарство перестает действовать, правда, сейчас это происходило быстрее, чем ожидала Клер, и ей это совсем не понравилось.

Ева бросила на Клер встревоженный взгляд.

— Что-то я ни черта не понимаю...

Клер положила руку на плечо Евы, давая понять, что выспрашивать больше не стоит.

— Может, посмотришь, как там миссис Моррелл? И ты тоже иди с ней, Шейн.

Он нахмурился, но не стал спорить и на ходу бросил многозначительный взгляд на Майкла, сидящего рядом с Ричардом. Тот тоже поднялся и последовал за ними.

— Мирнин, выслушайте меня, ладно? — заговорила Клер. — Думаю, действие препарата заканчивается.

— Я в полном порядке! — Его возбуждение нарастало — лицо слегка покраснело, глаза блестели, — Ты беспокоишься о ноутбуке.

Не имело смысла указывать ему на признаки спутанности сознания; он никогда не мог распознать их.

— Нужно проверить тюрьму, — сказала она. — Посмотреть, все ли там в порядке.

Мирнин улыбнулся.

— Хочешь обмануть меня, — В его глазах клубился бездонный мрак, в улыбке проглядывало безумие. — Ох, девочка, ты понятия не имеешь, каково это — толпы гостей здесь, и вся эта... — он сделал глубокий вдох, — вся эта кровь. — Его взгляд сосредоточился на ее горле с наложенной Тео повязкой, под которой скрывался след от укуса Франко, — Я знаю, она там, эта отметина. Скажи, Франко...

— Прекратите! — Клер сжала пальцы с такой силой, что ногти вонзились в ладонь. Мирнин сделал шаг к ней, но она заставила себя не дрогнуть. Она знала его, знала, чем притягивает, — Вы не причините мне вреда. Я нужна вам.

— Правда? Ну да, нужна. Яркая, такая яркая. Я ощущаю твою энергию. Знаю, что почувствую, когда... — Он несколько раз мигнул, лицо его исказилось от ужаса, — Что я сказал, Клер? Что я секунду назад сказал?

Она была не в силах повторить его слова.

— Ничего. Не волнуйтесь. Но, думаю, вам лучше отправиться в камеру. Пожалуйста.

Сейчас он выглядел опустошенным. Наверно, это была худшая составляющая болезни — быстрая смена настроения. Он старался держаться, очень старался, и у него получалось, до какого-то момента — однако вряд ли это продлится долго. Прямо у нее на глазах он разваливался на части.

Опять.

Майкл подтолкнул его к portalу.

— Пошли. Клер, ты сможешь открыть портал?

— Если он не будет мешать мне, — нервно ответила она. Припомнилось, как однажды его паранойя взяла верх, и каждый раз, когда она пыталась открыть портал, он захлопывал его, уверенный, что по ту сторону ожидает кто-то, жаждущий его уничтожить. — Жаль, что у нас нет транквилизаторов.

— Да, их нет, — сказал Мирнин, — И ты знаешь, я терпеть не могу твои уколы. Я буду вести себя хорошо и без них. — Он засмеялся. — В основном.

Клер открыла портал, однако за ним не было ясно обозначенного выхода в тюрьму; и Клер почувствовала, что он смещается.

— Мирнин, прекратите!

Он театральным жестом развел руками.

— Я тут ни при чем.

Она попыталась еще раз. Соединение снова начало смещаться, и не успела Клер выправить его, чтобы попасть туда, куда собиралась, возникли очертания совершенно другого места.

Из портала практически вывалился Тео Голдмен.

— Тео! — Мирнин подхватил его, забыв о своем раздражении, по крайней мере на данный момент, и усадил, прислонив к стене, — Ты ранен?

— Нет, нет, нет... — Тео тяжело дышал, хотя и не нуждался в воздухе; ну, в том смысле, как обычные люди. Это была чисто эмоциональная реакция, — Пожалуйста, ты должен помочь! Умоляю! Спаси мою семью, пожалуйста...

Мирнин присел на корточки и заглянул ему в глаза.

— Что произошло?

Слезы хлынули по добром, морщинистому лицу Тео.

— Бишоп. Бишоп захватил мою семью. Говорит, если не получит Амелию и книгу, убьет их всех.

14

Тео, конечно, пришел не прямо из кафе «Встреча»; Бишоп привел его к одному из открытых порталов — Тео не знал к которому — и заставил пройти через него.

— Нет! — Он вскинул руку, останавливая Майкла, сделавшего шаг к нему. — Нет, не ты. Ему нужны только Амелия и книга, а я не хочу, чтобы и дальше проливалась невинная кровь, ни твоя, ни моя. Пожалуйста, Мирнин. Знаю, ты можешь найти и привести ее. Это не наша схватка. Это семейное дело: отец и дочь. Поставить точку могут только они сами, встретившись лицом к лицу.

Мирнин вперил в него долгий взгляд.

— Ты хочешь, чтобы я предал Амелию, привел ее к отцу?

— Нет-нет, я прошу не об этом. Просто... Просто расскажи ей, какова будет цена. Амелия сама придет. Знаю — она придет.

— Она не придет, — сказал Мирнин. — Я этого не допущу.

Тео разрыдался, и Клер прикусила губу.

— Неужели вы не можете помочь ему? — спросила она. — Должен быть способ!

— О, конечно, — ответил Мирнин. — Конечно, он есть. Но тебе он придется не по душе, малышка Клер. Он грязный и нелегкий. И он снова потребует от тебя огромного мужества.

— Я готова!

— Нет! — практически одновременно воскликнули Шейн и Майкл. — Ты едва на ногах стоишь, Клер, — продолжил Шейн. — И никуда не пойдешь. По крайней мере, без меня.

— И без меня, — добавил Майкл.

— Черт! Видимо, это означает, что я тоже иду, — сказала Ева. — Чего никогда тебе не прошу, даже если не умру ужасной смертью.

Мирнин скользнул взглядом по их лицам.

— Да, вы все пойдете. — Он растянул губы в безумной — как у резиновой куклы — улыбке, — Вы лучшие игрушки, которые мне когда-либо попадались. Поиграть с вами... это будет такая забава!

Последовала пауза. Потом заговорила Ева.

— Вы хотели нагнать на нас ужас? Я уже дрожу от страха.

Ликующее выражение ушло из глаз Мирнина, сменившись отчаянием, слишком хорошо знакомым Клер.

— Оно приближается, Клер. Безумие. Я боюсь. Я не знаю, что делать. Я чувствую, оно совсем рядом.

Она взяла его за руку.

— Понимаю. Пожалуйста, постарайтесь. Вы так нужны нам сейчас! Можете продолжать?

Он кивнул, почти конвульсивным движением.

— В ящике под черепами. Последняя доза. Я спрятал ее, а потом забыл.

Такое уже бывало; он прятал вещи, а потом иногда случайно вспоминал об этом — или забывал навсегда. Клер бросилась в дальний угол комнаты, рядом со спящим Ричардом, туда, где Мирнин развесил на стене ряд черепов, и начала выдвигать под ними ящик за ящиком. По его словам, все черепа принадлежали людям, погибшим естественной смертью, никто из них не был жертвой насилия. Ну, говорить можно что угодно...

В последнем ящике, засунутые за древние пергаментные свитки и придавленные скелетом летучей мыши, лежали два пузырька коричневого стекла. В одном оказались красные кристаллы, в другом серебряный порошок.

Она сунула пузырек с порошком в карман джинсов — не в тот, в котором была дыра от ножа — и вернулась к Мирнину с красными кристаллами. Он положил пузырек во внутренний карман пальто.

— Вы не хотите принять их?

— Пока нет, — ответил он; это заявление ужасно напугало ее. — Я еще какое-то время смогу держать себя в руках. Обещаю.

— Ну и каков план? — спросил Майкл.

— Вот.

Клер почувствовала, как позади открылся портал. Мирнин схватил ее за рубашку, размахнулся и с силой швырнул в него.

Казалось, она падала долго, очень долго, но в конце концов ударилась о землю и покатилась. Открыв глаза, она ничего не увидела, такая вокруг стояла тьма; зато почувствовала запах гниения и старого вина.

Нет!

Она знала, куда попала.

Попыталась встать, но тут кто-то врезался в нее сзади... Шейн, судя по тому, что он сердито выругался. Извернувшись, она шлепнула его по рту, заставив замолчать на полуслове.

— Тсс!

Впрочем, их катание по полу сопровождалось шумом, который наверняка прозвучал как звонок к обеду, отчетливый и громкий.

«Черт бы вас побрал, Мирнин!»

Холодная рука сжала запястье и потащила ее от Шейна; ударив по ней, Клер почувствовала бархатный рукав.

Мирнин.

Шейн поднялся на ноги.

— Майкл, ты видишь? — на диво спокойно спросил Мирнин.

— Да.

— Тогда беги, чтоб тебя! Они со мной!

Сам Мирнин тоже побежал. Чуть не выдернув Клер руку из сустава, он потащил ее за собой; Шейн пыхтел с другой стороны. Ногой Клер наткнулась на что-то упругое — может, тело? — и вскрикнула. Эхо покатилося по огромному помещению, и в ответ со всех сторон слышались звуки, похожие на шорох, постукивание, скольжение; и они приближались.

Кто-то схватил ее за щиколотку, и на этот раз Клер завопила. Ощущение было такое, словно это проволочная петля, но, попытавшись содрать ее, она почувствовала тонкие, костлявые пальцы и ногти, похожие на когти.

Мирнин резко остановился и топнул ногой. Щиколотка освободилась, во тьме послышался крик ярости.

— Быстрее! — закричал он; не на них, на Майкла, поняла Клер.

Впереди замаячило светлое пятно. Портал? Обычно такое мерцание возникало перед его открытием.

Мирнин отпустил руку Клер и подтолкнул ее вперед.

И снова она упала; на этот раз на Майкла. А сверху свалился Шейн. Хватая ртом воздух и извиваясь, они разделились. Майкл помог встать Еве.

— Я знаю, где мы, — сказала Клер, — Это здесь Мирнин...

Мирнин прошел через портал последним и тут же закрыл его — точно так, как недавно сделала Амелия.

— Мы не будем возвращаться этим путем, — сказал он. — Быстро. У нас мало времени.

Он возглавил шествие, с развевающимися полами длинного черного пальто. Клер было нелегко попевать за ним, даже с помощью Шейна. В какой-то момент он пошел медленнее и попытался подхватить ее на руки, но она, хоть и запыхавшаяся, легонько шлепнула его.

— Нет, я справлюсь!

В конце каменного хода они свернули влево и двинулись по темному, обшитому панелями коридору, запомнившемуся Клер, но прошли мимо двери, за которой Мирнина держали в цепях.

Он даже не сбавил шага.

— Куда мы идем? — задыхаясь, спросила Ева, — Господи, и почему я не надела другие туфли! Почему...

Она оборвала себя, когда Мирнин остановился в конце коридора, перед массивной дверью средневекового типа, с широкими металлическими полосами и вырезанным на старом дереве символом Основателя.

Он даже не вспотел! Ну конечно. Клер обхватила себя руками и, тяжело дыша, привалилась к стене.

— Интересно, почему мы без оружия? — продолжала Ева, — Люди обычно вооружаются, отправляясь с миссией спасения. Я просто обращаю на это ваше внимание.

— Мне эта идея не нравится, — сказал Шейн.

Мирнин, не сводя взгляда с Клер, взял ее за руку.

— Ты мне доверяешь? — спросил он.

— Буду, если вы примете лекарство.

Он покачал головой.

— Не могу. На то есть свои причины, малышка. Пожалуйста, ты должна дать мне слово.

Шейн энергично затряс головой, Майкл, похоже, тоже сомневался, а Ева... Ева выглядела так, словно тут же рванула бы отсюда, если бы знала другой путь назад, кроме того, которым они пришли, — сквозь эту жуткую тьму.

— Да, — сказала Клер.

Мирнин улыбнулся устало и с долей грусти.

— Тогда мне хотелось бы заранее извиниться, потому что я собираюсь серьезно злоупотребить твоим доверием.

Выпустив руку Клер, он схватил Шейна за рубашку и ногой распахнул дверь. Втащил Шейна внутрь, и дверь за ними захлопнулась прежде, чем кто-либо успел среагировать, даже Майкл, который с опозданием всего на мгновение принялся колотить в нее. Но нет, дверь, видимо, соорудили с расчетом на то, чтобы она устояла перед любым вампиром.

— Шейн! — Клер принялась биться головой о символ Основателя. — Нет! Мирнин, верните его, пожалуйста...

Майкл резко обернулся.

— Держитесь позади меня! — приказал он девушкам.

Клер оглянулась через плечо и увидела, что по всему коридору раскрываются двери, как будто кто-то нажал на кнопку. Из дверей повалили вампиры и люди, отрезая троице путь к отступлению.

И у всех на шее были отметины от клыков, в точности как у самой Клер.

И у Майкла.

Он смотрел на них вроде бы совершенно спокойно... и потом ринулся навстречу вампирам.

— Майкл!

Ева бросилась следом, но Клер удержала ее.

Когда Майкл поравнялся с первым вампиром, Клер ожидала, что они подерутся... ну, что-то в этом роде. Однако они просто посмотрели друг на друга, и потом другой вампир кивнул.

— Приветствую тебя, брат Майкл.

— Приветствую, — сказал еще один вампир.

А за ним и человек.

Когда Майкл обернулся, в его обычно небесно-голубых глазах пылал темно-красный огонь.

— О черт! — прошептала Ева. — Нет, только не это!

Дверь за их спинами открылась. За ней находился большой каменный зал, как будто перенесенный сюда прямо из какого-нибудь замка, и на помосте стоял деревянный, задрапированный красным бархатом трон, запомнившийся Клер по празднеству в честь Бишопа.

Именно он и восседал сейчас на троне.

— Присоединяйтесь, — пригласил их Бишоп.

Клер и Ева посмотрели друг на друга. Шейн лежал на каменном полу, лицом вниз; ему не давал встать Мирнин.

— Входите, дети. — Бишоп заулыбался. — Все закончилось, я победил.

Клер испытывала чувство, будто оказалась на краю обрыва и весь мир вокруг исчез. Мирнин не смотрел на нее; он стоял перед Бишопом, склонив голову.

Ева, бросив взгляд в зал, снова переключила внимание на Майкла, который сейчас шагал в их сторону.

Это был не тот Майкл, которого они знали... совсем не тот.

— Отпустите Шейна, — дрожащим голосом, но отчетливо сумела произнести Клер.

Бишоп поднял палец, и Майкл ринулся к Еве, схватил ее за горло, притянул к себе, обнажил клыки.

— Нет! — вскрикнула Клер.

— Не смей приказывать мне, дитя, — сказал Бишоп. — Ты вообще должна быть уже мертва. Я почти поражен. Теперь перефразируй свою просьбу. С использованием слова «пожалуйста».

Клер облизнула губы, почувствовав вкус пота.

— Пожалуйста! Пожалуйста, отпустите Шейна. Пожалуйста, не причиняйте вреда Еве.

Бишоп задумался и кивнул.

— Эта девочка мне не нужна, — Он кивнул Майклу, и тот отпустил Еву. Она попятилась, держась руками за горло и недоверчиво глядя на Майкла, — Я получил то, что хотел. Не правда ли, Мирнин?

Мирнин задрал рубашку Шейна, и стала видна засунутая за брючный ремень книга.

Нет!

Мирнин вытащил ее и подошел к Бишопу.

«Я собираюсь серьезно злоупотребить твоим доверием», — сказал он Клер.

До этого момента она не придавала этому значения.

Бишоп протянул руку к книге.

— Постойте, — сказал Мирнин. — Был договор, что книга в обмен на семью Тео Голдмена.

— Кого? А, да. — Бишоп улыбнулся, — Они будут в полной безопасности.

— И невредимы.

— Ты считаешь возможным ставить мне условия? — спросил Бишоп, — Прекрасно. Они выйдут на свободу, целые и невредимые. Пусть все станут свидетелями того, что Тео Голдмену и его семье не будет причинено ни малейшего вреда ни мной, ни по моему приказу, но их присутствие в Морганвилле нежелательно. Я не хочу, чтобы они оставались здесь.

Мирнин склонил голову, опустил перед тронном на одно колено и обеими руками поднял книгу над головой. Бишоп взялся за нее и испустил долгий, шумный вздох.

— Наконец-то. Наконец-то.

Мирнин остался в той же позе.

— Вы сказали также, что вам нужна Амелия. Могу я предложить кое-кого взамен?

— Можешь, поскольку в данный момент я настроен по отношению к тебе благодушно.

— Эта девочка носит знак Амелии, — сказал Мирнин. — И она единственная в городе, получившая его по древним законам. Это делает ее частью самой Амелии — кровь за кровь.

Клер затаила дыхание. Казалось, все головы повернулись к ней, все взгляды устремились в ее сторону. Шейн рванулся ей на помощь, но не успел сделать и шага — Майкл сбил друга с ног и злобно оскалился. Мирнин поднялся, подошел к Клер и древним, церемонным жестом предложил ей руку.

В его темном взгляде не было и следа безумия.

Именно поэтому она внезапно решила, что никогда, никогда в жизни не простит его. Им двигала не болезнь.

Он действовал по собственной инициативе.

— Пошли. Доверься мне, Клер, пожалуйста.

Обойдя Мирнина, она подошла к подножию трона и посмотрела на Бишопа.

— Ну, чего вы ждете? — спросила она. — Убейте меня.

— Убить тебя? — удивленно повторил он, — С какой стати я стану совершать такую глупость? Мирнин совершенно прав. Убивать тебя не имеет никакого смысла. Ты нужна мне, чтобы запустить механизм Морганвилля и поддерживать его работу. Я уже объявил Ричарда Моррелла главным над людьми. Мирнин удостоился чести править теми вампирами, которые предпочитают остаться в моем королевстве и принести мне клятву верности.

Мирнин поклонился в пояс.

— Я, конечно, глубоко признателен вам за эту милость, мой повелитель.

— Одно условие, — сказал Бишоп, — Голова Оливера.

Мирнин улыбнулся.

— Я знаю, где найти его, мой повелитель.

— Вот и займись этим.

Мирнин снова поклонился, делая руками сложные пассы; на взгляд Клер, это выглядело почти издевательски.

Почти.

Продолжая кланяться, он прошептал:

— Делай, что он скажет.

И пошел прочь, как будто происходящее больше не волновало его.

Ева попыталась стукнуть его ногой, но он со смехом увернулся и погрозил ей пальцем.

Все проводили его взглядами.

— Отпусти меня, Майкл. Или укуси. Одно из двух, — сказал Шейн.

— Нет. — Бишоп щелкнул пальцами, подзывая Майкла. — Мальчик может мне пригодиться, чтобы держать под контролем его отца. Посади их в одну клетку.

— Клер, я найду тебя, — успел сказать Шейн, прежде чем его вывели.

— Я раньше найду тебя, — ответила она.

Бишоп сломал замок на книге, открыл ее и принялся листать страницы, будто в поисках чего-то конкретного. Вырвал одну, исписанную мелким почерком, сложил ее концы вместе и придавал бумаге форму цилиндра.

— Надень на руку, — Он бросил листок Клер. Она заколебалась, и он вздохнул, — Делай, что я сказал, или пострадает кто-нибудь из множества заложников твоего хорошего поведения. Понимаешь? Мать, отец, друзья, знакомые, незнакомцы... Ты не Мирнин. Не советую играть в его игры.

Она надела на руку бумажный рукав, чувствуя себя ужасно глупо, но не видя другого выхода.

От прикосновения бумаги возникло странное ощущение, а потом она, словно живое существо, присосалась к коже. Клер в панике попыталась сорвать ее, но не смогла даже подцепить, так плотно лист облегал руку.

Возникла жгучая боль, а потом бумага отклеилась и соскользнула сама.

И когда она спланировала на пол, Клер увидела, что страница чиста. Абсолютно чиста. Плотный текст остался на руке — нет, под кожей, наподобие татуировки.

И буквы двигались. От этого зрелища ей стало нехорошо. Она понятия не имела, что это означает, но чувствовала — что-то происходит внутри, что-то...

Страх исчез. И возмущение тоже.

— Поклянись в верности мне, — сказал Бишоп. — На древнем языке.

Клер опустилась на колени и поклялась, на языке, которого не знала. И ни на мгновение не усомнилась, что поступает правильно. Фактически она почувствовала себя счастливой. Восторженно счастливой. В глубине сознания прозвучало: «Он принуждает тебя делать это!», однако ей самой было глубоко наплевать.

— Как я должен поступить с твоими друзьями? — спросил Бишоп.

— Мне все равно.

Ее даже не волновало, что Ева плачет.

— Ну, когда-нибудь станет не все равно. Вот тебе мой дар: твоя подруга Ева может уйти. Для меня она абсолютно бесполезна. Почему бы не продемонстрировать свое милосердие?

— Мне все равно, — повторила Клер.

Ей было не все равно, умом она понимала это — но абсолютно ничего не чувствовала.

— Уходи, — бросил Бишоп Еве с улыбкой, от которой бросало в дрожь, — Беги. Найди Амелию и скажи ей: город и все, что ей дорого, теперь принадлежит мне. В том числе и книга. Если она хочет получить ее обратно, пусть придет сама.

Ева вытерла слезы и устремила на него гневный взгляд.

— Она придет. И я вместе с ней. Вы не всех подчинили себе. Это наш город, и мы вышибем вас отсюда, даже если это будет последнее, что нам удастся сделать.

Толпившиеся вокруг вампиры засмеялись.

— Что же, приходите. Мы подождем, — сказал Бишоп, — Правда, Клер?

— Да, — Она опустилась на ступеньки у его ног, — Мы подождем.

Он шелкнул пальцами.

— Тогда давайте праздновать победу, а утром поговорим о том, как теперь будет жить Морганвилль. В соответствии с моими желаниями.